

240

ПОДСНѢЖНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТСКАГО И ЮНОШЕСКАГО ВОЗРАСТОВЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ В. Н. МАЙКОВЫМЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

№ 8. АВГУСТЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1859.

ПОДСНѢЖНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТСКАГО И ЮНОШЕСКАГО ВОЗРАСТОВЪ.

ПОДСНѢЖНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТСКАГО И ЮНОШЕСКАГО ВОЗРАСТОВЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ В. Н. МАЙКОВЫМЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

№ 8. АВГУСТЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1859.

ПОДСИЖИТЕЛЬ

М. В. А. Р. И. С. К.

ДЕПАРТАМЕНТА ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
С.-Петербургъ, 3 августа 1859 года.

Ценсоръ С. Палаузовъ.

ПОЧТОЙ

№ 8. ВЛАСЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ ДЕПАРТАМЕНТА ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ.

СОДЕРЖАНІЕ ВОСЬМОЙ КНИЖКИ.

	<i>стр.</i>
СОБРАНИЕ ЧУДЕСЪ, ПОВѢСТИ, ЗАИМСТВОВАННЫЯ ИЗЪ МИФОЛОГІИ (<i>часть первая</i>), сочиненіе аме- риканскаго писателя Натаніэля Готорна:	
<i>Пигмеи (съ 3-мя картинками)</i>	1
КАМЕННОЕ СЕРДЦЕ (<i>повѣсть Гауффа</i>).....	37
РУССКІЕ НА ШПИЦБЕРГЕНЪ ИЛИ ГРУМАНТЪ.....	89
ОРАНГУТАНГЪ	99
НЕАПОЛЬ ВЪ ПОЛОВИНѢ XVII ВѢКА (<i>статья вто- рая и послѣдняя</i>) Н. Лыткина	125
БЕЗПРЕДѢЛЬНОСТЬ ВСЕЛЕННОЙ.....	141
КОЛЬБЕРЬ.....	162

СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВОЙ КНИЖКИ

Содержание первой книжки, по предмету, сему соответствующим

1. Введение (с. 1-10)

2. Краткое описание предмета (с. 11-20)

3. История предмета (с. 21-30)

4. Описание предмета (с. 31-40)

5. Применение предмета (с. 41-50)

6. Заключение (с. 51-60)

7. Литература (с. 61-70)

8. Приложение (с. 71-80)

9. Заключение (с. 81-90)

10. Литература (с. 91-100)

СОБРАНИЕ ЧУДЕСЪ,

ПОВѢСТИ, ЗАИМСТВОВАННЫЯ ИЗЪ МЯӨОЛОГІИ,

СОЧИНЕНІЕ АМЕРИКАНСКАГО ПИСАТЕЛЯ

НАТАНІЭЛЯ ГОТОРНА.

(часть первая)

Пигмеи.

Во времена древности, въ ту эпоху, когда міръ еще былъ полонъ чудесъ, жилъ-былъ на свѣтѣ гигантъ, по имени Антей и чрезвычайно любопытный народъ, состоявшій, по крайней мѣрѣ, изъ милліона крошечныхъ существъ, называвшихся Пигмеями. И гигантъ Антей и Пигмеи были дѣти одной общей матери Земли и жили вмѣстѣ далеко, далеко, въ самой знойной части Африки. Узы чистѣйшаго братства соединяли ихъ въ одно семейство. Пигмеи были такъ малы и между ними и остальнымъ человѣческимъ родомъ было столько пространныхъ песчаныхъ степей,

столько высокихъ горъ, что обыкновенные люди видали этихъ миниатюрныхъ человѣчковъ не болѣе раза въ цѣлую сотню лѣтъ. Что же касается до гиганта, то, по своему огромному росту, онъ могъ быть легко замѣченъ, но гораздо вѣрнѣе было держаться отъ него подалѣе.

Если который-нибудь изъ Пигмеевъ случайно достигалъ пяти или шести дюймовъ роста, на него смотрѣли какъ на великана. Должно быть, чрезвычайно любопытно было видѣть маленькіе города этаго народа, съ улицами въ два фута шириною, вымощенными самыми мелкими камешками, и украшенными двойнымъ рядомъ домиковъ, величиною съ клѣтку векши. Дворецъ царя достигалъ однакожъ изумительныхъ размѣровъ ящика для куколъ и возвышался посреди пространной площади, которую едва ли можно было бы прикрыть ковромъ, который мы обыкновенно кладемъ у камина. Главный храмъ Пигмеевъ былъ также высокъ, какъ у насъ порядочный коммодъ и считался зданіемъ, несравненнымъ по своему великолѣпію. Матеріалы, употребляемые для всѣхъ этихъ построекъ, не состояли ни изъ кирпичей, ни изъ дерева. Всѣ зданія этаго миниатюрнаго народа были смазаны почти также, какъ птичьи гнѣзда — изъ соломы, перьевъ, яичной скорлупы и другихъ подобнаго же рода предметовъ, скрѣпленныхъ глиной. Высушенные солн-

цемъ, эти зданія дѣлались, повидному, такъ удобны и такъ изящны, какъ только Пигмеи могли желать.

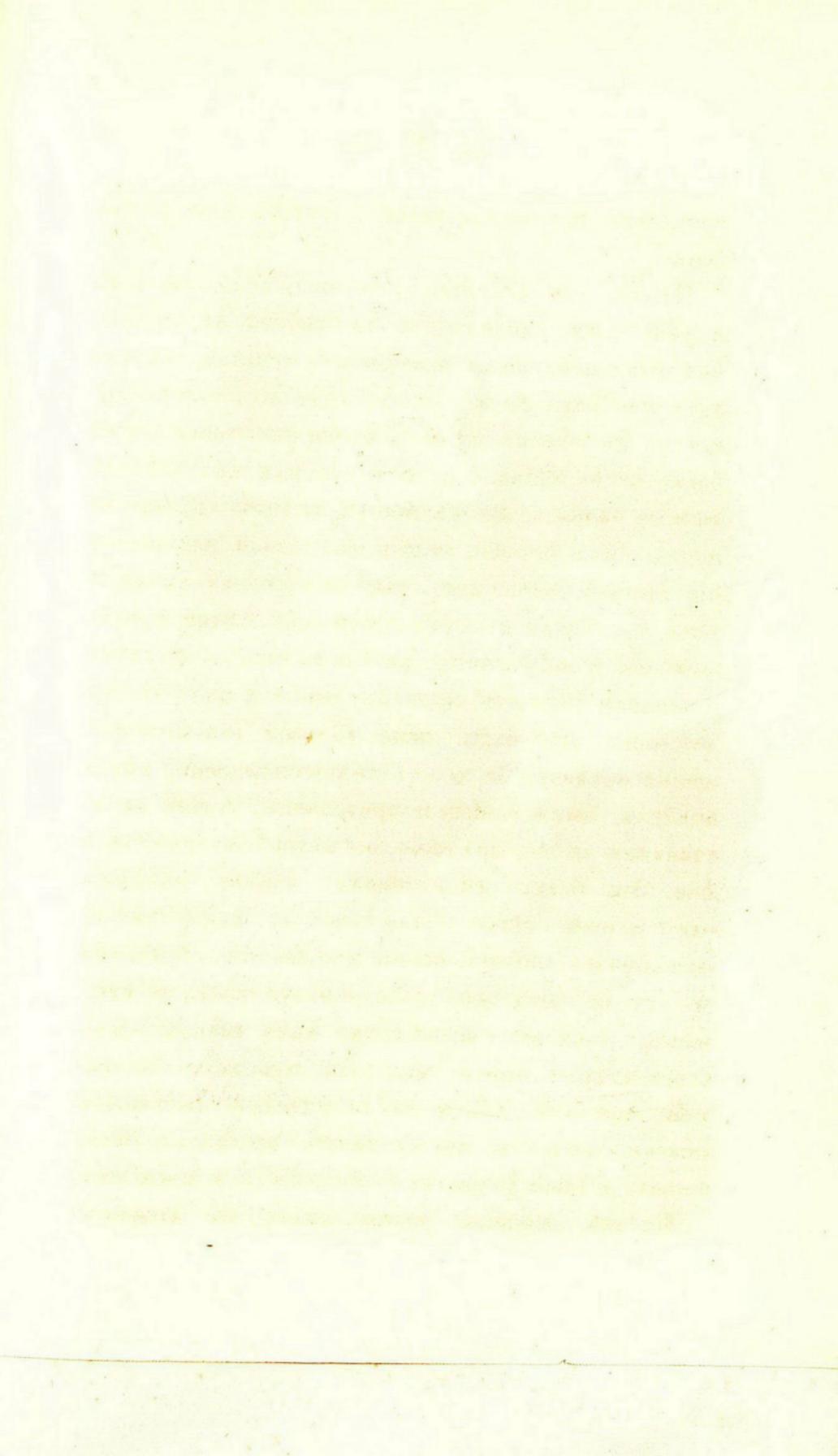
Страна, населяемая этимъ народомъ, состояла изъ полей, изъ которыхъ самое обширнѣйшее, пожалуй, могло бы поспорить величиной съ цвѣтникомъ противъ вашей дачи. Въ этихъ-то поляхъ Пигмеи сѣяли рожь и другія хлѣбныя растенія, которыя, созрѣвъ и достигнувъ своего полного роста, доставляли благотворную тѣнь народонаселенію карликовъ, какъ намъ доставляютъ эту тѣнь сосны, дубы, каштановыя и другія деревья, когда мы гуляемъ по деревнямъ. Во время жатвы, Пигмеи должны были прибѣгать къ топорамъ, точно такъ, какъ у насъ дѣлаютъ дровосѣки, когда расчищаютъ лѣсъ; и если не равно случилось, что колось, отягченный своими полными зернами, падалъ на какого-нибудь несчастнаго Пигмея, бѣдняга находился въ самомъ жалкомъ положеніи. Если колось не раздавливалъ его совершенно, то малютка, по крайней мѣрѣ, нѣсколько мѣсяцевъ страдалъ головной болью.

Я уже говорилъ вамъ, какъ были малы взрослые Пигмеи; теперь представьте-же себѣ, каковы могли быть ихъ дѣти и въ особенности новорожденные. Цѣлое семейство могло преудобно помѣститься въ башмакъ или въ старой перчаткѣ и играть въ-прятки между пальцами. Вы легко

прикрыли бы паперсткомъ полугодового ребенка.

Итакъ, эти странныя крошечныя созданія, какъ я уже вамъ сказалъ, жили вмѣстѣ съ своимъ братомъ-гигантомъ, котораго огромная фигура изумляла едва ли не болѣе, чѣмъ ихъ миниатюрность. Въ самомъ дѣлѣ, надо было, чтобы Антей былъ очень великъ, потому-что онъ употреблялъ вмѣсто палки сосну въ восемь футовъ въ окружности. Безъ пособія телескопа, самый дальнорычій Пигмей едва могъ замѣтить голову гиганта, такъ что когда въ сумрачный день Антей прохаживался между своими братьями, они съ трудомъ различали верхнюю половину его фигуры; только двѣ ноги его были ясно видимы для невооруженнаго глаза. За то, въ солнечный день, когда воздухъ былъ чистъ и прозраченъ, Антей представлялъ собою зрѣлище, по истинѣ величественное. Это была огромнѣйшая гора въ человѣческой формѣ. Надо было видѣть, какъ Антей, возвышаясь между своими крошечными братьями во всю вышину своего огромнаго роста и улыбаясь, ласково смотрѣлъ на нихъ своимъ единственнымъ глазомъ, который находился на самой серединѣ лба и имѣлъ размѣры телѣжнаго колеса, такъ что могъ однимъ взглядомъ охватывать цѣлый народъ, собравшійся у ногъ его.

Пигмеи любили разговаривать съ Антеемъ.

Разъ по пятидесяти въ день, они, другъ послѣ дружки, поднимали головы къ верху, сколько могли, и складывая руки на подобіе сигнальной трубы, изъ всѣхъ силъ кричали ему:

— Эй, эй, братецъ Антей! здоровъ ли ты, дружокъ? Какъ поживаешь?

И когда маленькіе и пронзительные голоса ихъ случайно достигали до слуха гиганта, онъ отвѣчалъ:

— Не дурно, братъ Пигмей... спасибо, мой милый....

И звуки громоваго голоса гиганта были такъ сильны, что могли бы разрушить самый крѣпкій изъ пигмейскихъ храмовъ, если бы довольно значительное разстояніе не отдѣляло отъ него ихъ столицу.

Къ величайшему счастью этаго столь слабого народа, Антей питалъ въ отношеніи къ нему чувствованія самой искренней дружбы. Въ мизинцѣ этаго огромнаго гиганта было болѣе силы, чѣмъ въ цѣломъ миліонѣ Пигмеевъ, и если бы онъ питалъ къ нимъ такую же вражду, какъ ко всѣмъ остальнымъ людямъ, онъ могъ бы однимъ ударомъ ноги разрушить до основанія важнѣйшіи изъ ихъ городовъ, даже не замѣтивъ этого. Ему стоило только дунуть, чтобы снести крыши съ сотни ихъ домовъ и поднять на воздухъ тысячи самихъ обитателей, какъ столбъ пыли. Предпо-

ложите, что гигантъ просто положилъ бы одну изъ своихъ огромныхъ ногъ на цѣлый городъ этихъ крошечныхъ существъ и представьте себѣ потомъ, какія бы ужасныя послѣдствія вышли изъ этого. Но будучи, подобно Пигмеямъ, сыномъ земли, Антей любилъ ихъ братской любовью и такъ нѣжно, какъ только возможно любить такихъ слабыхъ созданій. Съ своей стороны, Пигмеи питали къ своему старшему брату такую привязанность, какая только могла заключаться въ ихъ крошечныхъ сердцахъ. Они всегда находили его готовымъ помочь имъ. Нуженъ ли былъ, напримѣръ, имъ легкій вѣтерокъ, чтобы заставить мельницы ихъ молотъ, — тотчасъ-же крылья этихъ мельницъ приходили въ движеніе, подъ вліяніемъ естественнаго дыханія легкихъ Антея. Палило ли Пигмеевъ солнце своими слишкомъ знойными лучами, Антей тотчасъ садился на землю, и тѣнь отъ его тѣла покрывала все ихъ царство, отъ одной границы до другой. Что же касается вообще до ихъ внутренняго управленія, то гигантъ былъ такъ благоразуменъ, что предоставлялъ имъ въ этомъ отношеніи полную свободу дѣйствовать.

Однимъ словомъ, Антей любилъ Пигмеевъ, и Пигмеи платили ему за то взаимной привязанностью. Продолжительность жизни этаго гиганта соотвѣтствовала огромности его тѣла, точно так-

же какъ жизнь Пигмеевъ соразмѣрялась съ ихъ несравненной миниатюрностью. Но какъ бы то ни было, обоюдное согласіе не переставало существовать между ними въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ, переходя отъ поколенія къ поколенію, и воспоминаніе объ этой дружбѣ сохранялось въ лѣтописяхъ и самыхъ древнѣйшихъ преданіяхъ Пигмеевъ. Если бы спросили объ этомъ обстоятельстве у самаго почтеннаго и самаго бородатаго изъ Пигмеевъ, онъ отвѣтилъ бы, что старѣйшій изъ его родственниковъ никогда не слыхалъ отъ своихъ дѣдовъ, чтобы Антей хотя на время остывалъ въ чувствахъ привязанности къ своимъ младшимъ братьямъ. Однажды — я не могу умолчать о событіи столь важномъ, что оно было увѣковѣченоobeliskомъ въ три фута вышиною, воздвигнутымъ на самомъ мѣстѣ несчастія — однажды Антей, сядясь на мѣсто, нечаянно раздавилъ пять тысячъ Пигмеевъ, собравшихся для парада. Это былъ, конечно, одинъ изъ тѣхъ несчастныхъ случаевъ, въ которомъ нельзя винить никого, и потому добрые Пигмеи ни на минуту не питали вражды къ виновнику такого ужаснаго бѣдствія. Они только попросили гиганга на будущее время быть болѣе внимательнымъ и съ большей осмотрительностью выбирать участки земли, на которомъ онъ хотѣлъ уѣсться.

По истинѣ, нельзя безъ улыбки вообразить себѣ

Антея, стоящаго подобно самой высокой колокольнѣ, какая только когда-либо существовала на землѣ, посреди этихъ муравьевъ въ человѣческомъ видѣ, движущихся около его ногъ, и потомъ подумать, что, несмотря на такое страшное различіе въ ростѣ этихъ крошечныхъ существъ и этаго огромнаго гиганта, между ними существовала тѣсная дружеская связь, основанная на взаимной симпатіи. Сказать правду, мнѣ часто казалось, что гигантъ имѣлъ болѣе нужды въ обществѣ Пигмеевъ, чѣмъ они въ его. И въ самомъ дѣлѣ, безъ этихъ добродушныхъ сосѣдей и, — мы говоримъ это съ полной увѣренностью, — этихъ товарищей въ игрѣ, онъ не имѣлъ бы въ мірѣ ни одного друга. Единственный по существу своему, онъ никогда не встрѣчалъ созданія, которое могло бы сравняться съ нимъ гигантскимъ ростомъ и поговорить съ нимъ лицомъ къ лицу. Когда онъ стоялъ или шелъ, голова его возвышалась въ облакахъ: онъ находился въ совершенномъ уединеніи, и такимъ образомъ ему суждено было проводить цѣлые вѣки. Предположимъ, что Антей даже и могъ-бы встрѣтиться съ другимъ гигантомъ; но онъ воображалъ, что міръ не довольно обширенъ для двухъ человѣкъ такого огромнаго размѣра, какъ онъ, и потому, вмѣсто того, чтобы подружиться съ себѣ подобнымъ, вступилъ бы съ нимъ въ борьбу на жизнь и на смерть.

Съ Пигмеями же Антей былъ самый веселый, самый забавный, самый шутливый гигантъ, какой только когда-либо освѣжалъ чело свое посреди облаковъ.

Маленькіе друзья Антея, какъ и многіе другіе народы, не болѣе сильныя, имѣли необыкновенно высокое понятіе о своей важности и не рѣдко обращались съ нимъ съ видомъ болѣе или менше покровительственнымъ.

«Бѣдный братъ!» говорили они между собою: — «жизнь его очень печальна... онъ вѣчно одинъ и потому мы не должны сожалѣть о потерѣ нѣсколькихъ, драгоценныхъ для насъ, часовъ, которые мы тратимъ, желая его позабавить. Безъ сомнѣнія, онъ не обладаетъ такими блестящими качествами какъ мы; но тѣмъ болѣе мы должны заботиться о его благосостояніи и его счастіи. Будемъ-же всегда добры къ нашему старому товарищу. Конечно, еслибы наша мать земля не надѣлила насъ своими благодѣяніями съ такою щедростью, мы могли бы точно также быть гигантами.

Въ каждый праздничный день Пигмеи предавались, вмѣстѣ съ Антеемъ, веселымъ играмъ. Когда гигантъ ложился во всю длину свою на землю и такимъ образомъ уподоблялся цѣпи горъ, самому лучшему скороходу изъ Пигмеевъ нужно было употребить цѣлый часъ, чтобы пройти про-

странство отъ головы до ногъ колосса. Иногда онъ клалъ свою ладонь на траву, подстрѣкалъ храбрѣйшихъ изъ Пигмеевъ итти на приступъ и вызывалъ ихъ перескакивать черезъ его пальцы. Большая часть Пигмеевъ простирали свою неустрашимость до того, что забирались въ складки его платья. Иногда Антей склонялъ голову, и они храбро влезали по его плечамъ до самого рта, и тутъ-то начинались нескончаемые возгласы веселаго, шумнаго смѣха, если вдругъ этотъ огромный зѣвъ раскрывался и, повидимому, готовъ былъ поглотить разомъ человѣкъ пятьдесятъ. Тотъ повеселился бы, еслибъ увидали какъ дѣти Пигмеевъ бѣгали и рѣзвились между волосами Антея, или качались на кудряхъ его бороды. Невозможно рассказать вамъ всѣхъ продѣлокъ, которыя они позволяли себѣ, играя съ своимъ гигантскимъ товарищемъ. Я упомяну только объ одной изъ ихъ шалостей, по моему мнѣнію, самой любопытной: часто, собравшись толпою, мальчишки бѣгали въ запуски по покатости широкаго лба Антея и спорили, кто скорѣе обѣжитъ вокругъ его огромнаго глаза. Но гимнастическое упражненіе, особенно славившееся между ними, заключалось въ томъ, чтобы взобраться на кончикъ носа гиганта и спрыгнуть оттуда на его верхнюю губу.

Сказать правду, Пигмеи иногда очень надоѣдали

Антею, какъ надоѣдаетъ рой комаровъ, въ особеннѣности, когда имъ приходило на мысль коварное желаніе колоть его своими крошечными копьями или мечами, чтобы испытать толщину и твердость его кожи. Однакожъ Антей снисходительно покорялся всѣмъ этимъ довольно злымъ шуткамъ. Правда, по временамъ, когда онъ дремалъ, ему случалось ворчать на нихъ и упрашивать, чтобы они окончили свои шалости; но гораздо чаще этотъ неповоротливый лѣнтяй терпѣливо переносилъ ихъ рѣзвость и прыжки до тѣхъ поръ, пока имъ не удавалось, наконецъ, совершенно разбудить его. Тогда гигантъ вдругъ заливался такимъ громкимъ смѣхомъ, что вся пигмейская нація спѣшила затыкать себѣ уши, чтобы не оглохнуть.

— Го, го, го! кричалъ Антей, поднимаясь съ земли: — какъ забавно и весело быть маленькимъ. Не будь я Антеемъ, я желалъ бы быть Пигмеемъ, лишь бы только порѣзвиться такъ, какъ рѣзвятся эти крошки.

У Пигмеевъ въ цѣломъ мірѣ былъ только одинъ предметъ заботы и безпокойства. Они вели постоянную войну съ журавлями. Время отъ времени, между ними происходили страшныя битвы. Побѣда попеременно была то на одной сторонѣ, то на другой. По сказаніямъ нѣкоторыхъ историковъ, Пигмеи отправлялись на поле сраженія

верхомъ на козлахъ или на баранахъ; но очевидно, такія лошади были слишкомъ велики для такихъ крошечныхъ солдатъ, и потому я предполагаю, что ихъ кавалерія набиралась изъ бѣлокъ, кроликовъ, крысъ и, можетъ-быть, еще изъ ежей, которыхъ острия спицы представляли непріятелю страшную преграду. Но оставимъ въ сторонѣ всякія предположенія и скажемъ только то, что подтверждается исторіей, а именно, что знаменитые легіоны Пигмеевъ могли бы, пожалуй, привести въ ужасъ того, кто посмотрѣлъ-бы, какъ блистали ихъ мечи, копья и стрѣлы, и кто услышалъ бы, какъ раздавались звуки ихъ трубъ и ихъ воинственные крики. Эти гордые воители не упускали случая возбуждать свое мужество, напоминая себѣ, что весь міръ смотритъ на нихъ. Къ несчастію, свидѣтели ихъ громкихъ подвиговъ ограничивались однимъ Антеемъ. Онъ одинъ созерцалъ ихъ своимъ круглымъ и безсмысленнымъ глазомъ.

Когда двѣ враждующія арміи встрѣчались, журавли бросались впередъ, хлопая крыльями и вытянувъ шею. Они схватывали иногда своими длинными клювами непріятелей поперегъ тѣла, и тогда-то ужасно было видѣть, какъ храбрые пигмейскіе воины бились на воздухъ всѣми членами и наконецъ исчезали въ горлѣ своихъ враговъ, поглощенные за-живо. Но герой, какъ вамъ

извѣстно, всегда долженъ быть готовымъ перенести величайшія бѣдствія изъ любви къ славѣ, и безъ сомнѣнія, помышляя о томъ блескѣ, который въ послѣдствіи отразится на ихъ памяти, Пигмеи утѣшались даже и тѣмъ, что умирали за свое отечество въ журавлиной глоткѣ.

Если Антей видѣлъ, что его друзьямъ приходилось плохо, онъ обыкновенно на минуту останавливался, чтобы немножко посмѣяться, а потомъ шелъ къ нимъ на помощь, потрясая своей дубиной и крича на журавлей, которые, хлопая, крыльями и подпрыгивая, мигомъ убирались съ поля сраженія. Тогда храбрые Пигмеи съ триумфомъ возвращались въ свои дома, приписывая побѣду своему пылкому мужеству, стратегическимъ движеніямъ и военнымъ талантамъ своего полководца. Тутъ-то начинались безконечныя парады, церемоніальные обѣды и роскошныя иллюминаціи. Въ магазинахъ выставялись восковые бюстики воиновъ, наиболѣе отличившихся въ сраженіи.

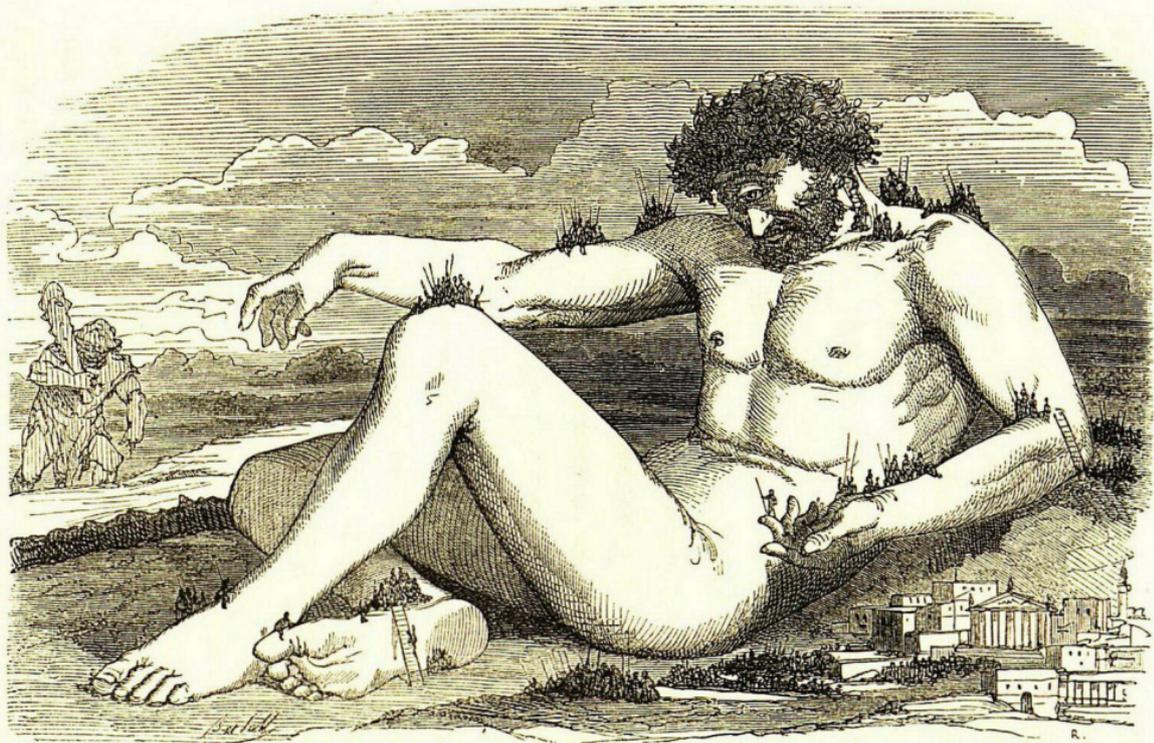
Если иногда, въ подобныхъ битвахъ, какому-нибудь Пигмею удавалось вырвать перо изъ журавлинаго хвоста, онъ съ гордостью втыкалъ его въ свой шлемъ. Разъ случилось, что одинъ изъ военачальниковъ былъ избранъ своими согражданами въ верховные правители всей страны, не имѣя никакихъ другихъ заслугъ, кромѣ того, что

ему удалось возвратиться съ поля сраженія съ подобнымъ трофеемъ.

Я уже довольно объяснилъ вамъ, какой храбрый и мужественный народъ были Пигмеи и какое согласіе постоянно царствовало между ними и гигантомъ Антеемъ; но, въ продолженіи этой исторіи, я опишу вамъ битву, болѣе необыкновенную, чѣмъ та, которая происходила у Пигмеевъ съ журавлями.

Однажды могущественный Антей, растянувшись во всю длину своего роста, спокойно отдыхалъ среди своихъ друзей. Дубина его лежала возлѣ. Голова его покоилась въ одной части пигмейскаго государства, а ноги въ другой. Между тѣмъ, какъ онъ наслаждался такимъ образомъ всей сладостью отдохновенія, Пигмеи влезали на него со всѣхъ сторонъ, приходили разсматривать глубину его полуоткрытаго рта и рѣзвились въ его волосахъ. Время отъ времени гигантъ вдругъ засыпалъ на нѣсколько минутъ и храпѣлъ съ свистомъ, похожимъ на свистъ урагана.

Въ одинъ изъ этихъ краткихъ промежутковъ сна, одинъ изъ Пигмеевъ случайно взобрался къ нему на плечо и бросилъ взглядъ на горизонтъ, окружавшій его, какъ мы иногда смотримъ на пейзажъ съ высоты холма. Вдругъ онъ увидалъ вдали нѣчто странное, чрезвычайно его поразившее, и протеръ глаза, чтобы разсмотрѣть яснѣе.

Сначала онъ принялъ этотъ предметъ за гору и никакъ не могъ себѣ представить, какимъ образомъ она явилась передъ нимъ такъ внезапно. Но вотъ гора вдругъ пришла въ движеніе, и по мѣрѣ того, какъ она приближалась, она все болѣе и болѣе принимала формы человѣка, конечно уступавшаго въ величинѣ Антею, но все-таки огромнаго въ сравненіи съ Пигмеями.

Тотчасъ, какъ только виновникъ этого открытія убѣдился въ справедливости своего замѣчанія, онъ со всѣхъ ногъ бросился бѣжать прямо къ уху Антея и остановившись на самомъ краю этой глубокой пещеры, изъ всѣхъ силъ закричалъ ему:

— Эй, братецъ Антей, — вставай проворнѣй и бери скорѣе свою дубинку! Посмотри вонъ идетъ другой гигантъ сразиться съ тобою....

— О-го! пробормоталъ Антей, въ половину пробужденный: развѣ ты не видишь, что мнѣ хочется спать? На свѣтѣ нѣтъ ни одного гиганта, для котораго я сталъ бы беспокоиться.»

Пигмей еще разъ посмотрѣлъ въ даль и ясно увидалъ незнакомца, который шелъ прямо къ безпечному и лѣнивому Антею. Чѣмъ болѣе онъ приближался, тѣмъ менѣе становился похожимъ на гору. Это очевидно былъ человѣкъ, но огромнѣйшаго роста. Онъ, наконецъ, подошелъ такъ близъ

ко, что уже не возможно было ошибиться. Солнечные лучи отражались на его золотомъ шлемѣ и латахъ. Пигмей успѣлъ ясно разглядѣть и мечъ, висѣвшій на боку незнакомца, и львиную кожу, покрывавшую его спину, и наконецъ палицу, которую онъ несъ на правомъ плечѣ.

Въ одну минуту всѣ Пигмеи могли созерцать новое чудо, и цѣлый миллионъ этихъ крошечныхъ человѣчковъ вдругъ поднялся, испустивъ разомъ одно общее восклицаніе, такъ что масса этихъ маленькихъ, вмѣстѣ соединенныхъ, криковъ произвела шумъ, по истинѣ, поразительный.

— Эй, Антей, вставай-же, старый лѣнивонецъ! Посмотри, вонъ другой гигантъ, такой-же сильный какъ и ты, идетъ сразиться съ тобою.

— Все это вздоръ! пробормоталъ полусонный Антей: — пусть себѣ придетъ ко мнѣ кто хочеть, а я не встану, пока не выплюсь.»

Между тѣмъ, незнакомецъ подходилъ все ближе и ближе, и Пигмеи тотчасъ замѣтили, что если по росту онъ былъ и ниже Антея, за то плеча его были гораздо шире. И какія это были плеча!.. Впрочемъ, я однажды уже говорилъ вамъ, что эти плеча поддерживали тяжесть всего неба. Пигмеи, бывши въ десять разъ проворнѣе, чѣмъ ихъ неповоротливый братецъ, и досадуя на его, лѣность, рѣшились, наконецъ, поднять его

на ноги. Они начали изъ всѣхъ силъ кричать ему въ уши и даже принялись колоть его своими мечами.

— Вставай, вставай скорѣе, гадкій соня! говорили они: у незнакомаго гиганта дубинка побольше и потяжеле твоей, да и плеча то его пошире.... Намъ кажется, что онъ гораздо сильнѣе тебя.»

Эти послѣднія слова заставили Антея выйти изъ его апатіи: они укололи его гораздо больнѣе, чѣмъ мечи и копья пигмеевъ. Съ досадою приподнялся онъ на своемъ мѣстѣ, зѣвнулъ такъ, что разинулъ ротъ на нѣсколько аршинъ, почесалъ глазъ и наконецъ повернулъ свою безсмысленную голову въ ту сторону, куда указывали ему съ такимъ нетерпѣніемъ его маленькіе друзья. Едва замѣтивъ незнакомца, Антей вскочилъ однимъ прыжкомъ съ мѣста, схватилъ свою огромную дубину и потрясая ею съ такою силою, что даже воздухъ взволновался вокругъ, пошелъ къ нему на встрѣчу.

— Ктò ты? вскричалъ онъ грознымъ голосомъ: и за чѣмъ пришелъ ты въ мои владѣнія?

Въ натурѣ Антея было одно чрезвычайно удивительное свойство, о которомъ я еще не говорилъ вамъ, боясь чтобы вы, видя столько чудесъ, въ половинѣ ихъ не усумнились. Вотъ въ чемъ состояло это новое чудо: каждый разъ, какъ только Антей касался земли рукою или ногою или какой-

нибудь другой частью своего тѣла, онъ вдругъ дѣлался гораздо сильнѣе. Вы, вѣроятно, помните, что земля произвела его на свѣтъ, и потому она питала къ нему особенную привязанность. По ея мнѣнію, Антей былъ совершеннѣйшимъ изъ дѣтей ея. Такимъ образомъ, она употребляла это средство для того, чтобы постоянно поддерживать въ немъ всѣ его силы. Нѣкоторые утверждаютъ, что при каждомъ новомъ прикосновеніи къ землѣ онъ дѣлался въ десять разъ сильнѣе; другіе же говорятъ, что сила его увеличивалась при этомъ только вдвое. Какъ бы то ни было, но если ему случалось прилечь для отдыха на землю хотя на одно мгновеніе, онъ вставалъ, сдѣлавшись сильнѣе, чѣмъ десять гигантовъ ему подобныхъ. Къ счастію человѣческаго рода, онъ отъ природы былъ чрезвычайно лѣнивъ и больше любилъ отдыхъ, чѣмъ упражненія: будь онъ также дѣятеленъ и проворенъ какъ Пигмей и прикасайся къ землѣ чаще, нежели это ему случалось, онъ давно былъ бы въ состояніи опрокинуть небесный сводъ. Но вообще подобныя существа, одаренныя такою чрезмѣрною величиною, походятъ на гору, не только по своему огромному росту, но и по своей любви къ неподвижности.

Любой изъ смертныхъ, встрѣтившись съ Антеемъ, пришелъ бы въ ужасъ отъ его дикаго вида и страшнаго громоваго голоса; но незнакомецъ, повидимому, нисколько не смутился. Онъ не-

брежно поднялъ свою палицу и взмахнулъ ею, измѣряя Антея взглядомъ съ головы до ногъ, не какъ человѣкъ, изумленный его огромнымъ ростомъ, но просто какъ человѣкъ, уже видавшій много гигантовъ, но никогда еще не встрѣчавшій подобнаго. Какъ бы то ни было, незнакомецъ смотрѣлъ на Антея такъ спокойно, какъ будто бы гигантъ этотъ былъ не болѣе Пигмеевъ, которые издали присутствовали при этой встрѣчѣ, навостривъ уши и смотря во всѣ глаза.

— Ктò ты? повторилъ Антей, еще болѣе громовымъ голосомъ. — Какъ тебя зовутъ? Зачѣмъ пришелъ ты сюда? Говори, бродяга, или я тотчасъ попробую моею палкой какъ крѣпокъ твой черепъ....

— Ты порядочный невѣжа! отвѣчалъ спокойно незнакомецъ: — и я вижу, что мнѣ надо поучить тебя вѣжливости, прежде, чѣмъ я уйду отсюда. Меня зовутъ Геркулесомъ. Я прохожу здѣсь потому, что это самый прямой путь въ садъ Гесперидъ, куда я иду съ цѣлью добыть три золотыя яблока для царя Эвристея.

— Презрѣнный, ты не пойдешь далѣе! заревѣлъ Антей съ бѣшенствомъ, потому что слышалъ о Геркулесѣ и ненавидѣлъ его именно за его славу. — Ты не веротишься даже и въ тѣ мѣста, откуда пришелъ.

— А какъ это помѣшаешь ты мнѣ итти куда мнѣ угодно?

— Я разомъ пришибу тебя вотъ этой сосной, — вскричалъ гигантъ, сдѣлавъ такую сердитую гримасу, отъ которой показался Геркулесу отвратительнѣйшимъ чудовищемъ. — Я въ пятьдесятъ разъ сильнѣе тебя... и смотри, прибавилъ онъ, ударивъ ногою о землю: — теперь я сталъ сильнѣе въ пять сотъ разъ. Миѣ совѣстно убивать такого жалкаго карлика, какъ ты. Я лучше сдѣлаю тебя моимъ рабомъ и рабомъ моихъ братьевъ Пигмеевъ. Брось-ка свою дубину и все остальное оржіе, а изъ твоей львиной шкуры я сдѣлаю себѣ пару перчатокъ.

— Посмотримъ.... Поди попробуй сорвать ее съ моихъ плечъ... возразилъ герой, поднявъ палицу.

Въ бѣшенствѣ и скрежеща зубами, Антей бросился къ Геркулесу; съ каждымъ скачкомъ сила его увеличивалась. Добѣжавъ до своего противника, онъ хотѣлъ нанести ему страшный ударъ сосною, но Геркулесъ отбилъ этотъ ударъ своей палицей и будучи гораздо проворнѣе и ловчѣе неповоротливаго гиганта, ударилъ его по черепу такъ сильно, что человѣкъ-гора упалъ навзничъ на землю. Бѣдные Пигмеи оледенѣли отъ ужаса: они и не воображали, чтобы на свѣтѣ существовалъ человѣкъ, который могъ бы сравниться по силѣ съ ихъ братомъ. Между тѣмъ Ангей, едва упавъ, тотчасъ-же вскочилъ на ноги, сдѣлавшись въ десять разъ сильнѣе. Съ величайшей яростью,

которая могла бы привести въ ужасъ всякаго, онъ взмахнулъ сосною, чтобы поразить Геркулеса, но ослѣпленный гнѣвомъ, промахнулся и попалъ только по своей бѣдной, невинной матери землѣ, которая вздрогнула и застонала отъ его страшнаго удара. Сосна такъ глубоко и такъ крѣпко воткнулась въ землю, что прежде, нежели Антей успѣлъ выдернуть ее, Геркулесъ нанесъ ему новый ударъ по спинѣ, и такова была сила руки героя, что гигантъ испустилъ чудовищный ревъ, звуки котораго громко раздались въ воздухѣ, пронеслись черезъ горы и долины и, сколько я могъ узнать, глухо отозвались даже за африканскими степями.

Что касается до Пигмеевъ, то ихъ столица разрушилась до основанія отъ сотрясенія воздуха. Казалось бы, громоваго голоса гиганта было уже достаточно, но Пигмеи сочли нужнымъ усилить его милліономъ своихъ крошечныхъ крикливыхъ голосковъ, чтобы сдѣлать его, какъ они воображали, еще болѣе поразительнымъ. Между тѣмъ, Антею удалось наконецъ выдернуть изъ земли сосну и оправиться. Раздраженный болѣе прежняго и получивъ при паденіи новую силу, онъ бросился на Геркулеса, чтобы нанести ему послѣдній ударъ.

— На этотъ разъ, презрѣнный, ты не увер-

нешья отъ меня! вскричалъ онъ съ неистовой злобой.

Но Геркулесъ снова прикрылъ себя своей пащею, и сосна гиганта, ударившись о нее, разлетѣлась на тысячу кусковъ, которые, разсыпавшись посреди пигмеевъ, произвели между ними неописанныя опустошенія. Не давая Антею времени опомниться, Геркулесъ ударилъ его въ другой разъ такъ, что гигантъ полетѣлъ вверхъ ногами. Я не въ состоянїи описать его ярость. Пламя самой раскаленной печи не могло бы сравниться съ пламенемъ его единственнаго глаза, который просто сдѣлался огненнымъ кругомъ. У него не оставалось никакого оружія кромѣ его кулаковъ, изъ которыхъ каждый превосходилъ величиною добрую бочку. Онъ сжалъ ихъ и, въ припадкѣ неистоваго бѣшенства, началъ дѣлать ужасные прыжки, потрясая своими огромными руками, какъ будто-бы приготовлялся не только убить Геркулеса, но раздробить всю вселенную.

— Пстой! заревѣлъ онъ самымъ громкимъ голосомъ: — я надаю тебѣ такихъ трюховъ, что навсегда вылечу тебя отъ головной боли.

Геркулесъ, какъ вамъ извѣстно, имѣлъ столько силы, что могъ поддерживать небесный сводъ; однакожъ, онъ началъ сомнѣваться въ побѣдѣ,

потому что Антей при каждомъ разѣ, какъ только падалъ отъ руки его, получалъ отъ своей матери земли новую силу. Поэтому герой бросилъ свою палицу, съ помощью которой онъ одержалъ столько побѣдъ, и приготовился отвѣчать на нападеніе противника безъ всякого другого оружія, кромѣ своихъ рукъ.

— Выходи-же теперь, вскричалъ онъ гиганту: — я раздробилъ твою сосну, но за то оставилъ свою палицу... Посмотримъ, чья возьметъ?

— Подожди, ты скоро останешься доволенъ, — прорычалъ Антей, потому-что онъ особенно тщеславился превосходствомъ въ битвахъ подобнаго рода. — Презрѣнный, я отдѣлаю тебя такъ, что ты не встанешь болѣе....»

Произнося эту угрозу, Антей началъ скакать, задыхаясь отъ ярости и съ каждымъ прыжкомъ приобрѣтая все болѣе и болѣе силы. Однакожъ Геркулесъ былъ самъ не промахъ и имѣлъ много ума, котораго недоставало Антею, этому грубому и чудовищному произведенію природы. Онъ тотчасъ придумалъ средство противостать гиганту и восторжествовать надъ нимъ, несмотря на помощь его матери-земли. Поэтому, когда Антей бросился на него, онъ схватилъ его поперегъ и поднялъ на воздухъ вверхъ ногами.

Можете ли вы вообразить это зрѣлище, милые друзья мои? Можете ли вы представить себѣ,

какъ этотъ колоссъ, за минуту передъ тѣмъ столь храбрый и яростный, теперь извивался всѣмъ тѣломъ въ воздухѣ и бился своими безмѣрно длинными ногами? Между тѣмъ Геркулесъ держалъ его съ такою же легкостью, съ какой отецъ подбрасываетъ своего маленькаго сына чуть не до потолка.

Всего удивительнѣе было то, что Антей, разъ оторванный отъ земли, тотчасъ-же былъ лишенъ своихъ преимуществъ. Геркулесъ скоро замѣтилъ, что противникъ его постепенно ослабѣвалъ. Его движенія съ каждой минутой становились все менѣе и менѣе порывисты, даже громовый голосъ его вдругъ сдѣлался однимъ глухимъ рычаніемъ и угасалъ постепенно. Натура Антея была такова, что если онъ хотя на пять минутъ не имѣлъ никакого соприкосновенія съ землею, то не только силы, заключавшіяся въ его мышцахъ, но и самое дыханіе жизни должны были оставить его навсегда. Тайна его была открыта побѣдителемъ столькохъ другихъ чудовищъ, и мы хорошо сдѣлаемъ, еслипомнимъ это обстоятельство на тотъ случай, что современемъ, можетъ быть, намъ самимъ придется сражаться съ непріателемъ въ родѣ Антея. Подобныя созданія, вышедшія изъ нѣдръ земли, непобѣдимы только до тѣхъ поръ, пока онѣ остаются на ней; но легко восторжествовать надъ ними: стоитъ только оторвать ихъ

отъ земли и перенести въ область болѣе возвышенную, болѣе чистую. Это-то и случилось съ бѣднымъ Антеемъ, о которомъ я не могу не пожалѣть, не смотря на грубость, съ которою принималъ онъ чужеземцевъ, приходившихъ посѣтить его.

Какъ только силы гиганта ослабѣли, Геркулесъ приподнялъ его, раскачалъ и бросилъ за цѣлую милю, такъ что несчастный, при паденіи, обратился въ безжизненную массу. Мать его земля уже не могла болѣе подать ему помощи: было слишкомъ поздно. И я не буду удивляться, если въ томъ мѣстѣ, гдѣ погибъ этотъ несчастный гигантъ, найдутъ нынѣ груды костей которыя, по всей вѣроятности, будутъ приняты учеными за кости какого-нибудь допотопнаго мамонта необыкновенной величины.

Представьте теперь себѣ, каково было отчаяніе Пигмеевъ, которые смотрѣли на битву и видѣли какъ погибъ ихъ гигантскій другъ. Еслибы ихъ сѣтованія и вопли достигли до слуха Геркулеса, онъ, конечно, не угадалъ бы что это за странный шумъ или принялъ бы голоса ихъ за щебетанье цѣлой стаи птицъ, испуганныхъ происходившей битвой и шумно оставившихъ свои гнѣзда. Но вниманіе героя до такой степени было обращено на Антея, что онъ не замѣтилъ пигмеевъ или, лучше сказать, даже не могъ и по-

дозрѣвать, что на свѣтѣ существовалъ такой необыкновенный народъ. Притомъ, совершивъ уже довольно далекое путешествіе и въ добавокъ еще нѣсколько утомившись въ борьбѣ, представившейся ему такъ неожиданно, Геркулесъ поспѣшно разостлалъ на землѣ львиную шкуру, легъ на нее и тотчасъ заснулъ.

Пигмеи замѣтили всѣ эти приготовленія Геркулеса; они покачали своими крошечными головками и значительно переглянулись. Обширный заговоръ готовъ былъ составиться въ одну минуту. Увѣрившись, по глубокому и правильному дыханію своего врага, что онъ крѣпко спитъ, главы пигмейскаго народа сдѣлали воззваніе. Огромная толпа отвѣчала на этотъ призывъ и въ одно мгновеніе наполнила пространство, по крайней мѣрѣ, въ двадцать семь квадратныхъ футовъ. Одинъ изъ краснорѣчивѣйшихъ ораторовъ, знаменитый воинъ, — хотя въ дѣйствительности онъ былъ страшенъ только на словахъ, — взобрался на грибокъ, и съ этой возвышенной позиціи произнесъ рѣчь. Мы попытаемся передать, сколько сдумѣемъ, какимъ образомъ выразилъ онъ свои чувстваванія.

«Великіе и могущественные Пигмеи!» такъ началъ онъ: — «всѣ мы были свидѣтелями событій, которыя возмутили общественное спокойствіе. Вы знаете, какое оскорбленіе нанесено величію

нашей націи. Въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда, нашъ благородный братъ и другъ палъ подъ ударами низкаго чужеземца, который явился за тѣмъ, чтобы вступить съ нимъ въ бой, если только возможно назвать такъ страшную борьбу, выходящую изъ предѣловъ всего того, о чемъ могъ когда-либо помышлять человекъ, гигантъ, скажу болѣе — Пигмей! Увеличивъ оскорбленіемъ черноту своего преступленія, презрѣнный предается въ настоящую минуту сну, какъ будто-бы ему совершенно нечего страшиться вашего справедливаго гнѣва. Подумайте, сограждане, какое зрѣлище представимъ мы міру и какой приговоръ произнесетъ о насъ безпристрастная исторія, если мы оставимъ безъ отмщенія позоръ нашъ!

«Антей получилъ жизнь отъ одной съ нами возлюбленной матери, которой мы обязаны крѣпостью нашихъ мышцъ и великодушной кровью нашихъ сердецъ, нѣкогда составлявшихъ гордость нашего брата. Это былъ нашъ вѣрнѣйшій союзникъ, и онъ палъ, защищая наши права, нашу независимость, равно какъ и свою собственную честь. И мы, и наши предки жили съ нимъ въ предѣлахъ искреннѣйшей дружбы, поддерживая самыя пріязненныя отношенія, которыя съ незапамятныхъ временъ никогда не прерывались. Вспомните, съ какой довѣрчивостью вся наша націи отдыхала, укрываясь за его огромной тѣнью,

сколько разъ дѣти наши играли въ прятки въ густыхъ кудряхъ его волосъ; вспомните, какъ добродушно прохаживался онъ между нами, никогда не наступая намъ на ноги. И вотъ онъ лежитъ недвижимъ этотъ — возлюбленный братъ, этотъ добрый и нѣжный другъ, этотъ храбрый и вѣрный союзникъ, этотъ добродѣтельный гигантъ, съ душою превосходною и безупречною. Онъ умеръ, умеръ.... Неподвиженъ, неподвиженъ... отнынѣ гора пыли!... Простите моимъ слезамъ, сограждане.... Ахъ! я вижу, что и вы проливаете ихъ.... Но пусть слезами своими затопимъ мы весь мѣръ, кто можетъ осуждать нашу горестъ?

«Однакожь надо спѣшить: я сокращу мою рѣчь. Сограждане, дозволимъ ли мы гнусному чужеземцу оставить безнаказанно землю нашего отечества, чтобы въ послѣдствіи онъ могъ тщеславиться передъ варварскими народами своимъ торжествомъ, пріобрѣтеннымъ съ помощью низкой измѣны? Не заставимъ-ли мы его скорѣе уложить свои кости на нашей землѣ, рядомъ съ костями нашего погибшаго брата, чтобы въ то время, какъ прахъ одного будетъ служить для насъ вѣчнымъ памятникомъ печали, прахъ другаго представить роду человѣческому разительный примѣръ мщенія Пигмеевъ? Вотъ вопросъ: Я повергаю его на ваше усмотрѣніе и ожидаю отъ васъ отвѣта,

вполнѣ достойнаго — я въ этомъ увѣренъ — нашего національнаго характера, отвѣта такого, который скорѣе увеличитъ, нежели уменьшитъ нашу славу — наслѣдіе предковъ! Въ войнахъ нашихъ съ Греками мы уже доказали, что не утратили мужества, всегда отличавшаго націю Пигмеевъ!»

Непреодолимый энтузіазмъ овладѣлъ всѣми сердцами и громкія восклицанія прервали краснорѣчиваго патріота. Всѣ единодушно воскликнули, что слѣдовало спасти честь націи какою бы то ни было цѣною. Крошечный ораторъ раскланялся и сдѣлавъ жестъ, который требовалъ молчанія, продолжалъ свою рѣчь слѣдующими словами, достойными удивленія:

«Намъ теперь остается только рѣшить, составимъ ли мы поголовное ополченіе противъ нашего общаго врага или изберемъ изъ среды себя какого-нибудь мужественнаго воина, уже прославившагося своими подвигами, и довѣримъ ему высокую честь вызвать на смертный бой убійцу нашего брата. Я знаю, что между вами есть много воиновъ, болѣе меня достойныхъ подобной чести, но я все таки съ величайшимъ счастіемъ готовъ исполнить эту высокую обязанность. Повѣрьте мнѣ, любезные сограждане, что, погибну-ли я или останусь живъ, но честь нашей великой націи и слава, которую завѣщали намъ

наши героическіе предки, всегда найдутъ во мнѣ вѣрнаго защитника. До тѣхъ поръ, пока я буду въ состояніи держать этотъ мечъ, никогда, даже и въ ту минуту, когда сокрушительная рука, поразившая могущественнаго Антея, подвергнетъ и меня такой-же участи, я не измѣню дѣлу, за которое готовъ пожертвовать моею жизнію!»

Произнеся эти послѣднія слова, Пигмей обнажилъ свой страшный мечъ, равнявшійся длиною лезвію перочиннаго ножичка, и бросилъ ножны черезъ головы своихъ слушателей. Блестящая импровизація краснорѣчиваго оратора была сопровождаема громомъ рукоплесканій, чего несомнѣнно заслуживали его геройское мужество и великодушіе. Вѣроятно, жаркіе крики одушевленной толпы и ея неистовыя рукоплесканія продолжались бы очень долго, еслибы Геркулесъ не покрылъ ихъ шумомъ своего дыханія, которое въ просторѣчій называется храпѣніемъ.

Наконецъ, собраніе рѣшило, что вся нація возстанетъ на дѣло мщенія, не сомнѣваясь, что одного война будетъ недостаточно для совершенія такого важнаго подвига. Притомъ, такъ какъ рѣчь шла о пораженіи врага общественнаго, каждый пигмей требовалъ своей доли въ этомъ славномъ торжествѣ. Возгорѣлись страшныя пренія по поводу вопроса о томъ, не слѣдовало ли, ради чести націи, послать къ Геркулесу герольда,

съ трубою въ рукахъ, и торжественно вызвать его на битву. Но два или три Пигмея, старцы мудрые, опытные въ дѣлахъ политическихъ, были такого мнѣнія, что такъ какъ непріязненные дѣйствія уже начались, то и законы войны, и права человѣчества дозволяли напасть на врага въ-расплохъ. При томъ, проснувшись и поднявшись на ноги, Геркулесъ могъ причинить Пигмеямъ значительныя потери, прежде чѣмъ ихъ храбрымъ полкамъ удастся опрокинуть его. Благоразумные совѣтники не забыли замѣтить своимъ согражданамъ, что палица врага ихъ была по-истинѣ огромна и что ударъ ея по черепу Антея былъ подобенъ удару грома. Въ слѣдствіе этого, храбрые патріоты рѣшились отложить въ сторону всякую деликатность и напасть на непріятеля, не предваряя его о томъ.

Всѣ мужчины пигмейской націи, способные носить оружіе, встали въ ряды арміи и храбро пошли на Геркулеса, который въ это время преспокойно спалъ и даже не грезилъ объ угрожавшемъ ему нападеніи. Авангардъ арміи Пигмеевъ состоялъ изъ двадцати тысячъ стрѣлковъ: луки ихъ были натянуты и стрѣлы уже лежали на тетивахъ, готовые летѣть. За авангардомъ слѣдовалъ другой отрядъ, состоявшій изъ такого-же числа воиновъ, которымъ было приказано взобраться на непріятеля. Одни изъ нихъ, вооруженные

мечами, должны были выколоть Геркулесу глаза, а другіе, съ охапками сѣна въ рукахъ, имѣли порученіе, во что бы то ни стало, зажать ему этимъ сѣномъ ротъ и ноздри и такимъ образомъ остановить дѣятельность органовъ дыханія. Но оказалось, что этимъ послѣднимъ не было никакой возможности исполнить предположенного движенія, потому что, по мѣрѣ того, какъ они приближались къ носу Геркулеса, дыханіе его, подобно урагану, опрокидывало ихъ другъ на друга въ страшномъ безпорядкѣ. Надо было придумать другой планъ нападенія.

Военачальники составили совѣтъ и приказали своимъ отрядамъ набрать хворосту, соломы, сухихъ травъ и разныхъ другихъ веществъ легко возгорающихся, и разложить ихъ вокругъ головы непріятели.

Такъ какъ этимъ занялись разомъ цѣлыя тысячи солдатъ, то скоро имъ удалось собрать довольно порядочныя кучки хвороста, которыхъ поверхность находилась на одной линіи съ лицомъ Геркулеса. Кромѣ того, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ жертвы мщенія Пигмеевъ, стояли стрѣлки, которымъ было приказано стрѣлять тотчасъ, какъ только непріятель пошевелится. Сдѣлавъ такимъ образомъ всѣ эти приготовленія, Пигмеи притащили факель и зажгли свой костеръ. Пламя мгновенно окружило Геркулеса и конечно при всей

своей пезначительности, могло бы задушить его, если бы онъ захотѣлъ оставаться неподвижнымъ.

Но герой, едва почувствовавъ легкую боль, тотчасъ вскочилъ на ноги, съ горящими волосами.

— Что это такое? вскричалъ онъ, еще не совсемъ пробудившись отъ сна и осматриваясь кругомъ, какъ будто бы воображалъ увидѣть еще другаго гиганта.

Въ эту самую минуту двадцать тысячъ стрѣлковъ спустили свои стрѣлы, которыя, подобно цѣлому рою мустиковъ, съ свистомъ полетѣли и вонзились въ лицо Геркулеса; но, на сколько я могу утверждать, — только дюжина этихъ стрѣлъ заставила героя слегка почесаться, — до того толста и тверда была его кожа.

— Презрѣнный! вскричали Пигмеи всѣ разомъ: — ты убилъ гиганта Антея, нашего могущественнаго брата и вѣрнаго союзника нашей націи. Мы объявляемъ тебѣ войну на жизнь и на смерть. На этомъ самомъ мѣстѣ погибнешь ты подъ нашими ударами.»

Загасивъ огонь на своихъ волосахъ, Геркулесъ вдругъ остановился въ нѣкоторомъ изумленіи, услышавъ какіе-то крикливые, тонкіе голоса. Онъ осмотрѣлся вокругъ, но не замѣтилъ ничего. Наконецъ, ему пришло въ голову взглянуть внизъ, и онъ вдругъ увидалъ у своихъ ногъ без-

численное множество Пигмеевъ. Нагнувшись, онъ поднялъ одного изъ нихъ двумя пальцами, поставилъ его на ладонь и началъ разсматривать. Случилось такъ, что это былъ именно тотъ самый Пигмей, который говорилъ рѣчь съ верхушки гриба и предлагалъ своимъ согражданамъ вызвать Геркулеса на поединокъ.

— Кто ты, мой крошечный пріятель? спросилъ Геркулесь.

— Я твой врагъ, — отвѣчалъ мужественный пигмей, со всею силою своего маленькаго, пронзительнаго голоса. — Ты убилъ великаго Антея, нашего брата по матери и всегда вѣрнаго союзника нашей знаменитой націи. Мы положили погубить тебя... и я вызываю тебя на смертный бой съ равнымъ оружіемъ.»

Геркулесу такъ понравились громкія слова и воинственные пріемы этаго новаго витязя, что онъ расхохотался изъ всѣхъ силъ и въ припадкѣ своего нервическаго смѣха, чуть-чуть не уронилъ на землю бѣдное крошечное существо.

— Клянусь честью! вскричалъ онъ: — мнѣ казалось, что я видѣлъ уже довольно чудесъ — и девятиглавыхъ гидръ, и златорогихъ оленей, и шестиногихъ людей, и трехголовыхъ собакъ и множество разныхъ другихъ удивительныхъ чудовищъ — но вотъ вдругъ я держу на рукѣ моей такое чудо, которое превосходитъ все, что

только есть въ мірѣ самого невѣроятнаго... Да ты, мой крошечный пріятель, и весь-то съ палецъ обыкновеннаго человѣка. Прошу тебя, пожалуйста, скажи мнѣ, какъ велика твоя душа?

— Моя душа также велика, какъ и твоя, — отвѣчалъ Пигмей.»

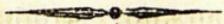
Тронутый неустрашимостью крошечнаго человѣка, Геркулесъ не могъ не сознаться, что узлы братства соединили ихъ другъ съ другомъ, какъ двухъ героевъ.

— Милые мои друзья, сказалъ онъ, сдѣлавъ глубокой поклонъ великой націи: — ни за какія блага въ мірѣ не захотѣлъ бы я нанести какой-либо вредъ такимъ храбрецамъ какъ вы! Ваши сердца, по моему мнѣнію, должны быть такъ велики, что, признаюсь, я не понимаю, какъ они могутъ умѣститься въ такихъ крошечныхъ человѣчкахъ, какъ вы. Я прошу у васъ мира, первымъ условіемъ котораго будетъ то, что я сдѣлаю пять шаговъ впередъ и на шестомъ буду уже внѣ предѣловъ вашихъ владѣній. Прощайте. Я буду идти осторожно, чтобы, нехотя, не раздавить штукъ пятидесяти вашихъ согражданъ... ха, ха, ха, го, го, го!...

Прибавимъ одно слово: Геркулесъ призналъ себя побѣжденнымъ.

Нѣкоторые историки рассказываютъ, что побѣдитель столькихъ чудовищъ уложилъ всѣхъ

Пигмеевъ въ свою львиную шкуру и унесъ ихъ въ Грецію, для забавы дѣтей царя Эвристея. Но эти рассказы ошибочны. Геркулесъ оставилъ Пигмеевъ въ ихъ государствѣ, гдѣ, на сколько я могу утверждать, ихъ потомки еще продолжаютъ существовать, строятъ свои крошечные домики, обрабатываютъ свои крошечныя поля, наказываютъ своихъ крошечныхъ дѣтей, ведутъ свои крошечныя войны и читаютъ исторію своихъ предковъ. По всей вѣроятности, въ этой исторіи упомянуто, между другими достовѣрными фактами и о томъ, что, назадъ тому нѣсколько вѣковъ, мужественные Пигмеи отместили за смерть гиганта Антея, обративъ въ бѣгство могущественнаго Геркулеса.

КАМЕННОЕ СЕРДЦЕ.

(Повѣсть Гауффа).

Путешественникъ, проѣзжающій по Швабіи, долженъ, по крайней мѣрѣ, мелькомъ взглянуть на Шварцвальдъ, — не на столѣтнія деревья Шварцвальда, хотя, можетъ быть, нигдѣ не найти такихъ высокихъ и стройныхъ елей, — вѣтъ, но на жителей, которые наружностью такъ удивительно рознятся отъ сосѣдей и возбуждаютъ вниманіе наблюдателя. Ростъ ихъ выше обыкновеннаго, плечи широкія, крѣпкія мышцы. Кажется, здоровый воздухъ еловаго лѣса надѣляетъ ихъ болѣе сильными легкими, болѣе свѣтлымъ, вѣрнымъ взоромъ и болѣе твердымъ сердцемъ, чѣмъ обитателей равнинъ и долинъ.

Шварцвальдцы рѣзко отличаются отъ сосѣдей не только высокимъ ростомъ и мужественной осанкой, но и одеждой и нравами.

Тѣ, которые живутъ въ *баденскомъ* округѣ, замѣчательны по затѣйливости въ одеждѣ. Они отпускаютъ длинныя бороды, носятъ черныя

куртки, широкія панталоны, красныя чулки и острокопечныя шляпы, охваченныя широкимъ кожанымъ ремнемъ. Этотъ костюмъ придаетъ имъ какой-то странный, но вмѣстѣ съ тѣмъ строгій и честный видъ.

Большая часть изъ нихъ работаетъ на стѣклянныхъ заводахъ, остальные занимаются выдѣлкой деревянныхъ стѣнныхъ часовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ кукушекъ, которыми Шварцвальдъ снабжаетъ пол-свѣта. На противоположномъ склонѣ лѣса поселились дѣти того-же племени, но отличающіеся отъ Шварцвальдцевъ-стекольщиковъ и часовщиковъ своимъ промысломъ и правами. Родной лѣсъ доставляетъ имъ средство къ торговлѣ: они вырубаятъ ели, отесываютъ ихъ и сплавляютъ по Нагольду, черезъ Некаръ и Рейнъ, въ Голландію, гдѣ шварцвальдскіе дровосѣки и ихъ длинныя плоты пользуются большою извѣстностью. На пути они останавливаются у каждаго прирѣчнаго города и, гордо стоя на плотахъ, ожидаютъ покупателей своимъ бревнамъ и доскамъ, оставляя, впрочемъ, всегда въ запасъ лучшій строевой лѣсъ, который продаютъ на вѣсъ золота голландскимъ мишгерамъ. Такимъ образомъ эти люди приучаются къ трудной и бродячей жизни; плаванье по рѣкамъ на огромныхъ плотахъ доставляетъ имъ огромное удовольствіе, а путешествіе по сухому пути нагоняетъ

на нихъ новыносимую тоску. Костюмъ ихъ составляютъ темная холстинная куртка, зеленыя подтяжки, — пальцевъ въ пять ширины, перекрещивающіяся на груди и поддерживающія кожаныя черноватыя штаны, изъ кармана которыхъ выглядываетъ, какъ знакъ отличія, мѣдный наугольникъ. Особенно характеристическую черту одежды шварцвальдскихъ сплавщиковъ и предметъ ихъ гордости и радости составляютъ сапоги, конечно, самые огромные, какіе когда-либо надѣвались на ноги въ какой-нибудь части свѣта. Сапоги эти идутъ гораздо выше колѣнъ, доставляя возможность сплавщикамъ безопасно прогуливаться на три фута въ водѣ.

Долгое время жители Шварцвальда вѣрили въ лѣсныхъ духовъ и только недавно поколебалась ихъ вѣра въ существованіе этихъ геніевъ. Въ преданіяхъ, которыя ходятъ объ этихъ сверхъестественныхъ существахъ, говорится, что они раздѣлили между собою весь Шварцвальдъ и усвоили себѣ костюмы жителей. Такъ рассказываютъ, что *маленькій стекольщикъ*, добрый геній, ростомъ фута въ три съ половиной, является всегда въ маленькой остроконечной шляпѣ съ широкими полями, въ черной курткѣ и въ складчатыхъ панталонахъ, изъ подъ которыхъ виднѣются грязныя чулки, — однимъ словомъ какъ самый нарядный стекольщикъ.

Голландецъ Микель, обитающій въ другой части лѣса, является огромнымъ, широкоплечимъ парнемъ въ полномъ костюмѣ сплавщика.

До сихъ поръ существуютъ на Шварцвальдѣ люди, которые увѣряютъ, что встрѣчались съ этимъ гигантомъ и прибавляютъ при этомъ, что не желали бы платить изъ своего кармана за воловь, кожа которыхъ пошла на сапоги великана. По ихъ словамъ, сапоги Микеля такъ огромны, что человѣкъ обыкновеннаго роста уходитъ въ нихъ по шею.

Разсказываютъ, будто бы одинъ шварцвальдскій парень былъ героемъ происшествія, въ которомъ принимали участіе и *маленькій стекольщикъ* и *Голландецъ Микель*.

Вотъ именно это преданіе и хочу я разсказать.

I.

Жила-была нѣкогда на Шварцвальдѣ бѣдная вдова, по имени Варвара, по фамиліи Мункъ. Покойникъ мужъ ея, всю жизнь бывшій угольщикомъ, оставилъ жену безъ всякихъ средствъ къ существованію, и Варвара, чтобъ чѣмъ-ни-

будь кормиться, посовѣтовала сыну своему заниматься ремесломъ отца.

Молодой Петеръ Мункъ, очень ловкій парень, на первыхъ порахъ совершенно былъ согласенъ съ желаніемъ матери, потому что съ дѣтства ужъ попривыкъ къ отцовскому занятію. Всѣ недѣли онъ проводилъ около дымящагося костра и по временамъ отправлялся по городамъ, черный какъ дьяволъ, продавать свой уголь. Другой жизни онъ не зналъ.

Но угольщику довольно времени раздумывать о томъ, да о семъ и, когда Петеръ сиживалъ у своего костра, темные листья деревь и торжественное молчаніе лѣса пробуждали въ его душѣ тысячу разнородныхъ чувствъ. Въ слѣдствіе этихъ чувствъ, онъ впадалъ въ печальное настроеніе, доходившее иногда до слезъ. Предаваясь то неопредѣленной горести, то внезапному раздраженію, онъ не зналъ чему приписать печальное и лихорадочное настроеніе души своей. Наконецъ, благодаря размышленіямъ, онъ открылъ причину этого внутренняго безпокойства; причина эта была — его ремесло.

«Угольщикъ», говорилъ онъ съ досадою, «вѣчно одинъ, точно филинъ, вѣчно черный и грязный какъ пугало; эхъ, скверная жизнь! Стекольщики, часовщики, даже музыканты, по воскреснымъ вечерамъ — вотъ люди уважаемые! А слу-

чись-ка мнѣ пройтись по деревнѣ, вымывшись, да пріодѣвшись въ праздничную куртку съ серебряными пуговицами и въ новые красные чулки.... Пожалуй, идущіе позади меня и не удержатся, чтобъ не сказать: «вотъ славно одѣтъ парень, кто бы это такой?» потому что мой костюмъ и осанка очень приличны, — и какъ перегонять меня да узнаютъ, такъ и начнутъ осматривать съ головы до ногъ, какъ будто хотятъ сказать. Вотъ-те на! да это просто угельщикъ Мункъ, Петерь!»

Сплавщики и дровосѣки другой части лѣса были для него предметомъ зависти. Когда эти великаны приходили на стекольничью сторону, богато-одѣтые, нося на себѣ въ видѣ пуговицъ, пряжекъ и цѣпочекъ, по крайней мѣрѣ, полцентнера серебра, когда они присутствовали при танцахъ, разставивъ ноги и принявъ величественный видъ, клялись по голландски, курили какъ толстѣйшіе, мингеры, изъ кельнскихъ трубокъ въ аршинъ длиной, тогда Петеру казалось, что олицетвореніе полного счастья на землѣ это — сплавщики.

Иногда эти люди, которымъ онъ такъ завидовалъ, запускали толстыя руки въ карманы, вынимали оттуда пригоршни талеровъ и издерживали тутъ по пяти, тамъ по десяти: — тогда бѣдный угольщикъ, терялъ разсудокъ и, смущенный, печальный, повѣся голову, возвращался въ

свою хижину. Много разъ, по воскресеньямъ, онъ видѣлъ, какъ сплавщики проигрывали въ карты въ одну игру больше, чѣмъ онъ зарабатывалъ въ годъ. Зависть брала его!

Главнымъ образомъ было три лица, которымъ онъ одинаково удивлялся. Одинъ изъ нихъ былъ толстякъ съ краснымъ лицомъ, слывшій въ окружности за богача; звали его толстый Езекиль. Два раза въ годъ онъ сплавлялъ строевой лѣсъ въ Амстердамъ и такъ выгодно сбывалъ свой товаръ, что всегда торжественно возвращался домой въ экипажѣ, между тѣмъ какъ его земляки путешествовали пѣшкомъ. Второй, по наружности совершенно противоположный первому, былъ по всей вѣроятности самый высокій и худой на всемъ Шварцвальдѣ: онъ скорѣй походилъ на жердь, чѣмъ на человѣка; по этому его прозвали длиннымъ шлуркеромъ. Петеръ завидовалъ его самоувѣренности въ обращеніи и его удивительной непринужденности. Шлуркеръ всѣмъ противорѣчилъ и предерзко спорилъ съ очень почтенными людьми. Если въ общей залѣ трактира было тѣсно, онъ одинъ все-таки занималъ больше мѣста, чѣмъ четыре гиганта, развалиясь обоими локтями на столъ или протянувъ на скамейкѣ свои нескончаемыя ноги, вовсе не заботясь о тѣхъ, кому онъ мѣшаетъ. Между тѣмъ, никто не дерзалъ дѣлать ему замѣчаній: подобно тол-

стому Езекилю, длинный Шлуркеръ былъ очень богатъ.

Третій предметъ зависти Петера былъ красивый парень, удивительно ловкій во всѣхъ гимнастическихъ упражненіяхъ и восхитительно танцовавшій всѣ возможные танцы.

Царь танцоровъ (его иначе не называли) нѣкогда былъ очень бѣденъ, но поступивъ въ услуженіе къ одному богатому фермеру, самъ вдругъ разбогатѣлъ, такъ что никто не зналъ, откуда у него взялось богатство. Иные говорили, что онъ подъ старой елью нашелъ горшокъ, наполненный деньгами; другіе увѣряли, что однажды, недалеко отъ Бингена на Рейне, онъ съ помощью остроги, которыми рыбаки ловятъ рыбу, вытащилъ со дна рѣки сундукъ съ золотомъ, составлявшій, по преданію, часть сокровищъ Нибелунговъ, будто бы скрытыхъ здѣсь. Короче, царь танцоровъ вдругъ сдѣлался достаточнымъ человѣкомъ, въ слѣдствіе чего старые и малые, забывъ его прошедшее, стали обращаться съ нимъ какъ съ принцемъ.

Вотъ эти три человѣка постоянно вертѣлись у Петера передъ глазами, чуть онъ оставался одинъ въ лѣсу у своего костра. Всѣ трое имѣли, правда, гнусные пороки, сдѣлавшіе ихъ ненавистными людямъ: они были корыстолюбивы, скупы, не имѣли никакого состраданія ни къ должникамъ, ни къ бѣднымъ. А обыкновенно у Шварц-

вальдцевъ очень сострадательное и доброе сердце. Но увы! наглымъ и грубымъ богачамъ, которыхъ ненавидѣли, которыхъ за спиной проклинали, въ глаза выказывали глубокое уваженіе, потому что они были богаты, бросали на вѣтеръ свои талеры, какъ будто деньги имъ съ деревьевъ валились!

«Не хочу я больше такъ жить» сказалъ однажды Петеръ Мункъ, разсуждая самъ съ собой.

Наканунѣ былъ праздникъ, трактиры весь день были наполнены гуляками, и въ одномъ изъ трактировъ Петеръ видѣлъ предметы своей зависти. «Если я скоро не сѣмѣю добиться лучшаго положенія», говорилъ онъ, «я застрѣлюсь!» Мечтая и завираясь вслухъ, онъ продолжалъ: «и отчего мнѣ нѣтъ такой удачи, какъ толстому Езекилю? отчего нѣтъ такой самоувѣренности, какъ у длиннаго Шлуркера? Вотъ счастливецъ—то! Еслибъ я хоть чѣмъ нибудь былъ извѣстенъ, хоть бы могъ, какъ царь танпоровъ, бросать музыкантамъ пригоршни талеровъ, вмѣсто несчастнаго крейцера!» Вдругъ ему пришло въ голову такого рода соображеніе: откуда-же явились у него деньги?...

И сталъ Петеръ перебирать въ своей головѣ всевозможные способы къ обогащенію, но ни одинъ не казался ему вѣрнымъ, а въ особенности скорымъ. Наконецъ, ему пришли на память рассказы, которые онъ нѣкогда слышалъ о людяхъ, внезапно обогатившихся, благодаря *Микелю Голландцу* или *маленькому стекольщику*. Когда былъ живъ его отецъ, къ нему хаживали такіе же бѣдняги, какъ и онъ, и распивая пиво, толковали о томъ, о семъ, о сосѣдяхъ, ихъ богатствѣ, о средствахъ, которыми они достигли этого богатства; всегда или почти всегда, въ подобныхъ рассказахъ игралъ роль *маленькій стекольщикъ*. Думая объ этомъ, Петеръ даже вспомнилъ

частью слова, которыя нужно было произнести въ лѣсу, на вершинѣ Танненбюля, чтобы вызвать маленькаго добраго генія.

Слова эти выражались въ такихъ стихахъ:

Сторожь всѣхъ сокровищъ тайныхъ,

Карликъ-крошка мой сѣдой,

Елей сихъ патриархальныхъ

Обладатель вѣковой.

Покажися на мгновенье

И желанный дай отвѣтъ...

Но какъ бѣдный угольщикъ ни напрягалъ свой мозгъ, онъ больше не могъ вспомнить ни одного стиха: и смыслъ, и слова — все испарилось изъ его памяти. Часто онъ собирался спросить у какого-нибудь старичка конецъ этихъ стиховъ, но всегда удерживался изъ боязни, чтобы не проникли въ его тайну. Можетъ быть, говорилъ онъ самъ себѣ, преданье о маленькомъ стекольщикѣ мало извѣстно и немногіе знаютъ слова заклинанія, потому что на Шварцвальдѣ не много богачей. Еще одно размышленіе его убивало: почему его отецъ и другіе бѣдняки, умѣвшіе вызывать маленькаго стекольщика, почему они не испробовали счастья? Тутъ непременно скрывалась какая-нибудь тайна.

Однажды Петеръ, преслѣдуемый этою мыслью, ловко завелъ разговоръ съ матерью о маленькомъ стекольщикѣ.

Старушка ему ничего новаго не сказала: она, также, какъ и сынъ, знала только первые стихи заклинанія.

Но если Варвара не помогла ему съ этой стороны, за то сообщила драгоценное свѣдѣніе, именно, что маленькій геній являлся только тому, кто родился въ воскресенье, между одинадцатью часами утра и двумя пополудни. Это какъ нельзя болѣе подходило къ обстоятельствамъ Петера, только надобно было гдѣ-нибудь узнать конецъ призывныхъ стиховъ. Дѣло въ томъ, что онъ родился въ воскресенье, ровно въ полдень.

Узнавъ отъ доброй старушки эту новость, молодой угольщикъ былъ внѣ себя отъ радости и отъ пламеннаго желанія скорѣе испробовать счастье. Онъ думалъ объ этомъ днемъ, бредилъ ночью и, разсмотрѣвъ дѣло со всѣхъ сторонъ, увѣрилъ себя, что такъ какъ онъ родился въ воскресенье (а по его мнѣнію это было главное), то достаточно будетъ произнести только начало призывныхъ стиховъ, и маленькій стекольщикъ непременно явится.

Продавъ весь свой уголь, Петеръ не заложилъ новаго костра. Напяливъ праздничное платье, доставшееся ему отъ отца, красные чулки и праздничную шляпу, вооружившись тростью изъ чернаго терновника, въ пять футовъ вышины, онъ пришелъ проститься съ матерью.

«Мнѣ надо сходить въ сельскую управу; скоро будутъ кидать жребій, кому идти въ милицію, такъ я хочу еще разъ напомнить въ управѣ, что вы вдова и что я у васъ одинъ.» Варвара одобрила намѣреніе сына и Петеръ тотчасъ же отправился въ дорогу, но не въ Судъ, а къ Танненбюлю.

II.

Мѣсто, куда направлялся Петеръ (самое возвышенное на Шварцвальдѣ), въ то время было совершенно пустынно. На двѣ мили кругомъ отъ Танненбюля не было не только ни одной деревни, но даже ни одной хижины. Суевѣрные крестьяне говорили, что тамъ *не хорошо*. Рѣдко рубили тамъ лѣсъ, хотя ели были прекрасныя и высокія, потому рѣдко, что съ дровосѣками, работавшими въ окрестностяхъ Танненбюля, случались удивительныя и страшныя происшествія. Однажды молодцу-дровосѣку упалъ на ногу топоръ, вдругъ отскочившій отъ топорща; другой разъ огромное дерево внезапно свалилось отъ трехъ ударовъ топора, чего нельзя было ожидать, и въ своемъ паденіи задавило множество рабочихъ. Къ тому же, несмотря на достоинства тамошнихъ деревьевъ, они только и сбывались что на дрова. Сплавщики очень остерегались строить плоты изъ

Танненбюльскихъ деревьевъ, потому что, по преданію, всякая ель съ Танненбюля, спущенная на воду, неизбѣжно влекла къ гибели плотъ и людей, которые на немъ находились.

Такъ какъ въ этой части лѣса не было рубки, то деревья разрослись такъ густо, что среди бѣлаго дня тамъ было темно, какъ ночью. Входя подъ мрачный сводъ, Петеръ невольно задрожалъ. Не слышно было ни ударовъ топора, ни голоса, ни малѣйшаго шума: повсюду безмолвіе и пустыня! Даже птицы, казалось, съ ужасомъ бѣжали холоднаго мрака этого мѣста.

Однако честолюбивый угольщикъ достигъ вершины Танненбюля и увидѣлъ передъ собой ель непомѣрной величины, за которую, вѣроятно, каждый голландскій мингеръ далъ бы больше сотни флориновъ, только бы имѣть это дерево на своей верфи. Петеръ не могъ надивиться этому дереву. «Вѣроятно, здѣсь обитаетъ хранитель плодовъ,» подумалъ угольщикъ. На основаніи этого предположенія, онъ почтительно снялъ шляпу, отвѣсилъ глубокій поклонъ дереву и дрожащимъ отъ волненія голосомъ пробормоталъ: «позвольте вамъ пожелать добраго дня, господинъ стекольщикъ,» но на его вѣжливость не послѣдовало отвѣта: кругомъ было также безмолвно и пустынно, какъ прежде.

«Нѣтъ», подумалъ Петеръ, «видно безъ сти-

ховъ-то дѣло не обойдется» и, стараясь сколько возможно придать своему голосу твердости, онъ началъ бормотать:

Сторожъ всѣхъ сокровищъ тайныхъ,
Крошка-карликъ мой сѣдой,
Елей сихъ патріархальныхъ
Обладатель вѣковой!
Покажися на мгновенье,
И желанный дай отвѣтъ...

Произнеся эти слова, Петеръ, къ величайшему ужасу своему, увидѣлъ за громадной елью миниатюрное и странное личико. Онъ немедленно догадался, что это маленькій стекольщикъ, и именно въ такомъ костюмѣ, какъ его описывали: на немъ была черная куртка, красные чулки, небольшая шляпа, щегольски пригнутая къ уху, — все какъ слѣдуетъ. Петеръ могъ даже рассмотреть маленькое, блѣдное, но очень хитрое лицо маленькаго стекольщика. Но, увы! только-что Мункъ хотѣлъ было подробнѣе рассмотреть это явленіе, оно исчезло.

«Господинъ стекольщикъ», воскликнулъ Петеръ послѣ минутного молчанія, въ продолженіе котораго онъ вѣскольکو оправился отъ волненія; «господинъ стекольщикъ, пожалуйста не считайте меня дуракомъ; если полагаете, что я васъ не замѣтилъ, то очень ошибаетесь, любѣзнѣйшій!

Да-съ, вотъ я опять вижу, что вы подсматриваете изъ за-дерева.»

Нѣтъ отвѣта; только иногда Петеру казалось, что онъ слышитъ за деревомъ сдержанный смѣхъ. Наконецъ, нетерпѣніе взяло верхъ надъ страхомъ и Петеръ крикнулъ: «такъ ты не хочешь идти, когда тебя зовутъ; стой же, братъ, я тебя добуду!» Въ одинъ скачокъ онъ былъ за елью, но не увидѣлъ ни тѣни карлика-генія; только хорошенькая, маленькая бѣлка, испугавшись человѣка, бросилась въ чащу вѣтвей.

Петеръ Мункъ повѣсилъ голову; «далъ я маху!» подумалъ онъ. Раздумывая о минутномъ явленіи, онъ понялъ, что чего-то не доставало къ тѣмъ призывнымъ стихамъ, которые онъ проговорилъ, одного стиха, можетъ быть, но необходимаго, чтобы заставить маленькаго стекольщика выползти изъ своей норки. Петеръ всячески умудрялся, мучился, пыталъ свой мозгъ, разъ двадцать, по крайней мѣрѣ, принимался декламировать начало перваго куплета, въ надеждѣ поймать конецъ: все напрасно! Вѣроломная память ослабѣвала на послѣднемъ, извѣстномъ ему словѣ.

Между тѣмъ, маленькая бѣлка, которую онъ спугнулъ, мало по малу привыкла къ присутствію человѣка и приблизилась къ Петеру. Сидя на нижнихъ вѣтвяхъ ели, чистясь, облизываясь

и развѣвая надъ головой пушистымъ хвостомъ, на подобіе краснаго султана, бѣлка посматривала на угольщика хитрыми глазками, въ которыхъ проглядывало то дружелюбное, то насмѣшливое выраженіе. Угольщикъ, сначала забавлявшійся ея движеніями, наконецъ струсиль оставаться наединѣ съ маленькимъ животнымъ, котораго странныя причуды какъ-будто околдовали Петера. По временамъ угольщику чудилось, что у бѣлки человѣческая голова въ треугольной шляпѣ, потомъ это явленіе исчезало: передъ Петеромъ была обыкновенная бѣлка, а ему все-таки казалось, что у ней на заднихъ лапкахъ надѣты красные чулки и черные башмаки съ серебряными пряжками. Короче, эта бѣлка была очень странное и насмѣшливое животное; угольщикъ дрожалъ, глядя на нее, и полагалъ, что эти явленія, видѣнія и превращенія не естественны, что тутъ дѣло нечисто.

Въ слѣдствіе такихъ соображеній, Петеръ пустился бѣжать, такъ что убрался съ Танненбюля гораздо скорѣе, чѣмъ пришелъ; мракъ, казалось, все болѣе и болѣе сгущался вокругъ, бѣглецу чудилось, что лѣсъ становится все гуще, все чаще и страхъ заставлялъ его бѣжать не переводя духъ.

Петеръ тогда только остановился, когда услы-

халъ не вдаль лай собакъ и увидѣлъ сквозь деревья жилие.

Онъ достигъ, наконецъ, хижины, но войдя въ нее, догадался, по одеждѣ обитателей, что въ страхъ забѣжалъ совсѣмъ въ другую сторону и что вмѣсто того, чтобъ возвратиться къ стекольщикамъ, попалъ къ сплавщикамъ.

Въ хижинѣ жила семья дровосѣковъ: сѣдой старикъ, его сынъ — человекъ лѣтъ сорока, и нѣсколько дѣтей. Они ласково приняли угольщика, просившаго ночлега, и, не заботясь ни объ имени, ни о мѣстѣ жительства пришедшаго, налили ему немедленно стаканъ сидра, а вечеромъ, къ ужину, подали глухаря, самое лакомое кушанье на Шварцвальдѣ.

Послѣ ужина, хозяйки и ея дочери подсѣли, съ прялками въ рукахъ, къ смолистому дереву, работы дѣтей; мужчины закурили трубки, а дѣти, усѣвшись на полу, около печки, занялись вытѣчиваніемъ изъ дерева ножомъ вилокъ и ложекъ. Каждая изъ этихъ группъ, казалось, была очень занята своимъ дѣломъ и тишина избушки прерывалась только глухимъ шумомъ колеса, быстро вертѣвшагося подъ проворными ногами пряхъ.

Между тѣмъ, поднялся вѣтеръ и завывалъ по лѣсу. Слышались тамъ и сямъ сильные удары и трескъ деревьевъ, какъ будто сокрушаемыхъ ру-

кою гиганта. Дѣти, смѣлыя какъ дѣти, хотѣли выйти изъ хижины полюбоваться, при блескѣ молніи, величественнымъ и ужаснымъ зрѣлищемъ; но дѣдъ закричалъ: «куда вы? Не смѣй никто перешагнуть порогъ! тотъ, кто выдетъ въ такую пору можетъ и не вернуться.» Понизивъ голосъ, старикъ прибавилъ: «вѣрно голландецъ Микель строитъ теперь себѣ новый плотъ.» Дѣти въ страхѣ остановились. Много разъ они слышали о голландцѣ Микель, но никогда имъ не говорили о немъ такимъ торжественнымъ тономъ и дѣти мало заботились о Микелѣ. Заинтересованные таинственнымъ голосомъ дѣда, они умоляли старика удовлетворить ихъ любопытству, рассказать сполна исторію фантастическаго Микеля. Петеръ Мункъ, слышавшій также на своей сторонѣ странныя преданія о голландцѣ, присоединилъ свою просьбу къ просьбамъ дѣтей и старикъ, уступая ихъ желанію, рассказалъ слѣдующее:

III.

«Голландецъ Микель — владыка этаго лѣса, — началъ старикъ, обращаясь преимущественно къ Петеру, — и если вы этого не знали, такъ потому, вѣроятно, что живете по ту сторону Танненбюля, а можетъ быть и дальше. Лѣтъ сто тому назадъ,

(такъ по крайней мѣрѣ рассказывалъ дѣдъ мой), на всемъ земномъ шарѣ не было народа честнѣе Шварцвальдцевъ. Нынче, съ тѣхъ поръ, какъ въ странѣ завелось много денегъ, народъ испортился, люди сдѣлались жадны къ барышамъ и нечестны; молодые пляшутъ и поютъ въ воскресные дни и произносятъ такія клятвы, что страшно становится. Въ старину было иначе. Еслибъ этотъ проклятый Микель былъ теперь подъ окномъ и подслушалъ насъ, я бы ему прямо сказалъ, какъ всегда говорилъ, что онъ единственный виновникъ этой порчи. Ну, такъ лѣтъ сто назадъ, жилъ здѣсь по близости богатый торговецъ лѣсомъ, у котораго было много работниковъ. Онъ велъ торговлю даже на нижнемъ Рейнѣ и всѣ его предпріятія были счастливы: человѣкъ-то онъ былъ прямой и богобоязненный.

Приходитъ къ нему однажды вечеромъ незнакомецъ, одѣтый по Шварцвальдски, только головой выше самага рослаго изъ нашихъ соотечественниковъ. Никто никогда и подумать не могъ, что существуютъ такіе великаны. Незнакомецъ этотъ попросилъ у лѣсовщика работы и хозяинъ, смекнувшій, что проситель парень здоровый, способный ворочать огромныя тяжести, скоро сошелся съ нимъ въ цѣнѣ и порѣшилъ принять его въ работники. Правду сказать, Микель былъ работникъ какихъ мало. При рубкѣ лѣса, онъ рабо-

талъ за троихъ; его товарищи, бывало, вшестеромъ едва поднимають бревно за одинъ конецъ, а Микель одинъ ворочаетъ другой конецъ. Поработавъ такимъ образомъ съ полгода, Микель явился къ хозяину и говоритъ: «по чести сказать, я ужъ довольно долго работаю здѣсь топоромъ; мнѣ бы хотѣлось, очень бы хотѣлось посмотрѣть, куда дѣваются деревья, которыя я рублю. Чтò, хозяинъ, кабы мнѣ отправиться съ первымъ плотомъ?»

— Если тебѣ хочется порыскать по свѣту, отвѣчалъ хозяинъ, — я не буду противиться твоему желанію, любезный Микель, хотя правду сказать, такіе молодцы какъ ты полезнѣе мнѣ въ лѣсу, чѣмъ на плоту, гдѣ требуется немного ловкости и навыку. Но, такъ какъ тебѣ очень хочется поплавать, такъ я согласенъ.»

Плотъ, на которомъ отправлялся Микель, былъ состроенъ изъ восьми срубовъ прекраснѣйшихъ деревьевъ. Но, передъ отправленіемъ, Микель спустилъ на воду еще восемь срубовъ невиданной длины и толщины; великанъ перенесъ ихъ одинъ за однимъ на плечѣ, какъ будто весла, чему не мало подивились его товарищи. Гдѣ Микель срубилъ эти деревья, — никто не зналъ, да врядъ ли и узнають! Лѣсовщикъ радовался, смотря на Микелевы труды, и рассчитывалъ, сколько стоитъ каждое дерево. Окончивъ дѣло, Микель, громко

смѣясь, сказалъ: «вотъ эти меня сдержатъ; а то я и двигаться не могъ бы на вашихъ спичкахъ.»

Хозяинъ въ видѣ благодарности подарилъ ему пару сапоговъ, какіе обыкновенно носятъ сплавщики, но Микель швырнулъ ихъ въ сторону и принесъ другую пару, чудовищную по размѣру. Мой дѣдъ увѣрялъ, что сапоги эти вѣсили по крайней мѣрѣ фунтовъ сто и вышиной были не менѣе пяти футовъ.

Плотъ тронулся въ путь, и по дорогѣ Микель удивлялъ сплавщиковъ, какъ прежде заставлялъ дивиться дровосѣковъ. Плотъ не только не замедлялся на ходу тяжестью Микелевыхъ бревенъ, какъ этого можно ожидать, но напротивъ, вошедши въ Некаръ, полетѣлъ какъ стрѣла. На поворотахъ рѣкъ, сплавщики обыкновенно прибѣгаютъ къ большимъ усиліямъ, чтобъ удержать плотъ на фарватерѣ и не дать ему сѣсть на мель или стукнуться о берегъ. На такихъ поворотахъ Микель прыгалъ въ воду: однимъ толчкомъ направлялъ плотъ на право или на лѣво, и плотъ свободно проходилъ чрезъ опасныя мѣста. Когда плотъ входилъ въ теченіе рѣки, Микель бросался къ передней части его, приказывалъ налегать на весла и самъ упирая своимъ огромнымъ шестомъ въ дно, ударомъ своего плеча давалъ плоту такой толчекъ, что, казалось, земля, деревья, села бѣгутъ отъ береговъ съ неимовѣрной быстротой.

Благодаря содѣйствію Микеля, сплавщики вдвое скорѣй обыкновеннаго достигли Кельна на Рейнѣ, гдѣ они всегда сбывали свой товаръ,

Наканунѣ приѣзда, Микель говоритъ имъ: «ей Богу, славные вы торговцы, хорошо понимаете свою выгоду! Простаки этакіе, неужели вы думаете, что Кельнцы употребляютъ въ дѣло лѣсъ, который вы имъ доставляете съ Шварцвальда? Да нѣтъ-же! Они его скупаютъ у васъ по низкимъ цѣнамъ, и продаютъ вдвое дороже Голландцамъ. Продадимте здѣсь мелкія бревна, а лучшія доставимъ сами въ Голландію, продадимъ ихъ тамъ и что получимъ сверхъ обыкновенной цѣны, то пойдетъ въ нашу пользу.»

Сплавщики приняли его предложеніе съ радостью, — одни изъ любопытства, другіе въ надеждѣ на барышъ. Только одинъ изъ нихъ велъ себя честно въ этомъ случаѣ: онъ старался отговорить товарищей не дѣлать низости въ отношеніи къ хозяину, но тщетно. Сплавщики не хотѣли его и слушать, а если и слушали, то старались забыть его совѣтъ. Но Голландецъ Микель не забылъ словъ честнаго парня.

Предводительствуемые великаномъ, сплавщики снова отправились въ путь и по Рейну дошли до Роттердама. Здѣсь имъ предложили за лѣсъ четверо больше обыкновенной цѣны и въ особен-

ности хорошо были проданы громадныя брёвна Микеля.

Простодушные Шварцвальдцы, увидѣвъ себя обладателями такой кучи денегъ, разинули рты отъ удивленія; сердца ихъ отъ радости готовы были выпрыгнуть изъ груди. Микель производилъ дѣлежъ: часть пошла хозяину, остальная имъ. И начали наши сплавщики бѣгать по трактирамъ, сдружались съ матросами и подобными людьми, проводили дни и ночи въ пьянствѣ и игрѣ. А честный парень, хотѣвшій отворотить товарищей отъ этого путешествія, былъ проданъ Микелемъ вербовщику солдатъ, который увезъ его въ Индію и съ тѣхъ поръ объ немъ ни слуху, ни духу.

Съ этого путешествія Шварцвальдцы сочли Голландію за рай земной, а на Голландца Микеля смотрѣли, какъ на короля. Лѣсовщики долго не знали о тайномъ промыслѣ сплавщиковъ; мало по малу безнравственность, пьянство и игра проникли къ намъ изъ Голландіи и вотъ губятъ страну.

Когда разнесся слухъ о промыслѣ сплавщиковъ, Микель скрылся, но не умеръ. Уже сто лѣтъ онъ свирѣпствуетъ по лѣсу и, говорятъ, помогаетъ многимъ обогащаться; но увы! эти несчастные покупаютъ богатство цѣной своихъ бѣдныхъ душъ. Вѣрно то, что вотъ теперь, когда буря реветъ на Танненбюлѣ, гдѣ запрещено рубить лѣсъ, те-

перъ Голландецъ Микель выбираетъ и рубитъ лучшія деревья. Мой отецъ видѣлъ однажды огромное дерево, которое Микель сломилъ какъ розовый кустъ! Онъ даритъ эти деревья тѣмъ, кто уклоняется отъ добраго пути и обращается къ нему; эти несчастные строятъ изъ Микелевыхъ деревьевъ плоты, и спускаютъ ихъ на воду ровно въ полночь; Микель сопровождаетъ своихъ жертвъ въ Голландію. Будь я владѣтелемъ и королемъ послѣдней, я велѣлъ бы стрѣлять картечью по этимъ людямъ и по ихъ товару, потому что каждый корабль, въ которомъ есть хотя одно бревно изъ Микелева лѣса, непременно погибаетъ. Отчего такъ часто и слышно о кораблекрушеніяхъ! Можно ли иначе объяснить себѣ, что огромные и прочные корабли, величиной съ любую церковь, вдругъ идутъ ко дну, какъ орѣховыя скорлупы? Каждый разъ, какъ Голландецъ Микель, въ бурную ночь, срубаетъ ель на Танненбюлѣ, въ ту же минуту одно изъ его деревьевъ отдѣляется отъ корпуса корабля, вода устремляется въ отверстіе и корабль гибнетъ со всѣмъ экипажемъ и кладью. Вотъ что рассказываютъ о Голландцѣ Микелѣ, и справедливо приписывается ему все зло, которое совершается на Шварцвальдѣ. Хотя онъ и можетъ вдругъ обогатить кого-нибудь, — заключилъ таинственно старикъ, — но я бы

ничего не хотѣлъ отъ него. Ни за какія блага не желалъ бы я быть на мѣстѣ толстаго Езекии и длиннаго Шлуркера! Сильно мнѣ сдается, что и король танцоровъ заключилъ съ Голландцемъ какую-нибудь сдѣлку!»

Пока мѣсть старикъ рассказывалъ, буря стихла. Женщины, зажегши себѣ свѣчи, удалились, трепеща подъ впечатлѣніемъ слышаннаго разсказа; мужчины, положивъ Петеру, вмѣсто матраца, мѣшокъ съ сѣномъ и пожелавъ ему покойной ночи, также отправились на покой.

IV.

Петеръ спалъ безпокойнымъ сномъ; тяжелыя сновидѣнія не давали ему всю ночь покоя. То ему чудилось, что Голландецъ Микель выбилъ окно и протягиваетъ свою громадную руку, а въ рукѣ кошелекъ, туго набитый золотомъ; слышалось Петеру, что Микель позваниваетъ своимъ золотомъ, и звонъ этотъ радостно, пріятно отдавался въ ушахъ Петера. То ему казалось, что маленькій стекольщикъ ѣздитъ верхомъ по комнатѣ на огромной зеленой бутылки и подсмѣивается своимъ сдержаннымъ смѣхомъ. Черезъ мгновеніе, Петеру слышалась смутная пѣсня:

Много денегъ у Голландцевъ,
Можно съ ними торгъ вести,
И набивъ карманы лихо,
Богачемъ домой прийти.

Потомъ звучало въ его памяти стихотворное заклинаніе къ маленькому генію, и пріятный голосъ шепталъ справа: «недогадливый угольщикъ, недогадливый Петеръ! неужели не можешь приискать риѳмы къ словамъ *мгновенье* и *отвѣтъ*? Вспомни, что ты родился въ седьмой день недѣли, въ полдень. Ищи-же риѳмы, бѣдный Петеръ, ищи-же!»

Несчастный вздыхалъ и стоналъ во снѣ. Онъ напрягалъ свой мозгъ, чтобы найти риѳму, но, никогда въ жизни не занимаясь подобными вещами, совершенно напрасно трудился поэтому и во снѣ.

Петеръ поднялся на зарѣ; странныя видѣнія ночи бродили еще у него въ головѣ. Скрестивъ руки на груди, онъ сѣлъ къ столу и принялся раздумывать о странныхъ словахъ, слышанныхъ имъ ночью и звучавшихъ до сихъ поръ въ ушахъ. «Ищи же риѳму, бѣдняга Петеръ, ищи же!» бормоталъ онъ и судорожно сжатой рукой колотилъ себя по лбу, но рѣшительно не могъ выбить оттуда никакой риѳмы.

Когда Петеръ сидѣлъ въ такомъ положеніи и, бессмысленно поводя глазами, приискивалъ риѳму,

трое прохожихъ, выйдя къ лѣсу, проходили подъ окнами хижины, въ которой находился Петеръ, и одинъ изъ нихъ напѣвалъ пѣсенку, въ которой встрѣчались риемы *ответъ* — *свѣтъ*, *мгновенье* — *видѣнье*.

Слова пѣсни, какъ молнія, освѣтили неясный разумъ Петера. Но ему показалось, что онъ недовольно хорошо разслышалъ пѣсню и, быстро вскочивъ съ мѣста, онъ побѣжалъ за прохожими.

— Эй, — кричалъ Петеръ, — схвативъ за руку того, который пѣлъ; эй, пріятель! Въ вашей пѣснѣ есть риема къ словамъ *мгновенье* и *ответъ*? Будьте добры, повторите эту пѣсню!

— Что съ тобой, шутъ ты этакой! отвѣчалъ пѣвецъ, я пою, что хочу; оставь сейчасъ мою руку, а не то....

— Нѣтъ, ты мнѣ долженъ повторить пѣсню», внѣ себя кричалъ Петеръ, еще сильнѣе сдавивъ прохожаго. Но двое другихъ заступились за собрата, приняли бѣднягу Петера въ кулаки и колотили до тѣхъ поръ, покамѣсть несчастный не отпустилъ прохожаго. Измученный Петеръ упалъ на колѣни.

— Чтò, братъ, доволенъ теперь, — говорили прохожіе, покатываясь со смѣху, при видѣ плачевной фигуры угольщика; — знай, что плохо задѣвать среди бѣла дня такихъ людей, какъ мы.

— Буду знать, буду! отвѣчалъ угольщикъ, тя-

жело вздыхая; — но такъ какъ вы меня коло-
тили, такъ ужъ пожалуйте повторите пѣсню.

Странность просьбы снова возбудила смѣхъ
трехъ товарищей; но пѣвецъ, добрый парень,
сжался надъ бѣднягой Петеромъ и повторилъ
пѣсню. Напѣвая и смѣясь, три товарища пусти-
лись снова въ дорогу.

— Воскресенье, воскресенье, воскресенье! бор-
моталь Петеръ Мункъ, съ трудомъ подвигаясь:
— хорошо, не забуду! Теперь малютка-стеколь-
щикъ мы съ тобой потолкуемъ!

Бѣгомъ возвратился Петеръ въ хижину, схва-
тилъ шляпу и палку, простился съ хозяевами и
направился къ Танненбюлю. Шелъ онъ тихо,
ломая себѣ голову, какъ бы сочинить стихъ и
вклеить въ него найденную, наконецъ, риему. Уже
неподалеку отъ Танненбюля, гдѣ ели становились
и выше, и толще, онъ вогналъ свою риему въ весьма
отрывочную фразу, долженствовавшую предста-
влять стихъ и совершенно довольный своимъ про-
изведеніемъ, даже подскочилъ отъ радости, словно
козленокъ.

Тѣмъ временемъ человѣкъ огромнаго роста,
одѣтый сплавщикомъ, съ длиннѣйшимъ, какъ
мачта, весломъ на плечѣ, показался за елями.
Петеръ чуть не упалъ отъ страха, видя, что ги-
гантъ пошелъ рядомъ съ нимъ. «Дѣло ясно, «ду-
малъ угольщикъ, «это никто иной, какъ Голлан-

децъ Микель.» Страшная обрзина, однако, молчала и Петеръ робко, втихомолку посматривалъ на своего спутника, который былъ головой выше самаго высокаго человѣка. Петеръ такого росту отъ роду не видывалъ. По лицу, огромный сплавщикъ былъ не молодъ, но и не старъ, хотя морщиноватъ; на плечахъ у него была обыкновенная куртка, но чудовищные сапоги, надѣтые сверхъ кожаныхъ штановъ, были слишкомъ извѣстны бѣдному угольщику по преданію.

Наконецъ, владыка лѣса проговорилъ глухимъ голосомъ: — Петеръ Мункъ, зачѣмъ ты на Танненбюль?

— «Мое почтеніе, землякъ!» отвѣчалъ Петеръ, стараясь казаться спокойнымъ, а между тѣмъ дрожа отъ страха, «какъ видите — возвращаюсь черезъ Танненбюль домой.

— Петеръ Мункъ, — возразилъ гигантъ, бросивъ пронизательный взглядъ на угольщика, — не здѣсь тебѣ дорога!»

— Конечно, не совсѣмъ здѣсь..., подтвердилъ Петеръ, но сегодня очень жарко и я полагаю, что здѣсь будетъ по прохладнѣе.»

— Угольщикъ, не лги! вскричалъ Голландецъ Микель громовымъ голосомъ, или я тебѣ дамъ почувствовать, что у меня на плечѣ весло. Не воображаешь ли ты, — продолжалъ онъ нѣсколько тише, — что я не видѣлъ, какъ ты христардни-

чалъ у малютки? Это была глупость съ твоей стороны; счастье твое, что ты не зналъ заклинанія; онъ скупъ, маленькій плутъ! Во первыхъ, мало дастъ, а во вторыхъ тотъ, кому онъ дастъ, никогда не будетъ хорошо жить.

Такой красивый парень, такой лихой могъ бы играть роль въ свѣтѣ, а долженъ жечь уголь! Эхъ, скверная твоя жизнь!

— Правда, правда, — очень скверная, — со вздохомъ проговорилъ Петеръ.

— Ну, такъ за мной дѣло не станетъ, чтобы она перемѣнилась, жизнь-то, — продолжалъ Микель. Я ужь многимъ молодцамъ помогъ; ты не первый, котораго я выручаю изъ бѣды. Скажи-ка, сколько тебѣ нужно сотенъ талеровъ на первый разъ?

Разговаривая, гигантъ побрякивалъ деньгами въ широкомъ карманѣ и это побрякиванье звучало и отзывалось въ ушахъ Петера, какъ во снѣ предъидущей ночи. Но сердце бѣдняги билось отъ страха и отъ печали, когда онъ услышалъ предложеніе гиганта: то румянецъ выступалъ у него на щекахъ, то кровь леденѣла въ жилахъ. Онъ догадывался, что Микель денегъ не дастъ такъ, единственно изъ состраданія, а вѣроятно потребуетъ чего-нибудь въ замѣнъ. Въ то же время ему приходили на память слова старика о разбогатѣвшихъ, — о толстомъ Езекилѣ, длин-

номъ Шлуркерѣ и т. д. Подъ вліяніемъ неотра-
зимаго ужаса, Петеръ проговорилъ: — Очень
благодаренъ, милостивый государь; мнѣ нечего
съ вами толковать, знаемъ мы объ вашихъ штук-
кахъ! — и пустился бѣжать.

Но гигантъ, благодаря неизмѣримымъ шагамъ,
все шелъ рядомъ съ нимъ, ворча глухимъ и
грознымъ голосомъ: — одумайся, Петеръ, вѣдь
у тебя на лбу написано, глаза говорятъ, что ты
отъ меня не увернешься. Да ну, болванъ, не
бѣги-же, выслушай; вотъ мы ужъ на границѣ
моихъ владѣній.»

Услышавъ послѣднія слова великана и уви-
давъ дѣйствительно нѣчто въ родѣ небольшого
рва, Петеръ пустился бѣжать, да такъ, что
Микель, бранившійся и грозившій, увидѣлъ не-
обходимость бѣжать слѣдомъ за угольщикомъ, ко-
торому страхъ придалъ крылья. Петеръ надъ
своей головой уже видѣлъ занесенное весло ги-
ганта; чтобъ избавиться отъ опасности, онъ со-
бралъ всѣ свои силы и въ отчаянномъ порывѣ
перепрыгнулъ ровъ и перепрыгнулъ благополучно.
Въ ту же минуту раздался страшный трескъ: ве-
сло гиганта сломалось на воздухъ, какъ будто
ударившись объ алмазную стѣну и ударъ ще-
покъ полетѣлъ къ ногамъ Петера. Въ радости
отъ своего побѣга, нашъ герой схватилъ щепку,
съ намѣреніемъ швырнуть ея въ грубаго Микеля,

какъ вдругъ почувствовалъ, что щепка какъ-то странно шевелилась въ рукѣ. Вообразите себѣ, если можете, ужасъ, овладѣвшій несчастнымъ, когда онъ увидѣлъ, что схватилъ огромную змѣю. Онъ хотѣлъ немедленно сбросить ужасное животное, но оно обвилось вокругъ руки бѣднаго Петера и тянулось прямо къ его лицу своимъ длиннымъ жаломъ. Въ эту минуту, шумно взмахивая крыльями, явился около Петера великолѣпный глухарь, схватилъ въ свой клювъ голову змѣи и скрылся съ ней въ воздухѣ.

Мингеръ Микель видѣлъ съ противоположной стороны рва внезапную развязку этого происшествія; видѣлъ, что змѣя побуждена существомъ сильнѣйшимъ, и принялся такъ браниться и кричать, что, казалось, громъ сейчасъ поразитъ нечестивца. Но тѣмъ дѣло окончилось: дальше своихъ владѣній Микель не имѣлъ власти.

V.

Хотя Петеръ утомился и дрожалъ еще отъ ужаса, однако, побуждаемый нетерпѣніемъ, побрелъ дальше. Тропинка была передъ нимъ прямая, окрестность пустынна и дика. Черезъ нѣсколько времени, угольщикъ очутился передъ знакомой толстой елью. Какъ и вчера, онъ роскла-

нялся передъ невидимымъ геніемъ и началъ декламировать стихи:

Сторожъ всѣхъ сокровищъ тайныхъ,
Крошка-карликъ мой сѣдой,
Елей сихъ патріархальныхъ
Обладатель вѣковой.

Покажися на мгновенье
И желанный дай отвѣтъ
Для того, кто въ воскресенье
Родился на бѣлый свѣтъ.

— Оно не совсѣмъ такъ, но благо это ты, Петеръ Мункъ, — я удовольствуюсь и этимъ, — сказалъ подлѣ него нѣжный, звонкій голось.

Удивленный Петеръ быстро обернулся. Подъ стройной елью сидѣлъ маленькій старичекъ въ черной курткѣ, въ красныхъ чулкахъ и въ широкой шляпѣ, которая упоминается въ преданіи о маленькомъ стекольщикѣ. Небольшая борода, тонкая какъ паутина, окаймляла его лице, дышавшее радушіемъ. Онъ курилъ — удивительное дѣло! — тонкую трубку изъ голубого стекла. Когда Петеръ къ нему приблизился, то не безъ удивленія замѣтилъ, что одежда маленькаго человека, его башмаки, чулки и остальное — были тоже изъ цвѣтного стекла, но очень гибкого, какъ будто еще теплого, растягивавшагося, подобно тонкой ткани, при всякомъ движеніи генія.

«Ты встрѣтилъ этаго мужика, Микеля, — началъ маленькій человѣкъ странно покашливая на каждомъ словѣ, — онъ хотѣлъ тебя напугать своимъ волшебнымъ жезломъ, но я заставилъ его змѣю отказаться отъ добычи; она больше никого не укуситъ.

— Правда-съ, — отвѣчалъ Петеръ съ глубокимъ поклономъ, — я былъ въ ужасномъ страхѣ и такъ какъ вы-съ подали мнѣ помощь, въ видѣ глухаря, и поймали змѣю, то я приношу вамъ искреннюю мою благодарность. Кромѣ того-съ, я пришелъ къ вамъ попросить совѣта: мои дѣла идутъ плохо, очень плохо. Съ моимъ ремесломъ не далеко уйдешь; все-таки, разсуждаю я, — я еще молодъ и гожусь на что-нибудь получше. Каждый день я вижу много людей, которымъ богатство пришло странно! Возьмите толстаго Езекиля и короля танцоровъ: эти господа ворочаютъ деньгами какъ соломой.

— Петеръ, — строго возразилъ маленькій стекольщикъ, пустивъ большой клубъ дыму, — Петеръ, не говори мнѣ никогда объ этихъ людяхъ. Хороша-ли для нихъ перспектива, за нѣсколько лѣтъ мнимого веселья сдѣлаться еще болѣе несчастными, чѣмъ были? Не пренебрегай своимъ ремесломъ, дружокъ, — и отецъ твой, и дѣдъ были честными людьми и славные были угольщики. Петеръ Мункъ, — прибавилъ онъ, вперивъ

взоры въ молодого человѣка, — я не хочу думать, что любовь къ праздности привела тебя ко мнѣ?» Петеръ сробѣлъ отъ строгой рѣчи стекольщика и почувствовалъ, что кровь бросилась ему въ лице.

«Нѣтъ, нѣтъ, сохрани Богъ, — поспѣшилъ онъ отвѣтить; я знаю, что праздность мать всѣхъ пороковъ. Но вы, конечно, не поставите мнѣ въ вину желанія избрать другое ремесло. Угольщикъ — жалкое созданіе въ свѣтѣ, а вотъ стекольщики, сплавщики и многіе другіе, — вотъ этихъ считаютъ знатными людьми.

— Тщеславіе часто губительно, — возразилъ маленькій человѣкъ въ видѣ поученія, но, впрочемъ, ласковымъ тономъ. Ахъ, люди, люди! странные вы, право, — продолжалъ онъ; не знаю, найдется ли хотя одинъ изъ васъ, кто бы былъ доволенъ состояніемъ, въ которомъ родился и воспитывался. Бьюсь объ закладъ, что еслибъ ты былъ стекольщикомъ, ты бы желалъ быть хозяиномъ рынка; былъ бы хозяиномъ рынка — завидовалъ бы положенію лѣсничаго, лѣсничимъ завидовалъ бы уѣздному судѣ? Но, впрочемъ, если ты мнѣ дашь обѣщаніе хорошо работать, я согласенъ улучшить твое положеніе. Я всегда исполняю три желанія тѣхъ, которые родились въ воскресенье и съумѣли дойти до меня; два первыя желанія, совершенно отъ тебя зависящія, исполнятся не-

медленно. Я могу отвергнуть третье, если оно не разумно. Проси же у меня чего хочешь. Но, честный Петеръ, проси чего-нибудь хорошего и полезного.

— Ахъ, да вы — прекраснѣйшій изъ всѣхъ геніевъ, которыхъ я знаю, добрый маленькій стекольщикъ, и васъ, по справедливости, называютъ владыкой сокровищъ.... Ну-съ, такъ какъ я могу просить чего душѣ угодно, такъ я, во первыхъ, желаю танцовать лучше короля танцоровъ и имѣть всегда столько денегъ въ карманѣ, сколько у Езекиа.

— Безумецъ, дважды безумецъ! съ гнѣвомъ заговорилъ маленькій человѣкъ. Какія жалкія желанія! Тебѣ хочется имѣть ноги подвижной куклы! Деньги игрока! Не стыдно ли, глупый Петеръ, такъ грубо заблуждаться и искать въ этомъ счастья? Какая польза будетъ тебѣ и твоей бѣдной матери въ томъ, что ты будешь ловко танцовать? Какую пользу извлечешь ты изъ денегъ, которыя, по собственному твоему желанію, назначаются для трактирщика и перейдутъ въ его ящикъ, такъ же, какъ и деньги этаго красиваго дурака, короля танцоровъ? Полно! Тебѣ еще осталось одно желаніе; но подумай хорошенько и попроси чего-нибудь умного.»

Петеръ почесалъ у себя за ухомъ, съ минуту келебался, и наконецъ проговорилъ: я хочу имѣть

стеклянный заводъ—лучшій и богатѣйшій на всемъ Шварцвальдѣ, со всѣми къ нему принадлежностями, съ нужными деньгами на его содержаніе.

— Больше ничего, — заботливо спросилъ маленькій человѣкъ, — больше ничего Петеръ?

— Прекрасно! Прибавьте еще экипажъ и лошадей....

— О, глупый, безтолковый угольщикъ! воскликнулъ гевій (и въ гнѣвъ хватилъ свою хорошенькую трубочку объ ель; трубка разлетѣлась въ мелкіе дребезги). Лошадей, экипажъ! Разума проси, говорю я тебѣ, разума, — здраваго смысла, знанія своего дѣла: вотъ чего ты долженъ былъ просить, а не лошадей и экипажи!

Ну нечего, братъ, ужъ теперь дѣлать; мы по-постараемся уладить. Въ сущности, твое второе желаніе не совсѣмъ безтолково: хорошій стеклянный заводъ кормитъ хозяина. Только нужно было, я тебѣ повторяю, нужно было въ тоже время просить умѣнья управлять имъ; лошади и экипажъ явились бы сами собой.

— Но, господинъ стекольщикъ, — возразилъ Петеръ, — вѣдь я имѣю право еще на одно желаніе, такъ можно попросить насчетъ ума, коли ужъ онъ такъ нуженъ, по вашему.

— Нѣтъ, молчи, — на сегодня довольно; можетъ быть, будешь въ бѣдѣ, такъ тогда порадуешься, что оставилъ за собой желаніе. А теперь, дру-

жокъ, подумай какъ бы добраться до дому. Вотъ, — продолжалъ геній, — вытаскивая изъ кармана кошелекъ, довольно туго набитый, — вотъ на первый разъ двѣсти флориновъ: ровно столько нужно тебѣ для начала. Не осмѣливайся впередъ являться сюда, чтобъ трещать о деньгахъ; я тебя за это повѣшу на самую высокую сосну. Вотъ что еще я долженъ сказать тебѣ: три дня тому назадъ, умеръ старый Винкдерицъ, которому принадлежалъ стеклянный заводъ, лучшій въ Унтервальденѣ; завтра утромъ, отправляйся къ наследникамъ покойнаго, предложи имъ приличную сумму, и заводъ твой. Веди себя хорошо, занимайся своимъ дѣломъ; иногда я тебя буду навѣщать, чтобъ помочь и подать тебѣ совѣтъ, такъ какъ ты не позаботился попросить у меня умѣнья управлять заводомъ. Но я тебѣ серьезно говорю, — твое первое желаніе было истинно безумно; остерегайся трактировъ, Петеръ, это никому не приносило пользы.

Говоря такимъ образомъ, маленькій стекольщикъ вынулъ изъ кармана новую трубку изъ прекраснѣйшаго стекла. Набивъ ее маленькими сухими еловыми шишками, онъ взялъ ее въ беззубый ротъ свой, обратился къ солнцу и закурилъ трубку, помощью толстаго зажигательнаго стекла. Сдѣлавъ это, геній дружески протянулъ Петеру руку,

далъ ему еще два-три добрыхъ совѣта и раскуривая трубочку все сильнѣе и сильнѣе, наконецъ исчезъ въ густомъ облакѣ дыма, распространившаго запахъ лучшаго Голландскаго табаку, долго носившагося въ воздухѣ и окутывавшаго верхушки елей.

VI.

Петеръ, возвратившись домой, засталъ мать въ страшномъ безпокойствѣ; старушка думала, что сына непременно взяли въ полицію. Петеръ, съ радостью на сердцѣ, съ сіяющимъ лицомъ, немедленно принялся рассказывать матери, что вотъ-моль встрѣтилъ онъ добраго пріятеля, который далъ ему денегъ, чтобъ заняться другимъ ремесломъ. Тридцать лѣтъ Варвара Мункъ жила въ дымной хижинѣ и глаза ея также привыкли къ чернымъ лицамъ, какъ глаза мельничихи привыкаютъ въ вѣчно обсыпанному мукой лицу мельника. Но когда сынъ открылъ передъ ней блистательную перспективу дальнѣйшей судьбы своей, Варвара была такъ малодушна, что съ презрѣніемъ отозвалась о ремеслѣ угольщикова и съ важностью сказала: «въ такомъ случаѣ я, мать богатаго хозяина стекляннаго завода, буду ужь другаго раз-

ряда, не то, что сосѣдки Гретти и Бетти, и впередъ мое мѣсто въ церкви будетъ около порядочныхъ людей.»

Петеръ скоро заключилъ торгъ съ наследниками стараго Винкдерица. Ни одинъ работникъ не покинулъ еще завода; Петеръ нанялъ ихъ снова всѣхъ, началъ тотчасъ же работу и приказалъ работать день и ночь. Сначала казалось, что новое ремесло какъ будто ему и понравилось. Онъ аккуратно являлся въ мастерскія, съ важностью ходилъ по всему заводу, заложивъ руки въ карманы и показывая видъ, будто знаетъ толкъ въ дѣлѣ; останавливался у одного работника, переходилъ къ другому, то тамъ, то сямъ отваживался давать совѣты и не замѣчалъ (до того онъ былъ ослѣпленъ довольствомъ), что работники втихомолку подсмѣивались надъ замѣчаніями хозяина. Но больше всего любилъ онъ смотрѣть, какъ выдувають бутылки. Иногда Петеръ не гнушался самъ приняться за работу и если въ этомъ случаѣ хозяинъ не дѣлалъ лучше работниковъ, то по крайней мѣрѣ дѣлалъ иначе: бутылки самага большаго размѣра были пигмеи, въ сравненіи съ тѣми чудовищами, которыя выходили изъ паяльной трубки Петера. Скоро, однако, работа ему надоѣла. Онъ началъ ходить въ мастерскую разъ въ день, потомъ въ два дня разъ, наконецъ разъ въ недѣлю; короче, онъ пересталъ

совсѣмъ показываться на заводѣ и мастерские дѣлали все, что хотѣли, слѣдовательно не дѣлали ничего хорошаго. Эта пагубная небрежность со стороны Мукка была слѣдствіемъ частыхъ посѣщеній трактира.

Въ первое воскресенье послѣ путешествія на Танненбуль, Петеръ не могъ воздержаться, чтобъ не отправиться въ трактиръ похвастать своимъ богатствомъ. Царь танцоровъ былъ ужь тамъ и расправлялъ свои члены, готовясь танцовать; толстый Езекиль, сидѣвшій въ углу, потягивалъ пиво, игралъ съ двумя посѣтителями и бросалъ кости и талеры. Увидѣвъ толстяка, Петеръ ощупалъ свои карманы, чтобъ испытать сдержитъ ли слово маленькій стекольщикъ; о чудо! карманы были набиты золотомъ! Въ ту же минуту, онъ почувствовалъ, что его ноги трепещутъ, какъ будто желая пуститься въ плясъ! Въ слѣдствіе этого, какъ только составился кадриль, Петеръ помѣстился съ своей дамой рядомъ съ царемъ танцоровъ. Когда этотъ подпрыгивалъ на три фута, Петеръ поднимался на четыре; когда его соперникъ прищелкивалъ пять или шесть разъ каблукми, Петеръ отмахивалъ разъ двѣнадцать, къ великому восхищенію зрителей, не перестававшихъ удивляться и поощрять радостными криками обоихъ соперниковъ.

Но это было только начало. Когда же раз-

несся въ танцевальной залѣ слухъ, что Петеръ купилъ стеклянный заводъ стараго Винкдерица, когда увидѣли, что, проходя мимо музыкантовъ, бывшій угольщикъ, послѣ каждаго кадрили, бросаетъ имъ крупную монету, то всѣ посѣтители трактира пришли въ удивленіе и безграничное восхищеніе. «Видно онъ кладъ нашелъ въ лѣсу,» говорили одни. «Можетъ быть, неожиданно наслѣдство получилъ,» предполагали другіе. Какъ бы то ни было, но всѣ, какой бы причинѣ не приписывали перемѣну его состоянія, оказывали разбогатѣвшему угольщику уваженіе и считали его важнымъ лицомъ, — онъ былъ богатъ!

Петеръ, между тѣмъ, приблизился къ игрокамъ попытать счастья. Первый опытъ былъ неудаченъ, но, хотя онъ проигралъ флориновъ двадцать, деньги не переставали звенѣть у него въ карманахъ, какъ будто эти карманы заключали въ себѣ сотни талеровъ. Петеръ былъ совершенно внѣ себя отъ радости отъ знаковъ уваженія, которые ему оказывали. Въ упоеніи, онъ сорилъ деньгами на своемъ пути, желая, чтобъ и бѣдные пользовались его богатствомъ; видно, онъ не успѣлъ забыть еще жестокихъ испытаній бѣдности.

Съ тѣхъ поръ прыжки царя танцоровъ, нѣкогда перевозносимые, теперь совершенно потушились отъ блистательныхъ продѣлокъ его сопер-

ника, которому общимъ голосомъ присуждена пальма первенства и названіе *императора танцоровъ*.

Не только въ танцахъ выказалъ себя Петеръ, онъ и въ игрѣ превзошелъ самыхъ бѣшеныхъ игроковъ; но такъ какъ они ставили куши не сравненно меньше, чѣмъ Петеръ, то и проигрывали меньше. Не было счету деньгамъ, сыпавшимся изъ его кармана и все-таки казалось, что чѣмъ онъ больше проигрываетъ, тѣмъ больше у него денегъ. Это было слѣдствіемъ первого желанія Петера, которое и исполнялось. Петеръ просилъ у маленькаго стекольщика, чтобъ въ карманѣ было столько денегъ, сколько ихъ у толстаго Езекиля, съ которымъ онъ всегда игралъ. Десять, двадцать, тридцать флориновъ съ разу проигрывалъ разбогатѣвшій угольщикъ, ничего: флорины немедленно возвращались въ его карманъ, въ то самое время, когда Езекиль клалъ ихъ въ кошелекъ.

Предавшись такой разгульной жизни, Петеръ вдался въ игру, хуже всякаго шварцвальдскаго негодая, его стали называть Петеръ-игрокъ, потому что онъ игралъ постоянно и для него не было рабочихъ дней.

Благодаря всему этому, дѣла на его стеклянномъ заводѣ шли дурно и безразсудство и неспособность бывшаго угольщика обнаруживались

очень ясно. Онъ заставлялъ своихъ мастеровыхъ работать и работать, а товара своего вѣтренникъ сбыть не умѣлъ. Не зная, наконецъ, что дѣлать съ массой стеклянныхъ издѣлій, выработанныхъ на заводѣ, Петеръ увидѣлъ необходимость продавать свои произведенія странствующимъ купцамъ за низкую цѣну, такъ что вырученныхъ денегъ ему едва достало на уплату мастеровымъ.

Однажды онъ, пошатываясь, пробирался отъ трактира къ своему жилищу. Несмотря на огромное количество вина, которое онъ выпилъ, чтобы опьянѣть, онъ не могъ безъ ужаса подумать о скоромъ раззореніи своемъ. Вдругъ Мункъ замѣтилъ, что кто-то идетъ рядомъ съ нимъ; онъ остановился, чтобы разсмотрѣть своего спутника: то былъ маленькій стекольщикъ!

Хмѣль бродилъ у Петера въ головѣ; при видѣ генія, бывшій угольщикъ закипѣлъ неистовымъ гнѣвомъ, разразился жестокою бранью, осыпалъ маленькаго генія упреками и называлъ его единственною причиною своихъ несчастій.

«Что мнѣ теперь дѣлать съ лошадыю и экипажемъ?» восклицалъ онъ, «какая мнѣ выгода отъ моего завода и тысячи бутылокъ, которыя его загромождаютъ? Честное слово, угольщикомъ я былъ счастливѣе, по крайней мѣрѣ не зналъ безпокойствъ! А теперь я кругомъ въ долгу и съ минуты на минуту ожидаю къ себѣ судью; зав-

тра, можетъ быть, онъ явится со своими помощниками и опишетъ все, что у меня остается.»

— Ага, такъ ты вотъ какъ, Петеръ? отвѣчалъ маленькій стекольщикъ; такъ я причина твоего несчастія? Хороша благодарность за мои благодѣянія! Во-первыхъ, кто тебя принуждалъ выражать такія безумныя желанія! ты хочешь быть стекольщикомъ, а не знаешь основныхъ правилъ своего дѣла; виноватъ ли я въ этомъ? Развѣ я не просилъ облумать хорошенько свои желанія? Ума и благоразумія, вотъ, — Петеръ, чего тебѣ не достаетъ!

«Умъ, благоразуміе! нагло возразилъ Петеръ, виѣ себя отъ бѣшенства, — да я разумнѣе всѣхъ, чортъ возьми! я тебѣ дамъ знать, карапузикъ!»

Произнося эти слова, Петеръ крѣпко схватилъ за шиворотъ маленькаго челоуѣка и во все горло началъ кричать: «Эге! что, братъ, ты въ моей власти! я хочу немедленно исполненія третьяго желанія, слышишь! Вотъ-съ, господинъ хозяинъ всѣхъ сокровищъ лѣса, я хочу немедленно 200,000 талеровъ, домъ въ городѣ.... Помогите! заревѣлъ вдругъ Петеръ, отчаянно потрясая рукой.

Дѣло въ томъ, что маленькій геній мгновенно превратился въ рукахъ Петера въ раскаленную до бѣла массу стекла, оставивъ слѣды жестокой обжоги.

Нѣсколько дней распухшая рука бѣдняги на-

поминала ему о его неблагодарности и глупости; но, вмѣстѣ съ раной, прошли и угрызения совѣсти.

— Ба, — заключилъ онъ свои размышленія, — пусть ихъ продаютъ мой заводъ, домъ и остальное! вѣдь не отнимутъ же у меня толстаго Езекиля, а покамѣсть у него есть деньги, я ни въ чемъ не буду нуждаться.

Прекрасно! ну, а какъ Езекиль-то все прокутить?

Такъ и случилось. Въ одно воскресенье, Петеръ, въ экипажѣ, отправился въ трактиръ (его дѣла все болѣе и болѣе запутывались и только игра доставляла ему развлеченіе).

На шумъ подъѣхавшаго экипажа, посѣгители трактира бросились къ окнамъ.

«Эго Петеръ-игрокъ,» говорилъ одинъ.

«А, да! — императоръ танцоровъ, богатый стекольщикъ.» замѣтилъ другой.

Но третій, покачавъ головой, прибавилъ: «богатый? да, можетъ быть когда-то, но теперь сильно поговариваютъ объ его долгахъ. Не дальше, какъ вчера, мнѣ говорили въ городѣ, что судья не замедлитъ арестовать его.»

Во время этаго разговора, богачъ — Петеръ, съ покровительственнымъ видомъ, отвѣчалъ на поклонны сидѣвшихъ за столомъ.

«Здравствуйте хозяинъ, — сказалъ онъ содержа-

телю Золотаго Солнца, выходя изъ экипажа; толстый Езекиль здѣсь?

— Торопись, лѣнтяй, — отозвался изъ трактира грубый голосъ, — уже довольно мы ждемъ тебя съ картами въ рукахъ, чортъ возьми!»

Петеръ Мункъ поспѣшно вошелъ и сѣлъ рядомъ съ прочими къ зеленому столу. Но несмотря на его большія ставки, никто не выигрывалъ и не проигрывалъ: игра почти не начиналась.

Съ наступленіемъ ночи, трактиръ опустѣлъ; въ большой залѣ остались только Петеръ, толстый Езекиль, еще двѣ личности и игра продолжалась при мерцаніи оплывшихъ свѣчей.

«Довольно на сегодня, — проговорили партнеры Езекиля и Петера, услышавъ, что часы пробили одиннадцать: — пора домой.» Они встали и удалились. Езекиль готовился сдѣлать тоже, Петеръ, остервенившись больше чѣмъ когда либо, предложилъ ему остаться и продолжать игру.

— Пожалуй, — рѣшилъ толстякъ, послѣ различныхъ возраженій, — но мы должны повести дѣло скорѣе. Карты — это больно долго, да притомъ они мнѣ надоѣли сегодня; будемъ лучше играть въ кости, по пяти флориновъ очко, не меньше. Идетъ? Вотъ у меня тутъ около сотни флориновъ, заключилъ толстякъ, высыпая деньги изъ кошелька на столъ.

— И у меня около того, сказалъ Петеръ, не давая себѣ труда сосчитать своихъ денегъ.

— Ну, поскорѣй, — проговорилъ Езекиль, схватилъ стаканъ и сталъ кидать кости.

Мы сказали, что весь вечеръ счастье было перемѣнчиво и никто изъ игроковъ не былъ въ выигрышѣ; но лишь только Петеръ и Езекиль остались съ глазу на глазъ, толстякъ, бывший все таки больше въ выигрышѣ, чѣмъ въ проигрышѣ, увидѣлъ, что счастье совершенно оставило его. Онъ божился какъ извощикъ, рвалъ на себѣ волосы и кидалъ съ яростью кости. Наконецъ, толстякъ положилъ на столъ послѣдніе свои пять флориновъ.

«Это послѣдніе, вскричалъ онъ, но мы изъ за-этого не кончимъ, слышишь-ты?»

Ты мнѣ дашь въ долгъ флориновъ двадцать?

— Двадцать флориновъ? Сто, коли желаешь, сколько угодно! — отвѣчалъ Петеръ, разгоряченный удачей.

Между тѣмъ Езекиль дрожащей рукой потрясъ стаканъ и выкинулъ кости на столъ.

— Семнадцать! вскричалъ онъ, — наконецъ-то! Ну ка, братъ, играй!

— Восемнадцать! проговорилъ Петеръ и губы его готовились сложиться въ веселую улыбку, какъ вдругъ хорошо знакомый хриплый голосъ съ насмѣшкой прошепталъ ему на ухо:

«У Езекиля больше ничего нѣтъ!»

Петеръ быстро оглянулся: подлѣ него стояла гигантская фигура Микеля Голандца. Судорожная дрожь пробѣжала по всѣмъ членамъ Петера и деньги, которыя онъ собралъ, покатались изъ рукъ.

Толстый Езекиль, погруженный въ созерцаніе костей и не замѣчавшій великана, попросилъ у Петера десять флориновъ взаймы, чтобы продолжать игру.

«Да, да», бормоталъ Петеръ, какъ бы просыпаясь.

Онъ полѣзъ въ правый карманъ: пусто, въ лѣвый — тоже! Ни въ томъ, ни въ другомъ не было денегъ. Онъ снялъ куртку, ощупалъ ее, выворотилъ, осмотрѣлъ подкладку, трясъ ее, трясъ, однако не вытрясъ ни одной копѣйки.

«Я погибъ!» крикнулъ онъ, ударивъ себя по лбу, — «я погибъ! о, я безумецъ!»

Онъ вспомнилъ свое первое желаніе: онъ хотѣлъ всегда имѣть столько денегъ, сколько у Езекиля. Такъ какъ Езекиль все проигралъ, то и Петера финансы улетучились.

Между тѣмъ какъ бѣдняга искалъ и не находилъ своихъ денегъ, хозяинъ Золотого Солнца и Езекиль съ удивленіемъ смотрѣли на него и, не смотря на увѣренія Петера, не хотѣли вѣрить, чтобы у него не было больше денегъ. Чтобы

ихъ убѣдить, Петеръ далъ имъ осмотрѣть свои карманы. Осмотрѣвъ, и не найдя ничего, они разсердились и клялись, что бывшій угольщикъ — злой колдунъ. Что онъ волшебствомъ скрылъ свои деньги.

Петеръ защищался какъ могъ и увѣрялъ, что онъ раззорился, но дѣло казалось слишкомъ не правдоподобнымъ.

«Хорошо же,» говорилъ Езекиль, «весь Шварцвальдъ узнаеть о подлой штучкѣ, которую ты сыгралъ со мною, бездѣльникъ!»

— А я, — грозилъ трактирщикъ, — завтра же утромъ отправолюсь въ городъ и донесу, что ты безчестный колдунъ. По крайней мѣрѣ, мы съ удовольствіемъ увидимъ, какъ ты будешь жариться на площади!»

И оба бросились на него какъ бѣшеные, разодрали на немъ платье, поколотили и вытолкали изъ трактира.

Въ стыдѣ отъ неудачи, понутивъ голову, Петеръ тайкомъ пробирался домой. Не было ни звѣздъ на небѣ, ни луны; но, несмотря на жестокую темноту, несчастный различалъ, хотя не ясно, что-то колосальное, двигавшееся рядомъ съ нимъ.

— Ты погибъ, Петеръ Мункъ, — заговорило таинственное существо, — твое благодѣнствіе кончилось. Я тебѣ предсказывалъ, помнишь въ тотъ

день, когда ты не хотѣлъ меня слушать и бѣжалъ къ своему глупому карлику. Теперь, братъ, знаешь каково пренебрегать моими совѣтами. Впрочемъ я не сержусь, — напротивъ я сожалѣю о твоей участи; испытай-ка мое могущество. Никто никогда не раскаявался, слышишь, кто обращался ко мнѣ и если не боишься неровной дороги, то можешь меня видѣть на Таненбюлѣ: по первому зову, я явлюсь къ твоимъ услугамъ.»

Петеръ сейчасъ узналъ того, кто съ нимъ говорилъ; зубы у него стучали отъ ужаса, когда онъ слушалъ гиганта, и будучи не въ состояніи произнести ни одного слова, онъ пустился бѣжать домой, какъ будто легіоны чертей гнались за нимъ.

(Окончаніе въ слѣдующ. №.)

РУССКІЕ НА ШПИЦБЕРГЕНЪ ИЛИ ГРУМАНТЪ (*).

Къ сѣверу отъ норвежскаго мыса Нордъ-Капа, лежитъ довольно большая группа острововъ, нѣкъмъ не обитаемая, но посѣщаемая норвежскими и датскими китоловами и русскими промышленниками съ бѣломорскаго побережья. Въ старину, вся эта группа принималась за одинъ островъ, почему до сихъ поръ сохранилось названіе — островъ Шпицбергенъ или Грумантъ, по выраженію Груманлановъ, т. е. русскихъ, пріѣзжающихъ сюда для разныхъ промысловъ.

Весь островъ — каменный, съ выдающимися въ море скалами; поэтому Груманлане, подѣзжающіе къ нему съ южной стороны, говорятъ: «съ моря Грумантъ глядитъ какъ уголь.» На немъ нѣтъ никакой растительности, только бѣлый мохъ покрываетъ подошвы его утесовъ. За то онъ бо-

(*) Эта статья составлена преимущественно по статьѣ г. А. Харитонова «Русскіе промышленники на Грумантъ», помѣщенной въ Отечественныхъ Запискахъ 1849 года.

гать гусями, гагами и другими птицами, свойственными сѣверному климату; онѣ тамъ такъ ручны и смирны, что ихъ можно стрѣлять чуть не за два шага. Морскія животныя — моржи, нерпы, морскіе зайцы — въ лѣтнее время выходятъ изъ воды и располагаются на его берегахъ; кромѣ того, здѣсь есть бѣлые медвѣди, песцы и олени. Послѣдніе очень жирны, и мясо ихъ гораздо нѣжнѣе, чѣмъ мясо оленей въ Архангельской губерніи. У Груманлановъ есть преданіе о томъ, какимъ образомъ на островѣ завелись олени, вѣроятно, заимствованное русскими у Норвежцевъ.

Много лѣтъ тому назадъ, говоритъ оно, какой-то «королевичъ съ Норвеги,» желая присвоить себѣ островъ въ собственность, послалъ туда нѣсколько кораблей съ экипажемъ для заселенія огромнаго, но дикаго и еще необитаемаго острова. На этихъ корабляхъ въ первый разъ привезены были на Шпицбергенъ олени. Поселенцы, однако, мало по малу умирали, не въ состояніи будучи противиться влеченію ко сну, который неминуемо ведетъ за собою *цингу*, страшную болѣзнь, господствующую въ полярныхъ странахъ. Но олени разбрелись по острову и размножились. Человѣкъ восемь изъ экипажа, оставшіеся въ живыхъ, поспѣшили добраться до норвежскаго берега и сообщили своему «королевичу» извѣстіе о неудачѣ.

Съ той поры нѣтъ поселенцевъ на Грумантѣ. Да ихъ и не можетъ быть, по причинѣ сильного и почти постояннаго здѣсь холода.

Поѣздки русскихъ промышленниковъ на Грумантъ совершаются слѣдующимъ образомъ: въ началѣ іюля мѣсяца, какой нибудь купецъ, владѣтель небольшого судна, называемаго *лодией*, нанимаетъ артель человекъ въ двадцать для отправленія на островъ; надзоръ за ней поручается *носнику* или *кормщику*. Онъ владѣетъ довѣріемъ хозяина судна относительно промысловъ; онъ принимаетъ отъ хозяина съѣстные припасы, примѣрно года на полтора; онъ же и направляетъ ходъ судна къ цѣли. Артель состоитъ изъ нѣсколькихъ охотниковъ, знающихъ уже мѣстность Шпицбергена и искусныхъ стрѣлковъ, и изъ промышленниковъ-новичковъ, не бывавшихъ на островѣ, но отличающихся смѣлостью. Плата имъ соразмѣрна ихъ умѣнью. Охотники берутъ съ собой собакъ ищеекъ, необходимыхъ для охоты.

Обыкновенно Архангельскіе промышленники отправляются на Грумантъ около праздника пророка Іліи (20 іюля) (*), проводятъ въ плаваньи около пятидесяти дней и ко времени праздника Іоанна Постника (2 сентября) пристають къ Ки-

(*) Читатели, вѣроятно, знаютъ, что нашъ народъ любитъ считать время по праздникамъ.

товой губѣ, на южномъ берегу острова (*). Прежде всего они, разумѣется, разгружаютъ судно, весь провіантъ, находящійся въ лодѣ, выносятъ на берегъ, въ избушку, которая и называется *становою*, потому что кормщикъ, съ тремя-четырьмя искуснѣйшими изъ охотниковъ, живетъ здѣсь во все время пребыванія ихъ на Грумантѣ. По берегу, на западъ и на востокъ отъ становой избушки, находится еще нѣсколько *станковъ*, въ которыхъ помѣщаются прочіе охотники, человѣка по два — по три. Станки расположены верстахъ въ двадцати одинъ отъ другаго. Выгрузивъ багажъ изъ лодки на берегъ, охотники раскладываютъ его въ лодки и везутъ каждый потребное число провіанта и дровъ въ свою избу. Эти станки, иначе называемые *промышленными избушками*, — жалкіе сарайчики, сажень въ двадцать квадратныхъ, наскоро сколоченные изъ барочныхъ досокъ и покрытые мохомъ. Они колеблются отъ всякаго, сколько-нибудь чувствительнаго вѣтра; внутри ихъ большая неопрятность и смрадъ, потому что здѣсь всю зиму стоитъ звѣриное сало, да кромѣ того развѣшиваются, для сушки, звѣриныя шкуры.

Промыслы свои Груманлане начинаютъ стрѣляньемъ оленей, и только когда наведетъ случай.

(*) Во время переѣзда, они заходятъ въ норвежскій городокъ Вардегусъ.

морскихъ животныхъ. Съ праздника Юанна Постника до Козьмы и Демьяна (октября 17 и ноября 1), они стараются запасти себѣ сколько можно болѣе оленьяго мяса; оленье сало и шкура—достояніе хозяина, мясо — ихъ зимняя пища. Съ начала ноября наступаетъ долгая сѣверная ночь. До Срѣтенія (февраля 2) на Грумантѣ совершенно не видятъ свѣта. Въ это зимнее время, если нѣтъ вѣтру, погода довольно тепла и свѣтъ луны и звѣздъ не заслоненъ облаками, — охотники промышляютъ песцовъ. По берегамъ ручейковъ, текущихъ съ горъ въ океанъ, также въ губахъ и заливахъ, ставятъ западни, въ которыя кладутъ кусокъ мяса для приманки. Песцы, привлекаемые его запахомъ, набѣгаютъ въ губы во множествѣ и попадаютъ въ западни. Самые смѣлые изъ охотниковъ ходятъ зимою и за оленями; но нужна чрезвычайная ловкость, чтобы на лыжахъ слѣдить за лаемъ собакъ, по болѣе или менѣе неровному снѣжному пространству. При томъ охотники, какъ и ихъ собаки, сильно горячатся: оттого нерѣдко оба преслѣдователя находятъ себѣ могилу въ одной пропасти, незамѣтной на дорогѣ, въ вихрѣ крутящагося снѣга. Весьма часто собака, неразбирающая никакихъ преградъ, исчезаетъ въ безднѣ; охотникъ, удивленный ея прекратившимся лаемъ, старается поймать звуки лаявшей, будто бы не слышные ему за отдаленіемъ, при-

слушивается и бѣжитъ въ противоположную сторону, на отдаленный лай чужой собаки. Тутъ ему очень легко заблудиться. Иногда дуетъ такой сильный сѣверный вѣтеръ и подымается такая вьюга, что выйдти изъ избы невозможно. Тогда охотники по неволѣ должны проводить время въ смрадномъ, неопрятномъ станкѣ, освѣщаемомъ тусклымъ ночникомъ. Сонъ неодолимо клонитъ ихъ. Но нѣтъ ничего опаснѣе для грумантскихъ охотниковъ, какъ зимняя спячка. Она ведетъ къ цынгѣ, къ которой располагаютъ и холодъ, и бездѣйствіе, и духота избы. Чтобы разогнать дремоту, они заставляютъ другъ друга навязывать узлы на веревки и потомъ распутывать ихъ, спарывать съ полшубковъ овчинныя заплаты и опять нашивать, неослабно наблюдая, чтобы задача была окончена вся. Уточное число часовъ сна на Грумантѣ не болѣе пяти часовъ въ сутки.

Если охотникъ не могъ одолѣть спячки, то бѣда грозитъ ему. Товарищи его, замѣтя частый его сонъ, стараются пробудить въ больномъ угасшую дѣятельность. Одержимаго цынгою привязываютъ руками къ серединѣ довольно длинной жерди, за концы которой берутся четверо сильныхъ мужиковъ; держащіе жердь бѣгутъ, и несчастный больной съ страшными усиліями передвигаетъ ноги, опухшія отъ цынги, для того чтобы не тащиться за четырьмя здоровыми мужиками; не

рѣдко подобныхъ несчастныхъ , привязанныхъ руками къ жерди, тянуть волочмя. Въ это время привязанный чувствуетъ ужасное страданіе; за одинъ часъ пріятнаго, но пагубнаго сна онъ готовъ отдать мучителямъ все. Во время этихъ спасительныхъ для него прогулокъ, онъ, сказываютъ, просить товарищей убить его однимъ разомъ, вмѣсто того, чтобы мучить этими медленными пытками. Послѣ двухъ-трехъ прогулокъ за жердью, онъ начинаетъ поправляться и уже просить товарищей не о смерти, а о продолженіи ихъ заботъ о немъ. Иногда они взводятъ одержимаго цынгою на высокій утесъ и бросаютъ его оттуда въ снѣгъ: несчастный, барахтаясь въ снѣгу, выбирается на дорогу и послѣ трехъ или четырехъ подобныхъ путешествій выздоравливаетъ.

Есть у Груманлановъ другой врагъ, впрочемъ менѣе страшный; это бѣлый медвѣдь или, какъ они его называютъ, ошкуй. Сильный запахъ оленьяго сала лакомитъ тонкое обоняніе бѣлыхъ медвѣдей, такъ что они позволяютъ себѣ толкать лапами въ хилыя двери избушекъ. Отогнать его можетъ только лай собакъ. Если же охотнику нужно выйдти изъ станка зимою, онъ всегда беретъ съ собой или собаку, или пукъ зажженной лучины, чего тоже боятся ошкуи. Эти животныя вредятъ также и промысламъ Груманлановъ, по-

хищая песцовъ, которые попали въ разставленныя охотниками ловушки.

Когда въ началѣ февраля мѣсяца солнечныя лучи снова проникнуть на Шпицбергенъ, самые смѣлые изъ промышленниковъ съ общемою молитвою отваливаютъ въ океанъ на корбасѣ за промыслами морскихъ животныхъ. Угловое судно ихъ вмѣщаетъ не болѣе двѣнадцати человѣкъ. Охотники не боятся отплывать отъ острова верстъ на пятьдесятъ, не смотря на то, что если подуетъ сильный противный вѣтеръ, то они лишатся жизни во время бури или будутъ затерты льдами. Плававшимъ такимъ образомъ случалось находить носимые по волнамъ океана, по близости Шпицбергена, корбасы, съ другими охотниками, окоченѣлыми отъ мороза. Выѣзжая въ океанъ, они запасаются пищей на недѣлю, хотя намѣреваются пробыть въ морѣ лишь одинъ день: мало ли куда можетъ занести ихъ непогода. Работа веслами одна отогрѣваетъ окоченѣвшіе ихъ члены.

Плавая около губъ, они стрѣляютъ моржей, морскихъ зайцевъ, нерпъ, а иногда бьютъ бѣлыхъ медвѣдей. Этотъ звѣрь весьма смѣлъ въ водѣ, тогда какъ на землѣ бѣжитъ отъ собачьяго лая и боится переступить слѣдъ охотничьей лыжи. Послѣ первой, ранившей его пули на водѣ, онъ направляетъ ходъ свой къ карбасу и — горе

охотникамъ, если они не успѣли уплыть отъ ошкуча: онъ опрокидываетъ лодку, наложивши лапу на бортъ ея.

Вотъ разнообразныя промыслы Груманлановъ. Въ половинѣ сентября, покидаютъ они островъ съ богатою добычею. Не всегда обратное плаваніе, какъ и плаваніе на Грумантъ, бываетъ имъ вполне спокойно. Случалось, что лодки погибали въ морѣ. Лѣтъ двадцать тому назадъ, нѣсколько человѣкъ крестьянъ Кемскаго уѣзда снарядили на свои деньги лодью и, нанявши охотниковъ, отправили за промыслами на Грумантъ. Охотники, не доплывя до острова какихъ-нибудь двухсотъ — трехсотъ верстъ, были затерты льдами. Они уже отчаявались въ своемъ спасеніи, какъ, къ счастью ихъ, огромная льдина противъ носа лодки съ громомъ разсѣлась и образовала щель, достаточную для того, чтобы проплыть лодьѣ. Охотники ободрились. Вѣтерокъ подувалъ съ юга, и лодья летѣла на вздутыхъ парусахъ, бороздя по временамъ ледяныя стѣны. Вдругъ полынья стала суживаться.... Мужички перепугались, забѣгали по лодьѣ: кто тащитъ дробовку съ порохомъ, кто мѣшокъ съ сухарями; вдругъ бока судна затрещали и прежде, чѣмъ всѣ сидѣвшіе въ немъ успѣли перескочить на льдину, большую крѣпкую лодью сплюснуло, какъ бумажную коробку. Льдина принесла спасшихся къ Шпицбергену, откуда

они воротились на твердую землю съ другими охотниками.

Если плаванье совершилось удачно, то Груманлане съ пѣснями входятъ въ архангельскую гавань. Съ молитвой они сходятъ на берегъ и спѣшать къ хозяину отдать отчетъ въ добычѣ. Шумные пиры заключаютъ ихъ странствованіе.

ОРАНГУТАНГЪ.

Ни одно изъ млекопитающихъ животныхъ не представляетъ, въ отношеніи формъ и строенія тѣла, такого близкаго сходства съ человѣкомъ, какъ орангутангъ, — одна изъ самыхъ крупныхъ породъ обезьянъ. Мозгъ его поразительно сходенъ съ мозгомъ человѣка, а сходство органовъ чувствъ наиболѣе приближаетъ его къ людямъ и по умственнымъ способностямъ или лучше сказать смышленности, которая у него, какъ и у всѣхъ прочихъ животныхъ, сильнѣе всего проявляется при добываніи пищи, при защитѣ или нападеніи на другихъ животныхъ. Эта смышленность и человѣкообразная наружность орангутанговъ были поводомъ къ разнымъ преувеличеніямъ. Даже новѣйшіе естествоиспытатели рассказывали объ нихъ, что они строятъ себѣ хижины, разводятъ огонь для варенія пищи и тому подобныя басни. Не удивительно послѣ этого, что полудикіе обитатели тѣхъ странъ, гдѣ онъ водится, думаютъ, что оран-

гутангъ (*), есть человѣкъ, который удаляется въ лѣса. Однакоже, какъ не велико на первый взглядъ сходство орангутанга съ человѣкомъ, при внимательномъ разсмотрѣннн этого животного, легко найти большую разницу между обоими. Ручныя кисти вмѣсто ногъ, тѣло, покрытое за исключеніемъ ладоней, ушей и части лица, шерстью, значительно выдающаяся передняя часть головы, длинный, къ низу приплюснутый носъ, узкія бедра и плоскія лядвеи, 13 реберъ, между тѣмъ, какъ у человѣка только 12, глубокія глазныя впадины, плоскій безъ всякаго возвышенія подбородокъ — все это доказываетъ существенное различіе между орангутангомъ и человѣкомъ. Но если бы орангутангъ имѣлъ еще болѣе сходства съ человѣкомъ, то и тогда ему не доставало бы двухъ главныхъ признаковъ человѣка — разума и дара слова.

Цвѣтъ орангутанга темно-коричневый, руки длиннѣе ногъ и очень походятъ на человѣческія. Благодаря этимъ длиннымъ рукамъ, онъ можетъ очень ловко лазить по деревьямъ и выдѣлывать самыя изумительныя акробатическія штуки. По ровной землѣ онъ ходитъ большею частію на четверенькахъ, а иногда на заднихъ лапахъ,

(*) Названіе орангутангъ, на языкѣ Малайцевъ, означаетъ лѣсной человѣкъ.

наклонивъ спину, подобно старику, опирающемуся на палку. Пища его состоитъ вообще изъ плодовъ, почекъ и молодыхъ листьевъ и только нужда заставляетъ его иногда питаться слизнями, лягушками и птичьими яйцами, крабами и нѣкоторыми другими черепокожными животными, собираемыми имъ на морскомъ берегу; живетъ онъ на вершинахъ высокихъ деревьевъ, гдѣ онъ безопасенъ отъ преслѣдованія всѣхъ хищныхъ животныхъ, за исключеніемъ змѣй. Жилище орангутанги состоитъ изъ густо переплетенныхъ древесныхъ вѣтвей, не пропускающихъ солнечныхъ лучей; отечество его въ первобытныхъ тропическихъ лѣсахъ, а именно на Сондскихъ островахъ — Борнео и Суматрѣ.

Онъ любитъ жить преимущественно въ лѣсахъ ровныхъ, болотистыхъ, высокоствольныхъ, гдѣ во всякое время можно найти тѣнь; поэтому его можно встрѣтить чаще всего въ восточной сторонѣ Суматры и только изрѣдка въ глубокихъ долинахъ горъ, на восточномъ берегу моря. Обитатели Индрапутры рассказываютъ, что они очень давно встрѣтили однажды въ густомъ лѣсу, неподалеку отъ морскаго берега, маленькаго дикаго человѣка, который былъ весь покрытъ волосами и не имѣлъ способности говорить; подобное же животное, ростомъ гораздо болѣе человѣка, было убито въ 1828 г. жителями Падана, лежащаго къ сѣверу отъ Табанули. Малайцы въ западной части Сума-

тры имѣютъ превратное понятіе объ орангутангѣ: они рассказываютъ множество нелѣпыхъ басенъ объ его силѣ и величинѣ и смѣшиваютъ его съ животнымъ, которое произвела ихъ фантазія и которое, по ихъ понятіямъ, состоитъ изъ человѣка и звѣря.

Ближе знакомы съ орангутангомъ жители Борнео, потому что, за исключеніемъ гористыхъ мѣстностей, онъ водится во всѣхъ низменныхъ и необитаемыхъ лѣсахъ острова, въ особенности на западномъ и югозападномъ берегахъ, покрытыхъ непроходимыми и часто затопляемыми лѣсами. Живущіе въ этой части острова, по берегамъ рѣкъ, немногочисленные жители не заботятся о пустынныхъ мѣстностяхъ внутри острова и почти никогда не переходятъ чрезъ границы своихъ плантацій. Въ этихъ пустыняхъ, гдѣ, можетъ быть, еще никогда не бывала человѣческая нога, водятся, вѣроятно, многочисленные орангутанги, такъ что счастливый охотникъ можетъ, въ продолженіи дня, застрѣлить отъ трехъ до четырехъ.

Въ естественномъ состояніи орангутангъ очень дикъ, но будучи пойманъ молодымъ, скоро привыкаетъ къ человѣку и чувствуетъ къ нему привязанность. Они любятъ общество, не охотно остаются одни и терпѣть не могутъ, что бы ихъ запирали въ клѣтку. Живя между людьми, орангутанги скоро выучиваются многому: перенимаютъ за столомъ умѣнье

обращаться съ ложками, ножами, вилками и стаканами, научаются отворять двери, вытирать пыль со столовъ, подавать платье, развязывать узлы и т. д. Извѣстенъ примѣръ молодого орангутанга, который подавалъ офицерамъ корабля кофе, прислуживалъ имъ, по командѣ взбирался, вмѣстѣ съ матросами, на мачты и помогалъ мыть палубу. Съ лѣтами животная природа беретъ снова верхъ, — они становятся дики и злы и приходятъ въ ярость, часто безъ всякой видимой причины. Несмотря на свою силу, орангутангъ довольно трусливъ и рѣдко защищается отъ нападающаго человѣка; большею частію, въ этомъ случаѣ, онъ старается укрыться на вершинѣ дерева, и если въ него выстрѣлятъ, то онъ приходитъ въ сильный ужасъ.

Даяки рассказываютъ, напротивъ, что будучи раненъ стрѣлою, онъ приходитъ въ ярость, слѣзаетъ съ дерева и бросается на охотника, который ищетъ обыкновенно спасенія въ бѣгствѣ, потому что въ противномъ случаѣ онъ подвергается неминуемой смерти. Старые самцы живутъ уединенно, самки же вмѣстѣ съ своими дѣтенышами, которыхъ воспитываютъ съ особенною заботливостію и защищаютъ, въ случаѣ опасности, съ рѣдкимъ самоотверженіемъ. Извѣстно, что у всѣхъ обезьянъ любовь къ дѣтямъ чрезвычайно развита.

Какъ самцы, такъ и самки орангутанго въ одина-

ково лѣнны и не обнаруживаютъ той неутомимой дѣятельности, которая вообще свойственна породѣ обезьянъ. Только голодь можетъ возбудить ихъ дѣятельность; но, утоливъ его, они снова погружаются въ лѣнное бездѣйствіе. Такимъ образомъ орангутангъ, согнувшись, съ наклоненной головой, устремивъ взглядъ внизъ, сидитъ по цѣлымъ часамъ неподвижно гдѣ-нибудь на сучкѣ, свѣсивъ руки внизъ или протянувъ ихъ на сосѣднюю вѣтвь. Перемѣнять мѣсто онъ обыкновенно не любитъ, и только въ полдень спускается съ вершины дерева и отправляется въ густой, болотистый кустарникъ или въ тростникъ, которымъ такъ изобилуетъ внутренность острова Борнео, и гдѣ онъ находится въ совершенной безопасности отъ преслѣдованія охотника. Ночи орангутанги проводятъ большею частію на вершинахъ густо покрытыхъ листьями и малолетнихъ деревьевъ, охотнѣе всего на панданыхъ и тому подобныхъ деревьяхъ, или располагаются на переплетенныхъ, на подобіе сѣтки, ползучихъ растеніяхъ, которыя во множествѣ вьются около большихъ деревьевъ на островѣ Борнео и придаютъ тамошнимъ лѣсамъ невыразимую прелесть. Выбравъ себѣ мѣсто для ночлега, орангутангъ устраиваетъ родъ гнѣзда, сгибая и переплетая сперва ближайшія вѣтви дерева, а потомъ кладя на нихъ крестообразно маленькія; наконецъ, что

бы сдѣлать постель свою мягкою, онъ устилаетъ гнѣздо листьями липы, пандана или большихъ папоротниковъ. Въ дождливое или холодное время онъ и самъ покрывается этими листьями, стараясь въ особенности тщательно укрыть свою голову (*).

Въ этомъ гнѣздѣ проводитъ онъ не только всю ночь, но и большую часть утра, и оставляетъ его, по увѣренію туземцевъ, не ранѣе 9 часовъ, когда утренній туманъ уже разсѣется и солнце стоитъ довольно высоко. Эта чувствительность къ холоду, вѣроятно, бываетъ причиною того, что орангутангъ никогда не устраиваетъ себѣ ночлега на высокихъ деревьяхъ, но всегда не выше 25 футовъ отъ земли, часто даже только на половинѣ этой высоты.

Охотники изъ племени Даяковъ предпочитаютъ охоту на орангутанга утромъ, потому что они увѣрены, что застанутъ животное спящимъ и безъ труда могутъ убить его. Впрочемъ, въ этомъ

(*) Въ прошедшемъ столѣтіи жилъ въ Паринѣ ручной орангутангъ, который употреблялъ пищу какъ человѣкъ, вытиралъ послѣ обѣда губы, употреблялъ зубочистку и т. п. Съ особеннымъ стараніемъ онъ приготовлялъ себѣ постель: для этого онъ встряхивалъ, нѣсколько разъ, находившееся у него въ клѣткѣ сѣно, складывалъ большую часть въ изголовье и даже устраивалъ себѣ настоящую подушку, увязывая сѣно въ кусокъ холста. Вѣроятно, все это онъ перенялъ у матросовъ. Въ постели онъ весь завертывался въ одѣяло, потому что былъ очень чувствителенъ къ холоду, а иногда повязывалъ себѣ голову платкомъ, какъ будто отъ головной боли.

убѣжищѣ его очень трудно отыскать, потому что обыкновенно онъ лежитъ, съѣжившись, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ, по величинѣ своего тѣла, онъ едва можетъ умѣститься.

Но орангутангу трудно укрыться отъ преслѣдованія искуснаго охотника. когда онъ уже потревоженъ изъ гнѣзда и принужденъ спастись на вершинахъ деревьевъ. У него вовсе нѣтъ того проворства и смѣлости въ прыжкахъ, которыми отличаются другія породы обезьянъ, съ неимоверною легкостію взбирающіяся на самыя слабыя вѣтви. Эта неповоротливость орангутанга происходитъ частію отъ его величины и тяжести, въ особенности же отъ недостатка цѣпкаго хвоста. Зная, какъ опасна для его тяжелаго тѣла быстрота движеній, орангутангъ не ускоряетъ ихъ даже во время самого жаркаго преслѣдованія. Если онъ принужденъ перейти съ одного дерева на другое, то онъ непременно сначала отыщетъ такое мѣсто, гдѣ вѣтви обоихъ деревьевъ находятся какъ можно ближе одна къ другой; потомъ, вытянувъ свое тѣло, начинаетъ потихоньку взбираться на одну изъ нихъ, осторожно пробуетъ ея крѣпость, старается, раскачивая ее въ разныя стороны, зацѣпить за вѣтви ближайшаго дерева и устроить такимъ образомъ родъ моста. По землѣ ему бѣжать еще труднѣе, потому что движенія его не скорѣе обыкновенной человѣче-

ской походки. Ходъ его замедляется непомѣрно длинными руками, которыя необходимы ему, впрочемъ, для того, чтобы доставать плоды съ вѣтвей, на которыя онъ, по тяжести своего тѣла, не можетъ взобраться. Орангутангъ только въ случаѣ нужды прибѣгаетъ къ животной пищѣ, — вообще же онъ питается сочными древесными плодами; это доказывается тѣмъ, что когда плоды уже созрѣли, то онъ отправляется отыскивать ихъ въ различныхъ мѣстностяхъ острова: такимъ образомъ онъ появляется напр. въ южной сторонѣ острова Борнео, на правомъ берегу Дузона, гдѣ въ другое время вовсе не водится орангутанговъ, въ апрѣлѣ или маѣ мѣсяцахъ, когда здѣсь созрѣваютъ плоды фиговаго дерева, составляющіе любимую пищу обезьянъ.

Нѣкоторыя племена Даяковъ особенно любятъ мясо обезьянъ и потому часто охотятся за орангутангами. Эти постоянныя преслѣдованія сдѣлали то, что орангутанги почти совершенно исчезли изъ сколько-нибудь населенныхъ мѣстностей и охотники принуждены искать ихъ въ пустынѣ, гдѣ ихъ скорѣе всего можно встрѣтить по берегамъ рѣкъ.

Туземцы употребляютъ для этой охоты деревянные духовыя трубки, длиною отъ 5 до 6 футовъ, изъ которыхъ они умѣютъ съ большою

силою пускать маленькія стрѣлы, попадая ими на разстояніе 30-ти шаговъ, а иногда и далѣе. Такія стрѣлы, называемыя «дамекъ», охотникъ носитъ съ собою, въ большомъ количествѣ, въ колчанѣ изъ бамбуковаго тростника, прикрѣпленномъ сзади крючкомъ, а съ боковъ у пояса.

Духовая трубка служитъ ему въ тоже время копьемъ, потому что на переднемъ концѣ ея приделано заостренное желѣзо, длиною въ одинъ футъ. Для намазыванія стрѣлъ употребляется двухъ родовъ ядъ: одинъ, называемый «сиренъ», а другой — «ипу». Первый не оказываетъ сильнаго дѣйствія и добывается изъ соку одного высокаго дерева, которое, по свойству своему, похоже на извѣстное своею ядовитостію дерево богонъ-упасъ и встрѣчается только внутри острова Борнео. «Ипу», напротивъ, получается изъ коры и листьевъ вьющагося растенія, очень часто попадающагося на морскомъ берегу. Въ южной части Борнео, какъ на охотѣ, такъ и на войнѣ, употребляютъ преимущественно ядъ ипу. Быстрота, съ которою дѣйствуетъ этотъ ядъ на орангутанга, зависитъ отъ многихъ постороннихъ обстоятельствъ, напр. отъ числа стрѣлъ, попавшихъ въ него, отъ степени углубленія ихъ въ тѣло, а также отъ возраста, величины и пола животнаго. Если стрѣла достаточно проникла въ тѣло и если

ядъ, которымъ она намазана, свѣжій и хорошо приготовленъ, то черезъ полчаса, послѣ нанесенія раны, животное падаетъ въ сильнѣйшихъ конвульсiяхъ на землю, если по близости нѣтъ дерева, къ которому оно могло бы прислониться, что обыкновенно дѣлаетъ оно всякій разъ, когда почувствуетъ себя нездоровымъ. Случается, что раненая нѣсколькими стрѣлами обезьяна виситъ въ продолженiи цѣлаго дня на деревѣ, если конвульсiи не такъ сильны, чтобы прекратить мученiя животнаго.

Если орангутангъ раненъ стрѣлой, дробью или ружейной пулей, даже хотя и смертельно, но можетъ еще двигаться, то онъ собираетъ послѣднiя силы для того, чтобы влѣзть на верхушку самого высокаго дерева и, взобравшись на нее, старается перелѣзть оттуда на сосѣднее. Влѣзая на дерево, онъ испускаетъ особеннаго рода крикъ, который вначалѣ состоитъ изъ рѣзкихъ звуковъ, а потомъ переходитъ въ громкое рыканiе, напоминающее ревъ пантеры. Оттуда смотритъ онъ, оскаливъ зубы, на преслѣдующаго охотника, вѣроятно съ цѣлю испугать его. Иногда прибѣгаетъ онъ и къ другому средству: отламываетъ вѣтвь, толщиною въ руку; но вмѣсто того, чтобы съ размаху пустить ее въ голову охотника, какъ рассказывали древнiе и новѣйшiе писатели, орангутангъ опускаетъ ее вертикально на землю. Не только Даяки

острова Борнео, но также и вообще все обитатели Сондских островов знают эту привычку орангутанга и увѣряютъ, что она вовсе не опасна для человѣка, если только не стоять отвѣсно подъ разъяреннымъ животнымъ.

Какъ только раненый орангутангъ испуститъ дыханіе и упадетъ съ дерева, охотникъ тотчасъ вырѣзаетъ ту часть мяса, которая пропитана ядомъ, послѣ чего уже остальное мясо употребляютъ въ пищу безъ всякаго опасенія. Жиръ, находимый въ большомъ количествѣ у взрослыхъ самцовъ, туземцы вырѣзываютъ и употребляютъ въ послѣдствіи для приправы кушаньевъ. Мясо орангутанга ѣдятъ свѣжее или сушеное, а изъ шкуры дѣлаютъ родъ куртки безъ рукавовъ или шьютъ шапки, которыя они надѣваютъ въ походахъ противъ непріятеля, чтобы придать себѣ страшный видъ, или маскируются въ нихъ во время празднествъ. Хотя мясо орангутанга бѣлое и нѣжное, но нѣсколько сладковатый вкусъ его возбуждаетъ отвращеніе не только у европейцевъ, но даже и у нѣкоторыхъ туземцевъ, не привыкшихъ къ этого рода пицѣ.

Если Даяки встрѣчаютъ самку орангутанга съ дѣтенышами, то они убиваютъ ее стрѣлами, а дѣтей берутъ живыхъ и воспитываютъ у себя, давая имъ въ кормъ вареный рисъ, бананы и разные плоды.

Воспитаніе этихъ дѣтей удается вполнѣ только тогда, когда будетъ обращено особенное вниманіе на выборъ ихъ пищи, потому что они очень любятъ все сладкое и часто имъ объѣдаются; впрочемъ, молодые орангутанги скоро привыкають ко всякому кушанью, ѣдятъ жареное мясо, пряности и пьютъ вино, до которого они особенно охотники. По причинѣ склонности къ лакомству, орангутангъ недолго можетъ жить въ неволѣ, въ особенности же еще и потому, что легко подвергается простудѣ и вообще очень чувствителенъ къ переѣнамъ температуры. Почти всѣ орангутанги, перевезенные въ Европу, умирають отъ грудныхъ болѣзней, преимущественно отъ бугорчатой чахотки.

НЕАПОЛЬ ВЪ ПОЛОВИНѢ ХУІІ ВѢКА.

(Статья вторая и послѣдняя).

Бѣдный рыбакъ, возвысившійся изъ ничтожества, не былъ въ состояніи пользоваться своею властью умѣренно и благоразумно; уже первый день своего управленія онъ ознаменовалъ излишнею жестокостію, съ которою преслѣдовалъ проступки. Укрывавшіеся еще въ городѣ бандиты были отысканы и преданы казни; нѣсколько матросовъ, схваченныхъ на подозрительной баркѣ, подвергнулись той же участи, а нѣкоторые изъ приверженцевъ Масаниелло, позволившіе себѣ безчинства въ женскомъ монастырѣ, по приказанію его, были повѣшены. Грозный властитель народа произносилъ свои приговоры изъ окна своего дома, въ которомъ его видѣли съ ружьемъ въ рукахъ и зажженнымъ фитилемъ. Онъ обнаружилъ крайнюю ненависть противъ Маддалони; портретъ герцога, обезображенный рукою Масаниелло, съ безчестіемъ былъ выставленъ на пло-

щади. Вообще всѣ распоряженія, сдѣланныя Масаниелло въ первый день его управленія, были совершены подъ вліяніемъ того нравственного состоянія, въ которомъ человѣкъ находится въ минуты душевной борьбы, когда страсти берутъ перевѣсъ надъ здравымъ разсудкомъ.

Мѣстомъ для принесенія торжественной клятвы назначили одну изъ лучшихъ церквей Неаполя; ее украсили съ роскошью, приличною столь торжественному случаю. Толпы народа съ утра наполняли улицы и мѣста, ближайшія къ церкви. Герцогъ Аркосскій долго не рѣшался отправиться въ церковь, но услышавъ восклицанія: да здравствуетъ король Испаніи и герцогъ Аркосскій! ободрился, и выѣхалъ изъ своего дворца, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ дворянъ и важнѣйшихъ сановниковъ.

Масаниелло въ богатомъ костюмѣ ожидалъ его въ главныхъ дверяхъ церкви. Онъ почтительно помогъ герцогу слѣзть съ лошади и ввелъ его въ церковь, гдѣ архіепископъ неаполитанскій — прімазь королевства, поднесъ имъ обоимъ святую воду. Архіепископъ встрѣтилъ ихъ въ главномъ притворѣ и потомъ отвелъ на клиросъ, гдѣ самъ занялъ мѣсто подъ балдахиномъ; справа около него помѣстился Масаниелло, а слѣва герцогъ Аркосскій съ своею свитою.

Послѣ богослуженія, государственннй секретарь,

приблизившись къ вице-королю, началъ читать условія мирнаго договора. Когда всѣ присутствовавшіе слушали со вниманіемъ, Масаніелло нѣсколько разъ перебивалъ секретаря, объясняя прочитанныя статьи, и своею восторженностію удивилъ всѣхъ, находившихся въ церкви. Онъ вдругъ впалъ въ какое-то тревожное состояніе, — то поспѣшно говорилъ архіепископу, то обращался съ приказаніями къ герцогу Аркосскому и своими поступками привелъ въ безпокойство и недоумѣніе всѣхъ присутствовавшихъ; несмотря на нѣкоторое замѣшательство, произведенное поведеніемъ Масаніелло, вице-король не замедлилъ принести присягу. Онъ подошелъ къ алтарю, на которомъ лежало Евангеліе, и среди водворившейся тишины, произнесъ громко: «клянусь ненарушимо соблюдать условія мирнаго договора и обязуюсь ходатайствовать о подтвержденіи ихъ королемъ.»

При этихъ словахъ всѣ присутствовавшіе пришли въ восторгъ, — имъ казалось, что кончились всѣ недоумѣнія и безпокойства, и что наступила пора всеобщаго мира; но Масаніелло неожиданно уничтожилъ это радостное впечатлѣніе и своею рѣчью и поступками привелъ всѣхъ въ замѣшательство. Онъ вышелъ на средину клироса въ сильномъ водненіи; грудь его тяжело вздымалась, глаза горѣли, лице приняло странное выраженіе радости и безпокойства; знаками онъ старался

объяснить народу, что желаетъ говорить къ нему. Сказанная имъ рѣчь возбудила всеобщее недоумѣніе: въ ней Масаніелло напоминалъ народу, что спасъ его отъ угнетеній при помощи Всевышняго, Который отвратилъ отъ него удары убійць; потомъ онъ говорилъ, что намѣренъ удержать ввѣренную ему власть, пока не упрочитъ спокойствіе и благосостояніе народа; послѣ того сталъ горько сожалѣть о прежнемъ своемъ безъ-извѣстномъ состояніи, когда въ простомъ рыбацьемъ платьѣ онъ былъ счастливѣе, чѣмъ въ великолѣпномъ костюмѣ предводителя народа. «Нѣтъ, нѣтъ, — повторялъ онъ, обращаясь къ архіепископу, — это одѣяніе не идетъ рыбаку...» Тутъ онъ остановился, сталъ громко рыдать, рвать на себѣ платье и бросился къ ногамъ архіепископа, умоляя его возвратить ему свободу и прежнее его состояніе.

Всѣ присутствовавшіе были поражены этою сценою. Архіепископъ молилъ Всевышняго сжалиться надъ бѣднякомъ, и Масаніелло, нѣсколько успокоившись, былъ увлеченъ изъ церкви толпою народа.

Во время описанной сцены, Масаніелло обнаружилъ первые признаки умственного разстройства, которое было результатомъ послѣднихъ происшествій. Быстрыйъ переходъ отъ неизвѣстности къ могуществу, отъ жизни мирной къ бурной

дѣятельности не могъ не подѣйствовать разрушительно на умственные способности рыбака. Тревожное и напряженное состояніе духа, дни, проведенные почти безъ сна и пищи, быстрая смѣна однихъ чувствъ другими, — то радость, то безпокойство разстроили правильный ходъ его умственныхъ силъ. Онъ впалъ въ помѣшательство.

Вечеръ того же дня, когда состоялся мирный договоръ, положено было окончить пиршествомъ и забавами; по приказанію вице-короля, для Масаніелло и его друзей былъ приготовленъ роскошный пиръ въ красивыхъ рощахъ, расположенныхъ при подошвѣ Позилиппо, въ виду Неаполитанскаго залива. Масаніелло разсердился, узнавши, что архіепископъ и вице-король не будутъ присутствовать на пиру, и настаивалъ, чтобы они также приняли въ немъ участіе. Архіепископъ отказался, ссылаясь на свой духовный санъ. Тогда Масаніелло отправился приглашать вице-короля. Онъ вышелъ изъ дому безъ шляпы, шпаги, съ раскрытою грудью и въ разорванномъ платьѣ; на одной ногѣ не было обуви; рѣчь его была безсвязна: онъ говорилъ, что умираетъ съ голоду и желаетъ раздѣлить трапезу съ вице-королемъ; но тотъ успѣлъ отказаться, подъ предлогомъ сильной головной боли. Герцогъ предложилъ Масаніелло для переѣзда на мѣсто пира свою раззолоченную барку, которую наполнили

разными припасами. Масаниелло съѣлъ въ нее, вмѣстѣ съ своимъ братомъ Марко Витале и нѣкоторыми изъ друзей; за его баркою двинулось множество лодокъ, наполненныхъ народомъ и музыкантами.

Быстро подвигалась небольшая флотилія по заливу, освѣщенному послѣдними лучами заходящаго солнца; звуки веселой музыки и пѣсень сливались съ радостными восклицаніями народа, покрывавшаго берега залива. Масаниелло, изнуренный напряженною дѣятельностью, находился въ крайнемъ истощеніи силъ. Онъ съ жадностію кинулся на съѣстные припасы, положенные въ его баркѣ, и пожиралъ ихъ съ какимъ-то лихорадочнымъ аппетитомъ. Разгоряченный виномъ, онъ снова впалъ въ припадокъ безумія, подъ вліяніемъ котораго велѣлъ разграбить часовню *Pie di Grotta*, гдѣ аристократы спрятали свои сокровища; съ палубы онъ кидалъ въ воду деньги и смотрѣлъ, какъ водолазы бросались въ воду за опускавшимися на дно монетами. Въ два часа ночи, съ набережной *Marinella* видна была возвращавшаяся барка, — въ ней сидѣлъ Масаниелло; онъ не могъ дожидаться, когда она причалитъ и кинулся въ воду во всемъ одѣяніи. Онъ вплавъ достигнулъ берега и бросился бѣжать домой.

Въ городѣ стали носиться объ немъ разные слухи; говорили, что онъ подалъ просьбу объ

отставкѣ и хочетъ отказаться отъ ввѣренной ему власти; различно объясняли его намѣреніе, — какъ вдругъ снова увидѣли Масаниелло. Онъ ѣхалъ по площади верхомъ, съ обнаженнымъ мечемъ въ рукахъ и въ сопровожденіи своихъ приверженцевъ. Никто не могъ узнать въ немъ прежняго рыбака: рѣчь его была сбивчива и безсвязна; онъ то отдавалъ приказанія, то отмѣнялъ ихъ; то быстро скакалъ впередъ, угрожая задавить не скоро посторонявшихся съ дороги, то останавливался неподвижно, какъ бы озабоченный какою-то мыслію.

Никто не смѣлъ къ нему приблизиться; напрасно Арпая и Женовино старались его образумить, — одному онъ далъ пощечину, а другаго ударилъ хлыстомъ, сказавши: «я властитель міра, а мнѣ не повинуются.» Два знатные аристократа проѣзжали въ это время въ коляскѣ. Масаниелло остановилъ ихъ и велѣлъ имъ цѣловать себѣ ноги. Толпа народа съ недоумѣніемъ смотрѣла на помѣшавшагося рыбака. Одни сожалѣли о немъ, а другіе, едва не раздавленные его лошады, громко роптали и бросили въ него нѣсколько камней.

Признаки народного негодованія привели Масаниелло на нѣкоторое время къ сознанію. Онъ прибылъ на площадь и обратился къ народу.

«О, народъ мой, — говорилъ онъ, — часть неблагодарности твоей наступилъ для тебя, а для меня

— часть смерти. Такъ вотъ награда за мои услуги?» Потомъ, раскрывъ грудь и обнаживъ свои ноги, онъ продолжалъ: «смотрите, чѣмъ сдѣлался я для васъ; на мнѣ остались только кожа да кости. Внутренній огонь пожираетъ меня; я пью и не могу утолить жажды, которая меня томитъ, а вы хотите убить меня! О, вы не знаете, что ожидаетъ васъ; смерть моя — это ваша погибель; васъ всѣ обманываютъ, — это послѣдняя моя мысль, мысль умирающаго; завтра уже не будетъ меня, нѣкоторые покушались на жизнь освободителя Неаполя, и вы смотрите на это равнодушно!»

Рѣчь Масаниелло привела народъ въ восторгъ; толпа окружила его, привѣтствовала радостными восклицаніями и клялась въ безпредѣльной преданности; но бѣднякъ не могъ болѣе воспользоваться этимъ расположеніемъ народа, — даже приверженцы Масаниелло начинали мало по малу отъ него отставать. Жестокость и своеволие рыбака во время припадковъ безумія удаляли ихъ отъ него; чтобы развлечь больнаго, а можетъ быть и довершить его погибель, еще разъ друзья Масаниелло повезли его на пирушку въ Позилиппо, — тамъ онъ предался той же невоздержности, какъ и прежде. Возвратившись въ городъ, Масаниелло сталъ угрожать, что отрубитъ голову вице-королю, хотѣлъ даже зажечь городъ, въ наказаніе за его неблагодарность и съ обнаженною шпагою

кидался на собравшіяся около него народъ; съ трудомъ друзья успѣли удержать помѣшавшагося рыбака и силою отвели его домой.

Долго толпы народа стояли около дома Масаніелло: одни изъ сочувствія къ несчастному и съ намѣреніемъ защитить его, другіе въ ожиданіи услышать вѣсть о его смерти. Говорятъ, что въ полночь Масаніелло отворилъ окно и, зажегши четыре факела, бросилъ ихъ народу, пораженному его словами: «о, народъ мой! я уже не существую; еще нѣсколько часовъ, и я погибну!» и дѣйствительно въ это время была уже рѣшена участь Масаніелло. Друзья и недруги рыбака приготавливали ему гибель. Между самими приверженцами Масаніелло были люди, завидовавшіе его возвышенію и вліянію на народъ. Когда Масаніелло впалъ въ помѣшательство, то они соглашались заключить его въ крѣпость и держать въ заточеніи, пока не возстановится его здоровье. Герцогъ Аркосскій думалъ иначе: онъ рѣшился нанести Масаніелло смертельный ударъ и поражая главу народа, надѣялся поразить и народное возстаніе; ему не трудно было найти исполнителей своего намѣренія въ самомъ народѣ.

Трое убійць, подкупленные герцогомъ, согласились лишить жизни помѣшавшагося рыбака.

Наступило 16 іюля, день празднества въ честь Кармелитской Божіей Матери. Торжество, къ ко-

торому народъ приготовлялся пятнадцать дней назадъ такъ весело и беззаботно, кончилось самою трагическою развязкою. Жители Неаполя, радостно встрѣчавшіе празднество этаго дня въ прежніе годы, не показывали на этотъ разъ обычной веселости; надъ всѣми тяготѣло какое-то мрачное предчувствіе, и глубокое уныніе замѣтно было на лицахъ печальныхъ жителей, пораженныхъ безотчетнымъ ужасомъ. Хотя вице-король снова подтвердилъ недавно заключенный договоръ, но испанскіе солдаты, поставленные имъ въ разныхъ мѣстахъ города, заставляли народъ сомнѣваться въ его чистосердечіи. Вооруженные жители заняли, подъ начальствомъ своихъ предводителей, назначенныя имъ позиціи, но, пораженные общимъ уныніемъ, не показывали прежней рѣшимости и твердости. Толпы народа бродили по улицамъ и бозотчетно стремились на рыночную площадь, — между ними не было ни согласія, ни единодушія; различныя чувства и мысли замѣтны были въ движеніи и поступкахъ народа. Одни хотѣли упрочить во чтобы ни стало прибрѣтенныя выгоды, другіе готовы были отъ нихъ отказаться, лишь бы возстановить порядокъ и спокойствіе въ городѣ.

Смерть одного изъ приближенныхъ Масаниелло была предвѣстіемъ той кровавой развязки, которая совершилась въ этотъ день. Марко Витале,

секретарь Масаниелло, молодой и отважный человекъ, былъ задержанъ наканунѣ во дворцѣ. Освобожденный поутру, онъ, проходя по улицѣ, увидѣлъ стоявшій отрядъ испанскихъ солдатъ. Марко Витале спросилъ у капитана, съ какою цѣлю собрались солдаты и, получивъ неудовлетворительный отвѣтъ, съ гнѣвомъ замѣтилъ капитану, что онъ отвѣтитъ за это своею головою; но едва самъ онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ капитанъ поразилъ его шпагою, а одинъ изъ солдатъ выстрѣлилъ въ него, и Марко Витале палъ мертвымъ, пораженный двумя ударами.

Около полудня прибылъ на рыночную площадь архіепископъ, для совершенія литургіи въ Кармелитской церкви. Вскорѣ вышелъ изъ дому и Масаниелло. Онъ несъ въ рукахъ бумагу и спокойно прошелъ чрезъ толпы народа, погруженнаго въ мрачное молчаніе. Приблизившись къ архіепископу, Масаниелло подалъ ему просьбу объ отставкѣ, умоляя передать ее вице-королю. «Самъ я, — говорилъ онъ, — желаю умереть въ церкви Божіей Матери.»

Филомарино обнялъ его, вошелъ съ нимъ въ церковь и успокоилъ его, обѣщая исполнить его просьбу; но едва архіепископъ вступилъ въ ризницу, чтобы облачиться, какъ Масаниелло схватилъ роспятіе и вошелъ съ нимъ на кафедру.

«О, народъ мой, — сказалъ онъ, — именемъ Искупителя умоляю тебя, спаси твоего бѣднаго Масаніелло; развѣ для того Небо доселѣ покровительствовало моему предпріятію, чтобы мнѣ погибнуть отъ руки убійць? Развѣ за то, что я изгналъ аристократовъ, — товарищъ, братъ поднимаетъ руку на своего брата! потому что отъ тебя, народъ мой, я приму смерть! но я прощаю тебѣ, я благословляю тебя, если смерть моя можетъ упрочить твое благоденствіе. Жертва необходима, чтобы искупить всю пролитую кровь. О, Божія Матерь, я великій грѣшникъ; прими меня жертвою для спасенія этаго бѣднаго народа! Архіепископъ, приди выслушать послѣднюю исповѣдь умирающаго; пусть всякій, подобно мнѣ, откроетъ свою душу предъ Богомъ. О, я не одинъ здѣсь грѣшникъ!»

Масаніелло болѣе и болѣе воодушевлялся, и по мѣрѣ увлеченія, рѣчь его становилась все безсвязнѣе. Онъ впалъ въ припадокъ безумія. Архіепископъ, при помощи монаховъ, успѣлъ свести его съ каѳедры и отправить въ одну изъ монастырскихъ келій.

Божественная служба кончилась, и архіепископъ удалился изъ церкви, но толпы народа, по невольному влеченію, оставались въ ней, когда трое убійць Каттанео, Ардицоне и Рама, въ сопровожденіи вооруженныхъ людей, вошли въ цер-

ковъ. «Да здравствуетъ король, — кричали они, — смерть друзьямъ Масаниелло!» Въ толпѣ народа, нѣкогда смѣло истребившей бандитовъ, не нашлось теперь ни одного человѣка, который осмѣлился бы возстать противъ убійць. Послѣдніе вломились въ ризницу и монастырь, откуда всѣ монахи разбѣжались.

Въ это время въ дверяхъ одной келіи появился Масаниелло. Онъ былъ блѣденъ, но лицо его было спокойно и на губахъ замѣтна улыбка.

«Мой возлюбленный народъ, — говорилъ онъ, — ты ищешь меня; вотъ я!» Убійцы выстрѣлили въ него, и Масаниелло палъ мертвымъ. «Предатели, неблагодарные!» были послѣдніе его слова. Одинъ мясникъ отрубилъ ему голову, а Каттанео взялъ ее за волосы и понесъ вице-королю. Другіе убійцы подняли трупъ Масаниелло и положили его предъ церковью; но вскорѣ нѣкоторые лазароны, овладѣвъ имъ, повлекли его по городу, среди ругательствъ и насмѣшекъ. Едва совершилось это убійство, какъ увидѣли вице-короля, выѣхавшаго изъ дворца въ сопровожденіи своей свиты. Онъ отправился въ главный соборъ, чтобы принести благодареніе Богу за счастливое окончаніе своего плана. Во время проѣзда его по улицамъ, толпы народа привѣтствовали его радостными восклицаніями.

На другой день послѣ смерти Масаниелло, толпа

народа, равнодушная при видѣ его гибели, предалась горькому раскаянію и сожалѣнію о потерѣ своего предводителя. Смерть Масаниелло была тѣмъ чувствительнѣе, что хлѣбъ стали продавать въ Неаполѣ по той же цѣнѣ, какъ было до его распоряженій. Неудовольствіе народа, возбужденное дороговизною хлѣба, усилилось распространившимся слухомъ, что вскорѣ будутъ возобновлены всѣ прежніе налоги на жизненные припасы. Народъ снова начиналъ шумѣть на площади, и въ толпѣ его раздавались грозные крики: смерть убійцамъ!

Неудовольствіе народа готово было разразиться новымъ возстаніемъ, и только мысль о Масаниелло на нѣкоторое время отвратила отъ него народъ. Когда сожалѣніе о погибшемъ рыбацкѣ сдѣлалось всеобщимъ, то всѣ жители Неаполя требовали, чтобы сдѣланы были ему торжественные похороны. Трупъ Масаниелло, валявшійся у воротъ Nolane, былъ поднятъ и голова вынута изъ грязнаго рва; народъ торжественно перенесъ ихъ на рыночную площадь; отрубленная голова была приложена къ туловищу, и тѣло рыбака, одѣтое въ платье генераль-капитана, было положено на великолѣпномъ катафалкѣ и выставлено въ церкви Кармелитской Божіей Матери.

Толпы народа цѣлый день тѣснились въ церкви, чтобы въ послѣдній разъ взглянуть на брэн-

ные останки нѣкогда обожаемаго человѣка. Тѣ, которымъ удавалось пробраться до катафалка, цѣловали руку умершаго; другіе прикладывали четки къ губамъ его, считая Масаниелло мученикомъ; нѣкоторые, простившись съ тѣломъ, увѣряли, что видѣли, какъ голова снова приросла къ туловищу, и что все тѣло благоухало какимъ-то райскимъ благовоніемъ. Не было конца суевѣрной молвѣ: въ народѣ говорили, что будто бы голубь спустился съ неба и сѣлъ на тѣлѣ Масаниелло; что будто бы умершій рыбакъ качалъ головою, поднималъ руку и на устахъ его была видна неземная улыбка; нѣкоторые утверждали даже, что онъ говорилъ.

Вечеромъ тѣло было положено въ гробъ и съ большой церемоніей отнесено на кладбище. Гробъ, на крышкѣ котораго лежалъ лавровый вѣнокъ, жезлъ главнокомандующаго и обнаженный мечъ, несли на плечахъ восемь священниковъ. Торжественная процессія тянулась по главнымъ улицамъ города, при погребальномъ звонѣ колоколовъ; ее открывали вооруженные отряды, шедшіе впереди гроба; за ними тянулись толпы лаззарины, которые пѣли погребальный гимнъ: «Beato Masaniello, ora pro nobis». На дорогѣ, къ погребальной процессіи присоединялись монахи отъ духовныхъ корпорацій, а чиновники, аристократы и граждане должны были выходить изъ своихъ

домовъ, чтобы отдать послѣднюю дань уваженія погибшему рыбаку. Ночью, при свѣтѣ факеловъ, похоронная процессія поровнялась съ дворцомъ вице-короля. Герцогъ, устрешенный криками народа: «смерть убійцамъ!» долженъ былъ выйти на балконъ съ непокрытою головою; чтобы выразить свое сочувствіе къ народной горести, онъ велѣлъ своимъ тѣлохранителямъ и восьми пажамъ, въ траурномъ платьѣ и съ зажженными факелами, проводить тѣло рыбака. Въ полночь погребальная процессія прибыла на кладбище, и послѣ молитвъ за упокой души, тѣло было предано землѣ.

Печальный обрядъ кончился, но толпы народа долго оставались на кладбищѣ, и восходящее солнце застало многихъ на колѣняхъ на могилѣ рыбака, котораго народъ почтилъ послѣднимъ Ave Maria, какъ желалъ самъ Масаниелло.

Смерть Масаниелло не принесла герцогу Аркосскому ожидаемыхъ отъ нея выгодъ. Воспоминаніе о рыбацкѣ, павшемъ жертвою интригъ вице-короля, давало теперь народу законный поводъ къ ненависти противъ руководителя убійцъ, и герцогъ Аркосскій видѣлъ, что раздраженіе народа возрастаетъ противъ него въ той мѣрѣ, какъ становится яснѣе и яснѣе преступное его участіе въ убійствѣ рыбака. Надежда, что съ паденіемъ Масаниелло кончится и народное возстаніе, имъ руководимое, не оправдалась: юнта св. Августина, —

комитетъ, образовавшійся еще во время возстанія, стала теперь въ главѣ народа и заняла враждебное положеніе противъ герцога Аркосскаго. Неудовольствіе народа, возбужденное новыми распоряженіями вице-короля, обнаруживалось частыми волненіями въ городѣ и наконецъ разразилось общимъ возстаніемъ, когда 21-го августа узнали въ Неаполѣ, что герцогъ намѣренъ преслѣдовать судебнымъ порядкомъ виновниковъ пожара, ознаменовавшаго первые дни возстанія. 21-го августа, вооруженныя толпы народа распространились по всему городу и атаковали укрѣпленные посты, занятые испанцами. Герцогъ Аркосскій, не имѣя достаточныхъ силъ для отраженія нападавшихъ, долженъ былъ имъ уступить важнѣйшія укрѣпленныя мѣста въ городѣ и не вольно далъ восторжествовать надъ собою народному возстанію, которое еще недавно надѣялся поразить въ лицѣ его представителя.

Народъ, чтобы упрочить за собою пріобрѣтенный перевѣсъ, искалъ на этотъ разъ для себя опоры въ аристократіи и среднемъ классѣ. Желая склонить на свою сторону аристократовъ и успокоить гражданъ средняго сословія, опасавшихся новыхъ пожаровъ и буйства черни, народъ ввѣрилъ верховную власть Франциску Торальдо, принцу Масса, — вельможѣ, пользовавшемуся уваженіемъ народа, съ условіемъ, что оружейнику

Женаро Аннезе, старому товарищу Масаниелло, будетъ уступлено начальство надъ Кармелитскою крѣпостью и предмѣстіемъ Lavinaга. Выборъ этихъ предводителей былъ сдѣланъ неудачно и далеко не оправдалъ тѣхъ ожиданій, которыя питалъ народъ, вѣря имъ власть.

Торальдо не хотѣлъ выходить за предѣлы повиненія своему государю и принялъ предложенную ему власть только съ условіемъ, что его не принудятъ дѣйствовать ко вреду испанской короны; напротивъ, Аннезе имѣлъ болѣе обширные планы и готовъ былъ ихъ осуществить, согласно съ выгодами возставшаго народа; затрудненія, происшедшія въ слѣдствіе разногласія предводителей, увеличились еще болѣе равнодушіемъ, которое оказывали имъ аристократы и среднее сословіе. Большая часть вельможъ, не довѣря испанскому правительству и народу, укрылась въ своихъ укрѣпленныхъ замкахъ и ждала новыхъ и болѣе для себя благопріятныхъ происшествій. Граждане средняго сословія слабо поддерживали Аннезе изъ опасенія къ рыбакамъ, его окружавшимъ. Въ такомъ положеніи находились дѣла въ Неаполѣ, когда вмѣшательство въ нихъ новаго лица дало имъ другое направленіе.

Во время описанныхъ нами происшествій въ Неаполѣ, находился въ Римѣ одинъ французскій принцъ изъ знаменитой фамиліи герцоговъ Гизовъ.

Генрихъ Гизъ, внукъ великаго Гиза, какъ младшій членъ фамиліи, былъ въ молодости предназначень къ духовному званію и уже получилъ санъ архіепископа реймскаго, но, по смерти старшаго своего брата, оставилъ духовное званіе и промѣнялъ архіепископскую митру на герцогскую корону.

Въ 1641 году, онъ вмѣстѣ съ герцогомъ Соассонскимъ, принималъ участіе въ заговорѣ противъ кардинала Ришельё, за что подвергся гоненію перваго министра и провелъ нѣсколько времени въ изгнаніи; не задолго до послѣднихъ происшествій въ Неаполѣ, герцогъ Гизъ прибылъ въ Римъ, чтобы выхлопотать у Папы согласіе его на разводъ съ своею первою супругою и получить разрѣшеніе на вторичный бракъ съ дѣвицею де Понсъ. Дѣло его о разводѣ долго тянулось въ Римѣ, и Гизъ, соскучившись ждать его окончанія, искалъ случая, который могъ бы привести его къ развязкѣ. Вмѣшательство въ дѣла Неаполя казалось ему благопріятнымъ, потому что, ставши въ главѣ народа и освободивши Неаполь отъ Испаніи, онъ разсчитывалъ сдѣлаться независимымъ владѣтелемъ его и дать тогда своему дѣлу о разводѣ такое значеніе, что Папа не рѣшилъ бы его иначе, какъ въ его пользу.

Герцогъ Гизъ сообщилъ о своихъ планахъ Папѣ и французскому посланику въ Римѣ; Ин-

нокентія X онъ склонилъ на свою сторону, убѣдивъ его, что для папскаго престола гораздо выгоднѣе, если въ Неаполѣ будетъ господствовать національный король, чѣмъ Французы или Испанцы. Французскій посланникъ Фонтенэ-Марейль также склонился въ пользу Гиза, который успѣлъ ему доказать, что для Франціи будетъ вѣрнѣе дѣйствовать чрезъ него, потому что неаполитанцы скорѣе подчинятся ему, нежели промѣняють владычество Испаніи на господство Франціи. Доводы, представленные Гизомъ въ пользу своего плана, были столь убѣдительно, что смѣлый искатель приключеній нашелъ себѣ покровителей, и братъ Мазарини, кардиналъ Сентъ-Цециль, старался склонить министра Людовика XIV въ пользу Гиза, увлекая его надеждою украситься папскою тiarою, если въ Италиі усилятся вліяніе Франціи.

Планы герцога Гиза не могли остаться тайною для Испаніи, а корабли, снаряжавшіеся въ Тулонѣ для экспедиціи въ Италиі, заставили испанское правительство поспѣшить съ своей стороны отправленіемъ флота къ Неаполю.

3-го октября узнали въ Неаполѣ о прибытіи Испанской эскадры, подъ начальствомъ Донъ Жуана Австрійскаго, сына Филиппа IV. Обѣ враждебныя партіи Неаполя спѣшили склонить главнокомандующаго въ свою пользу. Герцогъ Аркосскій жаловался ему на неповиновеніе и свое-

воліе народа и просилъ Донъ Жуана немедленно наказать непокорныхъ. Депутаты отъ народа съ своей стороны объявили, что готовы впустить Донъ Жуана въ городъ, если онъ подтвердитъ договоръ, заключенный вице-королемъ. Донъ Жуанъ отказался исполнить желаніе ихъ и рѣшился силою привести жителей къ повиновенію. Онъ условился съ вице-королемъ по данному знаку высадить часть своего войска и сдѣлать нападеніе на городъ въ то время, когда вице-король произведетъ вылазку изъ крѣпостей, находившихся въ его власти.

8-го октября Испанцы неожиданно атаковали городъ, и такъ какъ жители не были приготовлены къ оборонѣ, то испанская пѣхота легко заняла главнѣйшія улицы Неаполя и овладѣла нѣкоторыми укрѣпленными мѣстами; но вскорѣ звонъ колоколовъ призвалъ всѣхъ жителей къ оружію. Толпа вооруженнаго народа, подъ начальствомъ Торальдо, напала на Испанцевъ и послѣдніе, подавленные многочисленностью нападавшихъ, должны были отступить; къ вечеру отряды вооруженнаго народа, не смотря на сильный огонь съ кораблей и фортовъ, успѣли отгнать Испанцевъ и возвратили потерянные укрѣпленія въ городъ.

Съ этого времени народное возстаніе приняло другое направленіе; въ народѣ не раздавались

болѣ восклицанія: «да здравствуетъ король!» но слышны были чаще крики: «да здравствуетъ народъ! да здравствуетъ республика!» Народъ, прельщенный недавними успѣхами возстанія въ Нидерландахъ, хотѣлъ учредить республику въ Неаполѣ; но умѣренные граждане, опасавшіеся чрезмѣрнаго возвышенія черни и своеволия, сопровождающаго ея торжество, хотѣли отдаться подѣ покровительство Франціи; опорой этой партіи былъ самъ Торальдо, но послѣ смерти его республиканская партія взяла перевѣсъ надъ умѣренными, и Женнаро Аннезе, замѣнившій Торальдо, сталъ въ главѣ ея. Но и партія народная вскорѣ убѣдилась, что безъ чужеземной помощи ей невозможно осуществить своихъ плановъ; поэтому въ Римъ отправленъ былъ Манара, уполномоченный отъ народа, съ порученіемъ просить французскаго посланника скорѣе прислать вспомогательное войско, давно приготавливавшееся къ походу въ Италію. Манара, прибывши въ Римъ, былъ принятъ Фонтенэ-Марейлемъ, но не получилъ отъ него никакого положительнаго отвѣта, за то герцогъ Гизъ, жившій въ одномъ дворцѣ съ французскимъ посланникомъ, сблизился съ Манарою и до того увлекъ его своею любезностью и ласковымъ обращеніемъ, что тотъ, возвратившись въ Неаполь, расположилъ въ его пользу Женнаро Аннезе и народный совѣтъ. Второй посланникъ, отправив-

шійся изъ Неаполя въ Римъ, получилъ уже предписаніе просить французскаго посланника, чтобы онъ ускорилъ прибытіемъ французскаго флота и прислалъ въ Неаполь герцога Гиза, какъ генераль-капитана Неаполитанской республики. Просьба Неаполитанцевъ привела въ затруднительное положеніе посланника. Онъ не рѣшался отдать военныя силы Франціи въ распоряженіе частному человѣку и не хотѣлъ въ то же время отказать Неаполитанцамъ. Долго онъ медлилъ и не далъ посланнику изъ Неаполя никакого отвѣта. Тогда герцогъ Гизъ рѣшился дѣйствовать самъ: съ немногими приверженцами и небольшимъ запасомъ денегъ и военныхъ снарядовъ, онъ отправился моремъ къ берегамъ Неаполя. Небольшая его эскадра, состоявшая только изъ 14 лодокъ, удачно пробралась между испанскими кораблями, блокировавшими Неаполь, и Гизъ благополучно высадился на берегу Неаполя.

Народъ принялъ его съ восторгомъ; Гиза торжественно ввели въ соборъ, а оттуда въ Кармелитскую крѣпость, гдѣ Женнаро Аннезе предложилъ герцогу раздѣлить съ нимъ жилище и пищу; но Гизъ вскорѣ сталъ тяготиться гостепріимствомъ Аннезе, котораго грубыя привычки сильно ему не нравились. Въ то же время и положеніе дѣлъ въ Неаполѣ представилось ему не въ томъ видѣ, какъ онъ ожидалъ; аристократія не ока-

зывала герцогу расположенія, граждане средняго сословія желали прежде всего положить конецъ всѣмъ волненіямъ, а чернь показывала много восторга, но мало склонности къ порядку; наконецъ, городъ подвергался опасности со стороны Испанцевъ, которые снова могли открыть противъ него огонь съ кораблей и укрѣпленій, находившихся въ ихъ власти, а недостатокъ съѣстныхъ припасовъ угрожалъ жителямъ голодомъ, потому что сельскіе аристократы, оставшись вѣрными Испаніи, пресѣкли всякій подвозъ съѣстныхъ припасовъ; однако герцогъ Гизъ не терялъ надежды произвести перемѣну къ лучшему и смѣло пошелъ на встрѣчу всѣмъ препятствіямъ.

Первымъ дѣломъ для Гиза было склонить на свою сторону жителей Неаполя, а потомъ освободить себя отъ Анneze, котораго покровительство и вліяніе были для него весьма непріятны. Гизъ успѣлъ убѣдить народъ, чтобы ввѣренная ему власть была освящена религіозной церемоніей и уже на другой день послѣ его прибытія въ Неаполь народный совѣтъ, предъ лицомъ Гиза, принесъ торжественную клятву вѣрности вновь учрежденной республикѣ, а архіепископъ Филомарино вручилъ генералъ-капитану освященный мечъ.

Первыя распоряженія герцога Гиза клонились къ тому, чтобы обезопасить личность, имущество

и значеніе аристократіи противъ всѣхъ покушеній со стороны черни и упрочить спокойствіе, котораго давно желали всѣ мирные граждане Неаполя; мало по малу въ городѣ возстановился порядокъ, а вмѣстѣ съ нимъ возобновились и торговыя сношенія. Герцогъ Гизъ не позабылъ и вдовы Масаниелло; онъ обласкалъ ее, и общалъ даже положить пенсію. Аннезе съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на распоряженія Гиза. Онъ понималъ, что герцогъ старался привлечь народъ на свою сторону, чтобы, пользуясь его расположеніемъ, захватить въ свои руки всю власть. Аннезе жаловался на небреженіе, которое оказывалъ ему герцогъ, но Гизъ гордо возражалъ своему сопернику и грозилъ, въ случаѣ сопротивленія съ его стороны, сѣсть на свои лодки и оставить Неаполь.

Гизъ видѣлъ, что необходимо для прочности его власти поддержать ее вооруженною силою; съ этою цѣлью изъ жителей Неаполя и прибывшихъ съ нимъ французовъ онъ составилъ небольшое войско, которое онъ вооружилъ и раздѣлил на отряды, ввѣривъ начальство надъ ними преданнымъ ему офицерамъ. Съ небольшимъ своимъ войскомъ Гизъ предпринялъ походъ противъ Аверсы, откуда укрѣпившіеся здѣсь аристократы препятствовали подвозу сѣстныхъ припасовъ въ Неаполь; но предпріятіе Гиза кончилось неудач-

но; въ сраженіи при мостѣ Фриньяно, войско его, несмотря на личную храбрость и отвагу своего начальника, было разбито и Гизъ съ потерей возвратился въ Неаполь.

Непріятное впечатлѣніе, произведенное въ Неапольъ этою неудачею, было уничтожено радостною вѣстью о прибытіи къ городу французскаго флота съ пятью тысячами десантнаго войска; но надежда Неаполитанцевъ на помощь этаго флота не оправдалась: герцогъ Ришльё, командовавшій эскадрой, имѣлъ предписаніе заботиться прежде всего о выгодахъ своего государя, а не поддерживать честолюбивые планы Гиза. Онъ началъ даже дѣйствовать ко вреду герцога. Узнавъ, что послѣдній находится во враждѣ съ Аннезе, Ришльё принялъ сторону Аннезе и объявилъ, что будетъ вести только съ нимъ переговоры, считая его одного главою республики. Тогда герцогъ Гизъ рѣшился покончить вражду съ своимъ соперникомъ. Приверженцы его распространили въ Неапольъ слухъ, что Аннезе хочетъ передать французамъ Кармелитскую крѣпость, и Гизъ успѣлъ вооружить противъ него жителей Неаполя; при видѣ этой мнимой опасности, Гизъ былъ объявленъ дожемъ Неаполитанской республики и защитникомъ государства; народъ требовалъ низложенія Аннезе. Тогда послѣдній вооружилъ за себя жителей предмѣстія Lavinara и готовился силою за-

щищать себя; но Гизъ своею смѣлостью спасъ Неаполь отъ междоусобной войны. Онъ явился въ предмѣстїи Lavinaga и убѣждалъ жителей его оставить Аннезе. Толпа народа встрѣтила его криками и угрозами; ему отказывались повиноваться, какъ иностранному принцу.

«Я не знаю другого отечества, кромѣ Неаполя, — отвѣчалъ Гизъ; я родился въ лодкѣ, которая принесла меня сюда.»

Эти слова привели народъ въ восторгъ; Гиза съ торжествомъ подняли на руки, и толпа готова была провозгласить его королемъ. Аннезе, оставленный народомъ, покорился своему сопернику, который простилъ его и сдѣлалъ даже своимъ намѣстникомъ.

Гизъ восторжествовалъ въ Неаполѣ, но тѣмъ самымъ лишилъ себя помощи французскаго флота. Герцогъ Ришельё отказался содѣйствовать возвышенію Гиза, не видя въ томъ прямой пользы для своего государя и отплылъ со всѣмъ своимъ флотомъ, оставивъ Неаполь на произволъ судьбы.

Послѣ удаленія французскаго флота, Донъ Жуанъ сталъ дѣйствовать рѣшительнѣе. Онъ отрѣшилъ герцога Аркосскаго, и въ прокламаціи своей къ жителямъ Неаполя объявилъ, что удаленіе виновника неудовольствїй народа можетъ возстановить согласіе между королемъ испанскимъ и вѣрными Неаполитанцами. Подобное воззваніе было принято

въ Неаполѣ съ знаками явнаго удовольствія, а извѣстіе, что испанскій флотъ удалился отъ Неаполя, содѣйствовало благопріятному впечатлѣнію, произведенному прокламаціей Донъ Жуана. Въ Неаполѣ все болѣе и болѣе увеличивалось число друзей Испаніи, которые начинали дѣйствовать тайно и явно въ пользу примиренія съ королемъ; ихъ поддерживали всѣ мирные граждане Неаполя, болѣе другихъ страдавшіе отъ безпорядковъ. Народъ, нуждавшійся въ хлѣбѣ, ропталъ на Гиза, который, послѣ удаленія французовъ, сталъ стремиться къ верховной власти и величалъ себя титуломъ величества. Прежній соперникъ его, Аннезе, вступилъ въ сношенія съ Испанцами и обѣщалъ сдать имъ Кармелитскую башню, находившуюся въ его власти. Партія, враждебная Гизу, стала возвышаться въ Неаполѣ, и популярность его съ каждымъ днемъ уменьшалась.

Видя упадокъ своей власти, Гизъ рѣшился возвыситься опять какимъ-нибудь смѣлымъ подвигомъ; съ этою цѣлью онъ назначилъ сдѣлать нападеніе на укрѣпленные пункты въ городѣ, находившіеся во власти Испанцевъ; положено было произвести атаку въ день праздника Кармелитской Божіей Матери. Гизъ приготовилъ къ ней свое регулярное войско, усилилъ его отрядами вооруженнаго народа и присоединилъ къ нимъ до шести тысячъ бандитовъ.

Съ наступленіемъ утра по, данному знаку, войска Гиза, лично распоряжавшагося штурмомъ, атаковали Испанцевъ въ ихъ укрѣпленіяхъ. Главное нападеніе, направленное на замокъ Сэнтъ-Эльмо, ввѣрено было бандитамъ, которые съ обыкновенною храбростью вытѣснили Испанцевъ изъ укрѣпленій и овладѣли находившимися тамъ дворцами; въ нихъ они нашли богатую добычу и тотчасъ бросились грабить даставшіяся имъ сокровища. Напрасно Гизъ старался удержать ихъ отъ грабежа и ввести опять въ дѣло, — они его не послушались и продолжали грабить, вмѣсто того, чтобы помогать отрядамъ, съ другихъ сторонъ штурмовавшимъ укрѣпленія Сэнтъ-Эльмо. Регулярное войско и отряды вооруженнаго народа, видя, что бандиты занялись грабежемъ, предоставивъ имъ однимъ продолжать атаку, покинули занятія ими уже укрѣпленія, и Гизъ, послѣ восьмичасаваго боя и большихъ потерь, далъ знакъ къ отступленію.

Эта неудача окончательно отдалила отъ него народъ, и Гизъ, мечтавшій прежде о королевской коронѣ, теперь, чтобы вазвратить себѣ расположеніе народа, далъ обѣщаніе учредить въ Неаполѣ народное правленіе. Онъ выставилъ на своемъ дворцѣ народное знамя и назначилъ комиссію для образованія новаго государственнаго устройства; но эти уступки дали только почувствовать народу, что Гизъ не можетъ удержаться безъ его содѣй-

ствія. Враги Гиза не замедлили воспользоваться затруднительнымъ его положеніемъ и вооружили противъ него народъ. Въ Неаполѣ произошло возстаніе, во время котораго Гизъ велѣлъ стрѣлять въ бунтовавшій народъ и тѣмъ еще болѣе удалилъ его отъ себя. Доброе согласіе, нѣкогда соединявшее народъ съ Гизомъ, теперь разрушилось, и Гизъ не иначе выѣзжалъ изъ дому, какъ въ сопровожденіи военного прикрытія.

Этимъ положеніемъ дѣлъ въ Неаполѣ весьма искусно воспользовался новыи вице-король Графъ Огнате, прибывшій въ Неаполь, чтобы смѣнить Донъ Жуана, имѣвшаго только временное полномочіе отъ испанскаго короля. Онъ развѣдалъ чрезъ измѣнниковъ, что народъ въ Неаполѣ весьма равнодушенъ къ Гизу, и что большая часть предводителей народа готова измѣнить ему при первой возможности. Разсчитавъ, что при такомъ расположеніи Неаполитанцевъ Гизъ не найдетъ себѣ въ Неаполѣ ревностныхъ защитниковъ, вице-король рѣшился сдѣлать нападеніе на городъ; для этого онъ выбралъ то время, когда Гизъ вышелъ изъ Неаполя, чтобы отнять у Испанцевъ небольшой островокъ Низиту. Предпріятіе Гиза кончилось успѣшно: онъ высадилъ небольшой отрядъ свой на островъ и принудилъ находившихся тамъ Испанцевъ сдаться въ плѣнъ; но въ тотъ же день,

какъ онъ овладѣлъ этимъ островомъ, вице-король отнялъ у него навсегда Неаполь.

Въ назначенное время, испанское войско двумя отрядами, подъ начальствомъ Донъ Жуана и Огнате, двинулось къ Неаполю. Передовые посты были сланы имъ измѣнниками, а другіе взяты Испанцами безъ всякаго затрудненія. Вскорѣ оба отряда вступили въ городъ и заняли главнѣйшія улицы Неаполя. Народъ, оставшись безъ предводителя, не оказалъ Испанцамъ большого сопротивленія, а нѣсколькихъ выстрѣловъ было достаточно, чтобы обратить въ бѣгство солдатъ Гиза; только во дворцѣ его нѣкоторые французскіе дворяне оказали сопротивленіе, но не могли остановить Испанцевъ, которые заняли уже весь городъ и главные посты, кромѣ рыночной площади и предмѣстія Lavinaга; потомъ Донъ Жуанъ повелъ свое войско къ рыночной площади, гдѣ собрались массы народа, болѣе шумѣвшіе, чѣмъ угрожавшіе сопротивленіемъ. Опаснѣе для Донъ-Жуана былъ Женнаро Аннезе, укрѣпившійся въ Кармелитской башнѣ; къ нему былъ отправленъ для переговоровъ архіепископъ Филомарино. Онъ убѣдилъ Женнаро сдаться, обѣщая, что ему будетъ дарована жизнь и положена приличная пенсія. Бѣдный оружейникъ, мечтавшій прежде о господствѣ надъ Неаполемъ, спѣшилъ теперь по-

корностию спасти свою жизнь. Онъ бросился къ ногамъ Донъ Жуана и молилъ его о пощадѣ; Кармелитская крѣпость была занята солдатами Донъ Жуана, и выставленное на ней королевское знамя возвѣстило о побѣдѣ Испанцевъ.

Герцогъ Гизъ, узнавъ о происшествіяхъ въ Неаполѣ, спѣшилъ возвратиться въ городъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ дворянъ; но онъ нашелъ городскія ворота запертыми, и солдаты, стоявшіе у нихъ, встрѣтили его выстрѣлами; напрасно пытался Гизъ силою проникнуть въ городъ, нападая на менѣе укрѣпленные мѣста, — онъ былъ вездѣ отбитъ и принужденъ спасать жизнь свою бѣгствомъ. Гизъ направилъ путь свой въ Капую, надѣясь спастись въ Папскихъ владѣніяхъ; но дорогою число его спутниковъ болѣе и болѣе уменьшалось. Оставшись только съ нѣсколькими французами, онъ былъ настигнутъ преслѣдовавшими его Испанцами. Въ стычкѣ съ ними Гизъ сражался съ отчаянною храбростію, чтобы силою продолжить себѣ дорогу; лошадь его, раненая пулею, упала, и Гизъ попался въ руки Испанцамъ; его держали сначала въ тюрьмѣ въ Капуѣ, а потомъ отправили плѣнникомъ въ Испанію.

Послѣ паденія Гиза, Испанія возстановила господство свое надъ Неаполемъ. Уничтоживъ налогъ на плоды и уменьшивъ другія подати, по-

вый вице-король успокоилъ жителей Неаполя и мало-по-малу привелъ все королевство въ покорность Испаніи; но прежнія злоупотребленія не замедлили возвратиться при его преемникахъ и Неаполь, по прежнему, страдалъ отъ нихъ, пока надъ нимъ тяготѣло господство Испаніи.

И. Лыткинъ.

БЕЗИРЕДѢЛЬНОСТЬ ВСЕЛЕННОЙ.

I.

Въ древніе и средніе вѣка, когда еще не существовало зрительныхъ трубъ, человекъ не имѣлъ яснаго понятія о всей совокупности матеріальнаго міра. До начала семнадцатаго столѣтія, т. е. до появленія «Небеснаго Вѣстника» (*Nuntius sidereus*), сочиненнаго въ 1610 году Галилеемъ, ученые обращали вниманіе только на видимое теченіе свѣтилъ. Такъ какъ звѣздамъ приписывалось таинственное вліяніе на судьбу человека, то малѣйшія происшествія на небесномъ сводѣ наблюдались и изучались со всевозможною тщательностью, съ единственною цѣлію вывести изъ нихъ предсказанія о будущемъ. Это составляло предметъ астрологіи, пустѣйшей и бесполезнѣйшей изъ наукъ, если только она вообще заслуживаетъ имя науки. Въ нашъ вѣкъ трудно себѣ представить, чтобы можно было предполагать какою-нибудь связь между положеніемъ небесныхъ свѣтилъ и

земными событіями или судьбою человѣка, но въ прежнія времена даже образованные и высокопоставленные въ обществѣ люди вѣрили въ предсказанія астрологовъ (*). Съ развитіемъ точныхъ знаній эта вѣра однакоже мало по малу исчезла и изъ астрологіи возникла астрономія — самая положительная изъ наукъ.

Какъ скоро зрительныя трубы стали необходимымъ и могущественнымъ пособіемъ при наблюденіяхъ, математика стала созидать изъ краснорѣчивыхъ, открываемыхъ опытомъ фактовъ стройную теорію. Ньютонъ открылъ законъ тяготѣнія, которому повинуются вся природа; послѣдователи его, въ числѣ ихъ особенно Лапласъ, усовершенствовали теоретическую часть Астрономіи до-нельзя, такъ что теперь мы имѣемъ отчетливое понятіе не

(*) Самъ Кеплеръ, основатель нашей планетной теоріи, одинъ изъ рѣдкихъ вѣковыхъ гениевъ, искалъ на небѣ объясненія причинъ земныхъ событій и составлялъ гороскопы (предсказанія участи человѣка изъ положенія свѣтилъ въ день его рожденія) для новорожденныхъ. Такъ въ 1609 году онъ предсказалъ Валленштейну, что изъ него выйдетъ предводитель партіи недовольныхъ, что онъ возстанетъ противъ своихъ начальниковъ и т. д. У Валленштейна всегда находился въ лагерѣ астрологъ, котораго обязанность была предсказывать будущее. Екатерина Медичи обратилась къ знаменитому въ то время астроному Пострадаму (Михаилъ Нотрадамъ) съ просьбою составить гороскопъ новорожденному Генриху IV, въ послѣдствіи королю Франціи. Астрологъ раздѣлъ ребенка донага, осмотрѣлъ его тѣло и изъ положенія свѣтилъ во время рожденія дитяти предсказалъ его будущую участь. Послѣдній астрологъ, имѣвшій еще нѣкоторыхъ приверженцевъ, былъ Маринъ, жившій въ XVII столѣтіи.

только о томъ, что непосредственно окружаетъ насъ, но также и о томъ, что удалено отъ насъ непостижимыми протяженіями.

Постараемся хотя въ легкомъ очеркѣ нарисовать величественную картину вселенной, прослѣдимъ изъ конца въ конецъ небесныя пространства, и сердце наше исполнится благоговѣнія и страха къ Творцу чудной гармоніи міровъ.

Начнемъ съ человѣка. Человѣкъ, въ числѣ прочихъ земныхъ существъ, можетъ быть причисленъ къ наи-обширнѣйшимъ породамъ; онъ населяетъ и продолжаетъ населять всѣ страны и климаты. Независимо отъ разума, составляющаго главную его силу, онъ отличается еще и тѣмъ преимуществомъ, что способенъ жить и отдѣльно, и обществомъ, когда для животныхъ, точно также какъ и для растеній, это невозможно. И такъ человѣкъ на земномъ шарѣ, если можно такъ выразиться, — единица преобладающей породы животныхъ.

Собраніе такихъ единицъ извѣстно подъ именемъ племени или народа, а совокупность всѣхъ племенъ составляетъ родъ человѣческой.

Подобныя понятія о единицѣ, о племени и о родѣ мы получаемъ при разсматриваніи и прочихъ органическихъ тѣлъ, но мы заговорили о человѣкѣ для того, чтобы эти понятія выказались яснѣе и опредѣленнѣе. Теперь, переходя отъ человѣка къ земному шару, мы видимъ, что мѣсто нашего пре-

быванія, сравнительно съ нами, составляетъ массу почти безконечную. Если представить себѣ чело-вѣка величиною съ маленькую мошку, то, уменьшая въ такой же пропорціи и землю, мы получили бы шаръ все еще довольно громадный, а именно около 5 верстъ въ поперечникѣ. Если бы такой шаръ положить на поле, то онъ уходилъ бы верхней частью своей за облака и былъ бы въ полтора раза выше Давалагири и въ три раза — Монблана. Но и земной шаръ, который, какъ мы видѣли, столь великъ въ сравненіи съ чело-вѣкомъ, занимаетъ очень скромное мѣсто въ совокупности остальнаго матеріальнаго міра. Безъ сомнѣнія читатели уже знаютъ, что земля — не единственная планета, движущаяся вокругъ солнца и получающая отъ него свѣтъ, теплоту и плодотворность.

Солнечный шаръ, по объему, почти въ 140,000 разъ болѣе земнаго. Хотя эта величина опредѣлена пока еще несовсѣмъ точно, тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что земля, взятая вмѣстѣ съ прочими планетами, составляетъ весьма малую часть солнечнаго шара.

Наконецъ звѣзды, которыя мы видимъ въ темную и ясную ночь и которыхъ замѣтно тѣмъ болѣе, чѣмъ чище и темнѣе небо, — суть свѣтила, подобныя нашему солнцу, и наоборотъ, — наше солнце въ нашей планетной системѣ такая же звѣзда, какъ и прочія звѣзды.

И такъ земля — единица въ нашей солнечной системѣ, солнце — единица въ совокупности звѣздъ, совершенно также, какъ человѣкъ — единица въ господствующей породѣ животныхъ.

Вокругъ насъ милліоны другихъ солнць населяютъ безграничность неба и, отстоя все далѣе и далѣе другъ отъ друга, наконецъ сливаются въ бѣловатую полосу, въ которой блескъ отдѣльных солнць сливается воедино. Чѣмъ лучше зрительная труба, тѣмъ яснѣе, съ помощью ея, различаемъ мы отдѣльныя звѣзды. Всякому приходилось не разъ засматриваться на серебристую, неправильную ленту, которая тянется по небосклону, пробираясь по сѣвернымъ и южнымъ созвѣздіямъ. Эта лента называется Млечнымъ Путемъ, и по ней мы обыкновенно судимъ о чистотѣ воздуха и о темнотѣ ночи, потому что малѣйшая туманность неба и самый слабый свѣтъ луны дѣлаютъ ее невидимой. Млечный Путь — ни что иное, какъ цѣлый міръ свѣтилъ, подобныхъ нашему солнцу. Пространство, занимаемое имъ, столь велико, что самое воображеніе отказывается представить его.

Этотъ міръ свѣтилъ, этотъ Млечный Путь отличается странною, неправильною формою; чтобы дать о ней нѣкоторое понятіе, прибѣгнемъ къ сравненію. Астрономія доказала, что Млечный Путь, вмѣстѣ съ прочими ясно различаемыми звѣздами и въ томъ числѣ съ нашимъ солнцемъ,

представляетъ скопленіе небесныхъ тѣлъ, фигурую своею похожее на зерно чечевицы, т. е. на сильно сплюснутый шаръ. Наше солнце, а съ нимъ и мы, находимся въ срединѣ этой чечевицы и по тому мы видимъ звѣзды, лежащія у плоскихъ боковъ чечевицы, яснѣе и раздѣльнѣе, чѣмъ звѣзды, которыя находятся на ея остромъ ребрѣ. Вникнувъ хорошенько въ сказанное мною, читатели поймутъ, почему Млечный Путь, ребро этой чечевицы, представляется въ видѣ ленты, не имѣющей ни начала, ни конца.

Но продолжая созерцаніе небеснаго свода, мы вскорѣ поражаемся новымъ удивленіемъ. Млечный Путь, занимающій столь громадное, столь не доступное для нашихъ земныхъ мѣръ пространство, — это чечевице-образное скопленіе свѣтилъ, этотъ міръ солнць, — не единственное такого рода явленіе въ безбрежїи вселенной!

Астрономы XVII-го столѣтія замѣтили на небѣ два или три отдѣльныхъ бѣловатыхъ пятна, но смотря на нихъ, какъ на явленіе неслишкомъ любопытное, ограничились тѣмъ, что только дали имъ названіе Туманныхъ Пятенъ. Въ концѣ прошедшаго столѣтія, Месьена считалъ такихъ пятенъ уже до ста, а спустя еще нѣсколько времени, великій Вильямъ Гершель, при помощи сильныхъ зрительныхъ приборовъ, видѣлъ ихъ отъ 500 до 1000. Сынъ его, Джонъ-Гершель въ послѣднемъ

звѣздномъ каталогѣ своемъ показываетъ, что на всемъ небесномъ сводѣ число Туманныхъ Пятенъ доходитъ до 4015. Въ послѣдствіи, вѣроятно, эта цифра еще увеличится. Но что же такое эти слабыя Туманныя Пятна, изъ которыхъ только пять или шесть могутъ быть видимы невооруженнымъ глазомъ?

Каждое изъ этихъ пятнышекъ, занимающее въ небѣ, на нашъ взглядъ, столь ничтожное пространство, — не что иное, какъ такое же чечевице-образное скопленіе солнць, какъ и то, въ которомъ находится наше солнце. Чтобы уничтожить всякое сомнѣніе, скажемъ, что помощью гигантскихъ зрительныхъ трубъ удалось различить въ этихъ Туманныхъ Пятнахъ отдѣльныя блестящія точки, т. е. отдѣльныя солнца, единицы этихъ звѣздныхъ скопленій. Телескопъ Лорда Росса, имѣющій въ поперечникѣ почти сажень, повѣряетъ все сказанное нами.

Итакъ матеріальная вселенная, доступная нашему наблюденію, весьма обширна, потому что заключаетъ въ себѣ всѣ эти солнечныя скопленія, всѣ эти необозримые и разнообразныя Млечныя Пути. Въ безграничномъ пространствѣ вселенной эти скопленія, если смотрѣть на нихъ съ земли, лежатъ одно далѣе другого совершенно также, какъ солнца нашего Млечнаго Пути (нашего Туманнаго Пятна) отстоять отъ насъ все далѣе и далѣе. Обыкновенно упо-

требляемые нами мѣры, сажени и версты, — ничто въ сравненіи съ разстояніями и протяженіями этихъ Туманныхъ Пятенъ; поэтому, при измѣреніи этихъ разстояній и протяженій, мы по неволѣ должны прибѣгнуть къ другимъ величинамъ. Чтобы читатель составилъ себѣ понятіе, хотя смутное, о размѣрахъ вселенной, скажу, ссылаясь на свидѣтельство лучшихъ астрономовъ, что, дабы достигнуть отъ насъ до удаленнѣйшаго изъ извѣстныхъ Туманныхъ Пятенъ, нужно и самому лучу свѣта летѣть покрайней мѣрѣ милліонъ лѣтъ. Между тѣмъ скорость, съ которою распространяется свѣтъ, — страшно велика; довольно того, что въ одну секунду онъ успѣлъ бы облетѣть вокругъ земли восемь разъ. Скорость полета ядра, которая очень велика, все-таки въ 600,000 разъ меньше скорости свѣта.

Но достигнувъ самаго дальнаго изъ видимыхъ Туманныхъ Пятенъ, мы, по всей вѣроятности, все еще не будемъ находиться на границѣ вселенной.

Какъ на земномъ шарѣ человѣкъ, эта единица господствующей породы животныхъ, входитъ въ составъ племени, которое въ свою очередь входитъ, какъ единица, въ составъ всего человѣческаго рода, такъ точно во вселенной, — солнце или звѣзда входятъ въ составъ Туманнаго Пятна,

которое въ свою очередь входитъ въ составъ того, что мы должны называть видимымъ міромъ.

Замѣтимъ, что воображеніе не останавливается на этомъ и невольно спрашиваетъ себя: не продолжается ли эта система, эта чудная гармонія творенія, и далѣе Туманныхъ Пятенъ?

Каковъ бы ни былъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, но онъ уже выходитъ изъ области наблюдений.

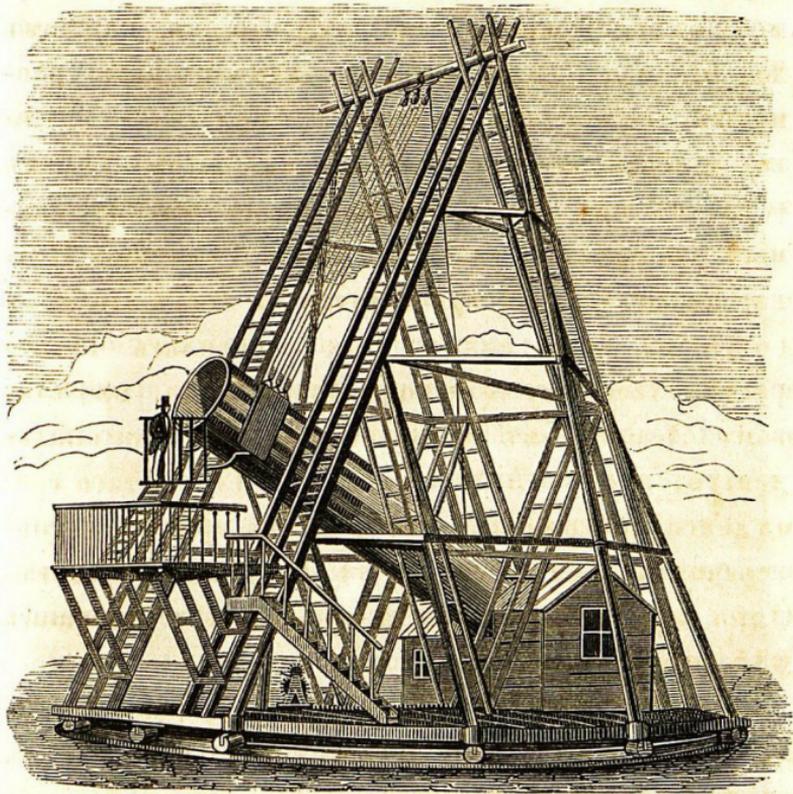
II.

Англійскіе астрономы Вильямъ Гершель и сынъ его Джонъ Гершель систематически прослѣдили всѣ части небеснаго свода и составили списокъ всѣхъ видимыхъ нами звѣздъ и туманныхъ пятенъ. Въ концѣ прошлаго столѣтія, благодаря покровительству англійскаго короля Георга III-го, старшій Гершель устроилъ первый изъ сильныхъ телескоповъ, принесшихъ потомъ такую пользу наукѣ. Въ небольшой деревенькѣ Слугъ, въ виду Виндзорскаго замка, изъ-за крыши скромнаго, одноэтажнаго домика, рисовалась на воздухѣ гигантская труба, жерло которой скорѣе походило на отверстіе колодца. У этого отверстія, имѣвшаго около пяти футовъ въ поперечникѣ, была придѣлана небольшая галерея для одного или двухъ наблюдателей. Вогнутое зеркало, помѣщенное въ противоположномъ концѣ трубы,

отражая, по известнымъ физическимъ законамъ, лучи свѣта, производило увеличенное изображеніе той части неба, къ которой было обращено. Помощью выпуклаго стекла, наблюдатели видѣли это изображеніе еще въ большемъ видѣ. Такимъ образомъ имъ представлялись очень ясно невидимыя для простаго глаза звѣзды и Туманныя Пятна; но отдѣльныя яркія точки въ этихъ Пятнахъ долго не были видны. Они покорились только могущественному телескопу Лорда Росса, прозванному Левіаѳаномъ и стоившему, на тогдашнія деньги, около 75,000 руб. сер. Длина этаго громаднаго инструмента почти восемь сажень, а поперечникъ болѣе двухъ съ половиною аршинъ. Одно зеркало вѣситъ 232 пуда, а весь телескопъ 635 пудовъ.

Вскорѣ телескопы еще болѣе усовершенствовались, особенно когда вмѣсто вогнутыхъ зеркалъ въ ихъ устройствѣ стали употребляться большія увеличительныя стекла. Новыя открытія въ области уранографіи (небоописанія) слѣдовали за этимъ важнымъ улучшеніемъ.

Джонъ Гершель положилъ себѣ задачей продолжить и дополнить трудъ своего отца. Для этого, переселясь со всѣмъ семействомъ своимъ на мысъ Доброй Надежды, онъ провелъ тамъ нѣсколько лѣтъ въ наблюденіи той части неба, которая была недоступна Вильяму Гершелю. Черезъ это, какъ

мы уже сказали, онъ распространилъ число известныхъ Туманныхъ Пятенъ до 4015.

Но возвратимся къ этимъ Туманнымъ Пятнамъ. Знаменитый путешественникъ Александръ Гумбольдтъ очень поэтически называетъ ихъ облаками солнца. Это выраженіе превосходно очерчиваетъ какъ видъ Туманныхъ Пятенъ, такъ и то, что они разсыяны въ пространствѣ вселенной, подобно

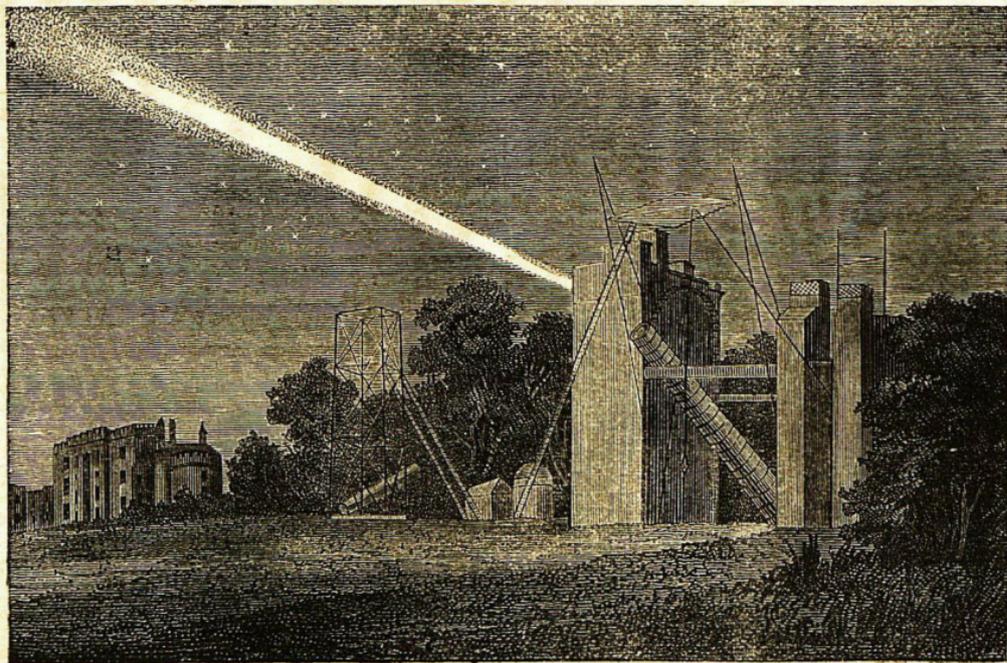
облакамъ, плавающимъ въ нашей атмосферѣ. Но можно положительно сказать, что въ каждомъ Туманномъ Пятнѣ, солнцъ находится несравненно болѣе, чѣмъ въ любомъ облакѣ — водяныхъ пузырьковъ. Наши облака бываютъ трехъ родовъ: перистыя, кучевыя и распростертыя; точно такое же подраздѣленіе можно сдѣлать и относительно Туманныхъ Пятенъ.

Теперь, чтобы составить себѣ полное понятіе о размѣрахъ вселенной, прибѣгнемъ къ цифрамъ, выведеннымъ болѣе или менѣе точнымъ математическимъ вычисленіемъ.

Земной шаръ, какъ мы уже видѣли, относительно человѣка — масса весьма огромная. Двадцатьпять милліоновъ людей средняго роста, взявшисъ рука за руку, этимъ хороводомъ своимъ едва могли бы опоясать земную окружность. Радиусъ земли, служащій для астрономовъ самою мелкою мѣрою, длиною въ $6,016\frac{1}{2}$ верстъ.

Если удалиться на эту величину, повторенную 60 разъ, мы дойдемъ до луны, — нашего спутника и самаго близкаго къ намъ небеснаго тѣла.

На разстояніи 400 земныхъ радиусовъ лежитъ солнце, масса котораго такъ велика, что если бы середина солнца находилась на мѣстѣ земли, то оно достигало бы своими краями не только до луны, но почти еще на столько же выступало-бы

за нее. Какова же громада солнца, этой единицы, этой капли въ нашемъ Туманномъ Пятиѣ!

Продолжаемъ удаляться отъ нашей бѣдной планеты. Здѣсь земной радиусъ уже дѣлается мѣрою столь-же неудобною, какъ вершокъ при измѣреніи разстоянія отъ Москвы до Петербурга. Мы выбираемъ другую мѣру, а именно разстояніе земли отъ солнца, равное 24,000 земныхъ радиусовъ.

Чтобы дать нашимъ читателямъ нѣкоторое понятіе о протяженіи, на которомъ все подчиняется нашему солнцу, т. е. до котораго простирается наша планетная система, замѣтимъ только, что крайняя изъ извѣстныхъ доселѣ планеть, — Нептунъ, отстоитъ отъ солнца на 30 земныхъ разстояній отъ него, другими словами, въ тридцать разъ далѣе отъ солнца, чѣмъ земля. Это составитъ 7,200,000 земныхъ радиусовъ или 5,414,500,000 верстъ

Въ сосѣдствѣ нашего солнца (сейчасъ мы увидимъ, что это за сосѣдство) блестятъ самыя яркія звѣзды первой величины: Сирій, Канопъ, Центавръ, Ригель, Арктуръ, Козочка, Лира, а также и другія, не столь яркія, хотя первой же величины звѣзды, въ созвѣздіяхъ: Быка, Близнецовъ, Льва, Скорпіона, Южной Рыбы, Малаго Пса, Лебедя, Эридана и Южнаго Креста. Наше солнце принадлежитъ къ числу этихъ звѣздъ и мы не знаемъ,

превышаетъ ли оно величиною многихъ изъ своихъ товарищей. Весьма вѣроятно, что солнце не больше звѣзды, находящейся въ созвѣздіи Центавра. Также смѣло можно сказать, что оно меньше Сиріа, который, еслибы находился отъ насъ точно въ такомъ же разстояніи какъ солнце, блестя бы, въ сравненіи съ нимъ, въ 500 разъ сильнѣе.

Только въ очень недавнее время удалось астрономамъ найти, хотя приблизительно, разстояніе прочихъ солнцъ отъ нашего. Самая ближняя къ намъ звѣзда отстоитъ по крайней мѣрѣ въ 200,000 разъ дальше, чѣмъ отстоитъ отъ насъ солнце. И это мы называемъ еще самымъ близкимъ сосѣдствомъ!..

Наконецъ, чтобы вообразить себѣ Туманное Пятно, это облако солнцъ, представьте себѣ собраніе милліоновъ солнцъ, удаленныхъ одно отъ другого на вышеупомянутое разстояніе; тогда пространство, которое займетъ это собраніе, будетъ недоступно никакимъ мѣрамъ. Разстояніе солнца отъ земли, въ сравненіи съ размѣрами Туманнаго Пятна, окажется не болѣе какъ точкою.

Невольно теряется умъ человѣческій, стараясь постигнуть столь громадную величину каждаго Туманнаго Пятна. Но что станетъ съ нимъ, когда ему предложатъ представить себѣ многія тысячи такихъ Туманныхъ Пятенъ, плавающихъ въ пространствѣ вселенной и отдѣленныхъ другъ отъ

друга разстояніями въ милліоны разъ большими размѣровъ каждаго Туманнаго Пятна? Человѣку, живущему на песчинкѣ Мірозданія, остается одно: постигая все ничтожество свое и въ то же время сознавая ограниченность своего разума, благоговѣть предъ мудростью и величіемъ Творца....

КОЛЬБЕРЪ.

Въ Реймсѣ, одномъ изъ древнѣйшихъ городовъ Франціи, въ лавкѣ суконныхъ издѣлій, сидѣлъ прикащикъ. Это былъ мальчикъ съ благородною наружностью, съ прекрасными выразительными чертами лица; онъ внимательно читалъ довольно подержанный листокъ. Имя его было Батистъ или вѣрнѣе Жанъ Батистъ Кольберъ.

— Которое сегодня число? — спросилъ, обращаясь къ Батисту, г. Сертенъ, хозяинъ лавки, худощавый, дряхлый старикъ, сидѣвшій тутъ же, въ зеленыхъ кожаныхъ креслахъ.

— Тридцатое октября 1632 года, — отвѣчалъ юноша.

— Не совсѣмъ вѣрно! закричалъ довольно громко старый продавецъ сукна; ты не ошибся въ числѣ и мѣсяцѣ, но ошибаешься въ годѣ. Нынче 1634 годъ. Стыдно тебѣ не знать этого, — тебѣ ужь пятнадцать лѣтъ.

— О, я знаю это очень хорошо, крестный, и довольно силенъ въ счисленіи, но мысли мои теперь

были заняты исторією, и въ ту минуту, когда вы говорили, я...

— Читаль, по обыкновенію. Я боюсь, что ты ни къ чему не будешь способенъ. Что это у тебя за листокъ, который такъ тебя занимаетъ?

— Я читаю о заговорѣ герцога Монморанси. — Герцога Монморанси! что тебѣ до него за дѣло? Ты воображаешь, вѣрно, дружокъ мой, что самъ великій человѣкъ, потому что въ числѣ твоихъ предковъ есть бароны Гастриль.

— Каствльхиль, крестный. Бароны Каствльхиль — общіе предки шотланскихъ и французкихъ Кольберовъ, потому что у насъ одинаковее изображеніе латъ на гербахъ.

«Да какое мнѣ дѣло до этого! Неужели ты думаешь, что я спрашивалъ кто были твои предки, когда твоя мать, госпожа Кольберъ, просила меня взять тебя къ себѣ, въ угожденіе моей бѣдной сестрѣ, съ которою она воспитывалась? Здѣсь, подѣ вивѣскою золотого Руна, мы не думаемъ объ этихъ вещахъ. Все, что мы должны здѣсь дѣлать, это-продавать сукно.

— Я это вполне понимаю, — скромно отвѣчалъ юноша, и стараюсь дѣлать все, что могу, я увѣренъ.

— Да, я не сомнѣваюсь въ томъ! Но, такъ какъ ты читаль о герцогѣ Монморанси, то расскажи мнѣ, пожалуйста, о его заговорѣ.

«Вы знаете, крестный, что въ 1629 году Лудовикъ XIII уѣхалъ изъ Парижа и, не смотря на ужасный холодъ, отправился лично помогать герцогу Неверскому и защищать его противъ притязаній герцога Савойскаго на Монферратъ (*)....

— Я увѣренъ, что мой маленькій товарищъ родился быть государственнымъ человѣкомъ. Удивительно, какъ связно онъ все рассказываетъ! сказаль старый суконникъ, глядя пристально на своего крестника, котораго блѣдность и глубокая задумчивость слишкомъ мало шли къ нѣжности его дѣтскихъ чертъ и къ свѣтлымъ, шелковистымъ кудрямъ, разбѣгавшимся по плечамъ.

— Хорошо, крестный! продолжалъ Батистъ, съ лицомъ, горѣвшимъ справедливымъ негодованіемъ, — молодой король прорвался черезъ Сузекій проходъ, побѣдилъ армію герцога Савойскаго, отнялъ у его союзниковъ — Испанцевъ Пиньероль и утвердивъ за герцогомъ Неверскимъ владѣніе Мантуей, самъ возвратился въ Парижъ, съ титуломъ освободителя Италіи. Онъ нашелъ тамъ тысячу интригъ. Братъ его Гастонъ, герцогъ Орлеанскій, возмутился; многіе дворяне приняли его сторону; главный изъ нихъ былъ гер-

(*) Карль Гонзага, герцогъ Неверскій, родившійся и воспитанный во Франціи, былъ ближайшій родственникъ Винценту II, герцогу Мантуанскому, умершему въ 1627 г.; слѣдовательно, по смерти Винцента II, онъ имѣлъ полное право на наслѣдство престоловъ Мантуи и Монферрата.

цогъ. Монморанси взбунтовалъ Нижній Лангедокъ, гдѣ онъ былъ губернаторомъ, но схваченный съ оружіемъ въ рукахъ въ сраженіи при Кастельнодери, онъ былъ обезглавленъ, по приказанію герцога Ришелье, въ Тулузѣ, 30-го Октября 1632 года.

— Вѣроятно, во всемъ этомъ была часть интригъ и ухищреній кардинала Ришелье, — замѣтилъ старикъ, который, какъ вы можете догадаться, молодые читатели, не ненавидѣлъ политику, хотя и не обнаруживалъ этого.

— Министры слишкомъ самовластны, слишкомъ строги — возразилъ Батистъ съ одушевленіемъ, и если я когда-нибудь сдѣлаюсь первымъ министромъ....

Громкій хохотъ старика хозяина, прикащиковъ и даже мальчика, который мелъ лавку, прервалъ слова Батиста и заставилъ его покраснѣть до ушей.

— Если-бы вы были первымъ министромъ! — повторилъ хозяинъ Золотого Руна, растягивая каждое слово, — если бы вы были первымъ министромъ! Сдѣлайте одолженіе, милостивый государь, — прибавилъ онъ, вдругъ перемѣняя голосъ, — прежде всего научитесь быть полезнымъ въ лавкѣ вашего крестнаго отца и питать къ нему благодарность за то, что достаете хлѣбъ свой такимъ честнымъ образомъ.

— Простите меня, добрый крестный! я ска-

замъ это въ минутномъ увлеченіи; но я буду стараться дѣлать все, чего вы ни пожелаете.

— Хорошо, хорошо; довольно объ этомъ. Отложи всторону твою газету и послушай, что я тебѣ скажу. Вотъ счетъ, адресованный, ты видишь, на имя г. Ченани, подъ фирмою Ченани и Мозерани, парижскихъ банкировъ. Отправься теперь къ банкиру, отнеси къ нему счетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ покажи ему эти куски сукна, для обоевъ въ его загородномъ домѣ, который онъ купилъ въ окрестностяхъ. Подите сюда, милостивый государь! Помните цѣны суконъ: № 1 отмѣченъ по 3 экю за аршинъ, № 2 по шести, № 3 по восьми, № 4 по пятнадцати экю; цѣны довольно высокія, но это самое тонкое саксонское сукно,

— Могу я что-нибудь сбавить, крестный? спросилъ Батистъ, принимая карточку, на которой было нашито нѣсколько образчиковъ сукна, а Молинь, носильщикъ, между тѣмъ, наваливалъ на себя нѣсколько кусковъ, подобныхъ образчикамъ.

— Сбавить! — закричалъ суконникъ, — ни пол-экю! За полную цѣну и на чистыя деньги! Ни одного су меньше, помни!

Батистъ, сопровождаемый Молинемъ съ огромнымъ узломъ суконъ, въ нѣсколько минутъ перебѣжалъ пространство, отдѣлявшее лавку г. Вильгельма Сертена отъ отеля, въ которомъ остановился банкиръ Ченани.

— Не правда ли, вы запомнили, что вамъ говорилъ вашъ крестный отецъ, г. Батистъ? № 1 по три эю; № 2 по шести; № 3 по восьми; № 4 по пятнадцати. Но что это съ вами? О чемъ вы задумались, опустивши глаза въ землю? Вы словно ищете булавку.

— Сказать тебѣ правду, Молинъ, мнѣ кажется, что меня крестный не понимаетъ. Я буду хорошимъ содержателемъ лавки, если ужъ такова моя судьба, но, вѣроятно, любовь къ чтенію не помѣшаетъ человѣку быть хорошимъ торговцемъ, — тѣмъ болѣе, если она не препятствуетъ его занятіямъ.

— Пожалуй что такъ, мой добрый Батистъ; но я боюсь, что вы слишкомъ разсѣянны; впрочемъ, современемъ, безъ сомнѣнія, все пойдетъ хорошо. Развеселитесь-же, вотъ и отель!

— Мнѣ надо видѣть г. Ченани, сказалъ Батистъ привратнику. — Первая лѣстница на лѣво, № № 8 и 10, — отвѣчалъ лакей.

Вмѣстѣ съ Молинемъ, молодой суконникъ постучалъ въ дверь, которую ему указали, и тотчасъ же былъ введенъ въ комнату, гдѣ сидѣлъ молодой человѣкъ, въ богатомъ кафтанѣ изъ зеленаго дамá, съ великолѣпными пунцовыми разводами.

— Я присланъ отъ г. Сертена, сказалъ Батистъ кланаясь.

— Вотъ нѣсколько кусковъ сукна вамъ для вы-

бора, — прибавилъ Молинь, кладя на столъ узелъ. Молодой банкиръ съ беззаботнымъ видомъ подошелъ къ столу и ласково сказалъ: — Покажите ихъ! Молинь проворно развязалъ узелъ. Банкиръ едва взглянулъ на сукно, ощупалъ каждый кусокъ пальцами и, откладывая одинъ изъ нихъ въ сторону, сказалъ: Этотъ нравится мнѣ болѣе всѣхъ; что онъ стоитъ?

— Пятнадцать эю за аршинъ! отвѣчалъ Батистъ. Молинь сдѣлалъ гримасу, которой не замѣтилъ ни продавецъ, ни покупатель.

— Хорошо, — сказалъ послѣдній, — я беру это сукно на обои для моего загороднаго кабинета. Сколько аршинъ въ этомъ кускѣ?

— Тридцать, — сказалъ Молинь, посмотрѣвъ на клеймо, — и если вы желаете смѣрить его при васъ....

— О, это вовсе не нужно, мой милый; я вѣрю г. Сертену. Тридцать аршинъ по пятнадцати эю — это составляетъ четыреста пятьдесятъ эю; вотъ они!

И съ тѣмъ-же беззаботнымъ видомъ онъ подошелъ къ открытому бюро, вынулъ горсть монетъ и разсчитался съ Батистомъ.

— Умѣешь-ли ты писать, мой дружокъ? спросилъ онъ его.

— Да, милостивый государь, — отвѣчалъ молодой прикащикъ, сильно краснѣя: такъ онъ былъ обиженъ этимъ вопросомъ.

— Хорошо; дай мнѣ росписку!

Батистъ написалъ требуемую росписку и взялъ деньги. Молинь завязалъ остальные три куска; оба поклонились и вышли.

Если бы Батистъ не былъ такъ разсѣянъ, онъ могъ бы замѣтить, когда они вышли на улицу, что его товарищъ былъ необыкновенно веселъ и говорилъ, что у нихъ была сегодня славная работа!

— Ну что, все ли хорошо? спросилъ хозяинъ Золотого Руна, стоя на крыльцѣ, къ которому подошелъ его крестникъ съ Молинемъ. Хорошо?

— Наконецъ-то мы пришли! сказалъ послѣдній, бросая узелъ на стойку.

Г. Сертенъ поспѣшно развязалъ его. — Я надѣюсь, вы не ошиблись, — сказалъ онъ.

— Не думаю, спокойно отвѣчалъ Батистъ.

— А я такъ думаю, что ошиблись, сказалъ Молинь, съ громкимъ смѣхомъ.

— Ты думаешь, Молинь, ты думаешь! закричалъ старый суконникъ, бросая сукно и разглядывая карточки. Въ самомъ дѣлѣ я долженъ былъ этого ожидать. Этотъ негодяй иначе и не могъ сдѣлать. Но я тебя предупреждаю: если ты ошибся, то пойдешь къ г. Ченани и спросишь остальные деньги по расчету; если же онъ не отдастъ, то выступишь ихъ мнѣ изъ своего жалованья. Здѣсь не достаетъ третьяго нумера; № 3 стоитъ... стоитъ шесть экю, нѣтъ — восемь!

— Восемь! восемь эю! вскричалъ Кольбертъ съ удивленіемъ: вѣрно-ли вы это говорите, крестный?

— Такъ ты хочешь, чтобы я ошибался, негодяй! Я говорю тебѣ, что № 3 стоитъ восемь эю.... Я умираю отъ страха. Я готовъ биться объ закладъ, что онъ продалъ его за шесть!

— Напротивъ, крестный! я продалъ его по пятнадцати эю за аршинъ, но....

— Пятнадцать! пятнадцать! прервалъ его суконникъ, стараясь скрыть свою радость, которую вылавалъ его дрожащій голосъ.

— Пятнадцать! О, ты прекрасный, смѣтливый малый, Батистъ! Ты со временемъ будешь гордостью своего семейства. Пятнадцать!... о, я заплачу отъ радости! Пятнадцать! Я поздравляю себя, твоего крестнаго отца, что взялъ тебя подъ свое покровительство. Пятнадцать эю за сукно, которое не стоитъ и шести! Тридцать аршинъ по пятнадцати эю вмѣсто восьми — это семь эю барыша на аршинъ; за тридцать аршинъ — двѣсти десять эю, — вѣдь это шесть сотъ тридцать франковъ барыша. О, счастливѣйшій день!

— Какъ, крестный, неужели вы возьмете лишекъ? спросилъ Батистъ отступая нѣсколько назадъ.

— А ты хочешь, чтобы я съ тобой подѣлился?

сказалъ безчестный хозяинъ. Изволь, — я согласенъ дать тебѣ что-нибудь изъ этихъ денегъ.

— Крестный! перебилъ его въ свою очередь молодой Кольбергъ, берясь за шляпу, которую снялъ при входѣ въ лавку: я не соглашаюсь на подобныя вещи....

— Bravo, bravo, мой другъ! хорошо, я беру всё себѣ.

— А я пойду, продолжалъ Батистъ, къ банкиру, съ которымъ я поступилъ такъ безчестно, извинюсь передъ нимъ и отдамъ ему лишнія деньги.»

И съ этими словами Батистъ, подвигавшійся во время своего отвѣта къ дверямъ, перепрыгнулъ черезъ порогъ и выбѣжалъ на улицу. Старый плутъ пришелъ въ удивленіе и негодованіе отъ этого непредвидѣннаго обстоятельства. Но оставимъ его на минуту и послѣдуемъ за добросовѣстнымъ мальчикомъ, который теперь на дорогѣ къ отелю банкира.

— Могу ли я видѣть г. Ченани? спросилъ онъ, едва переводя дыханіе, у лакея, отворявшаго ему дверь за четверть часа передъ этимъ.

— Онъ еще не уѣхалъ; но я не думаю, чтобъ вы его могли видѣть, — возразилъ лакей, — мой баринъ одѣвается.

— Я прошу васъ, позвольте мнѣ сейчасъ-же

его видѣть, — сказалъ Батистъ, умоляя и голосомъ, и взглядомъ; мнѣ очень нужно его видѣть.

— Я пойду и спрошу, сказалъ лакей, отворяя дверь и не замѣчая вовсе, что Батистъ слѣдовалъ за нимъ.

— Что тебѣ нужно, Контуа? спросилъ банкиръ, не оборачиваясь и продолжая расправлять передъ зеркаломъ складки своего жабо.

— Молодой суконникъ, который былъ сейчасъ здѣсь, желаетъ васъ видѣть, отвѣчалъ лакей.

— Теперь мнѣ нѣкогда, — сказалъ Ченани. Дай мнѣ шпагу, Контуа!

— О, прошу васъ, милостивый государь, только на одно слово! сказалъ умоляющимъ голосомъ Батистъ.

— Зачѣмъ вы пришли? Что вамъ надо? Вѣдь я вамъ заплатилъ, неправда-ли? сказалъ сердито банкиръ, обращаясь къ Батисту. Я занятъ теперь. Ступайте!

Съ тою смѣлостью, которая дается только ранней молодости и съ увѣренностью въ правотѣ своего дѣла, Батистъ, вмѣсто того чтобъ удалиться, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ.

— Милостивый государь, сказалъ онъ банкиру, который, дивясь этой смѣлости, удержался отъ приказанія выгнать Кольбера вонъ. Я васъ

обманулъ, — это правда, но вовсе безъ намѣренія; это, однакожь, не должно заставлятъ васъ быть несправедливымъ.

Такое вступленіе еще болѣе удивило банкира, а Кольберъ еще ближе подошелъ къ Ченани и вынимая изъ кармана деньги, прибавилъ: — Вотъ четыреста пятьдесятъ эю, которыя вы мнѣ дали за сукно; будьте такъ добры, отдайте мнѣ мою росписку и возьмите ваши деньги. Сукно, проданное вамъ, стоитъ не пятнадцать эю за аршинъ, только восемь. Тридцать аршинъ по восьми эю составляетъ только двѣсти сорокъ эю. Вы можете взять назадъ лишніе двѣсти десять эю. Вотъ они; потрудитесь посмотрѣть вѣрно-ли?

— Вы совершенно увѣрены въ томъ, что говорите, мой другъ? сказалъ банкиръ, перемѣняя голосъ. — Нѣтъ-ли тутъ ошибки?

— У васъ еще сукно? Не отмѣчено-ли оно подъ № 3?

— Да, сказалъ Контуа, разсматривая кусокъ.

— № 3 отмѣченъ по восьми эю, — я не ошибаюсь. Я прошу у васъ извиненія, что вошелъ въ комнату противъ вашего желанія; но если бы вы прежде меня открыли ошибку въ цѣнѣ, я никогда не простилъ бы себѣ этого. Теперь позвольте мнѣ пожелать вамъ добраго дня.

— Подождите одну минуту, только одну ми-

нугу! закричалъ Ченани Батисту, который выходилъ изъ комнаты, кланяясь ему, — знаете-ли вы, что я плохой знатокъ въ сукнѣ!

— Я васъ увѣрю, милостивый государь, что этотъ кусокъ не стоитъ болѣе восьми экю.

Банкиръ улыбнулся этой наивности и продолжалъ: — Но вы бы могли взять эти деньги себѣ.

— Мнѣ это и въ голову не приходило, — возразилъ молодой прикащикъ.

— Но если бы вы подумали объ этомъ? спросилъ ловкій Парижанинъ.

— Нѣтъ, такая мысль не могла придти мнѣ въ голову. Это всё равно, что если бы вы меня спросили, не подумалъ-ли я унести всё, что есть въ этой комнатѣ.

На умной физиономіи мальчика промелькнула улыбка при подобной нелѣпости.

— Положимъ, что я хотѣлъ бы подарить вамъ эти деньги, которыя вы мнѣ возвратили съ такою честностью....

— Какое-же право имѣю я на нихъ? И за чтобы вы мнѣ ихъ дали? Я бы ихъ не взялъ, — сказалъ Батистъ безъ малѣйшаго колебанія.

— Вы прекрасный и благородный человѣкъ! сказалъ молодой банкиръ, взявъ его за руку; вы прекрасный и благородный человѣкъ! повторилъ онъ. Какъ васъ зовутъ?

— Жанъ Батистъ Кольберъ, вашъ покорный

слуга, — отвѣчалъ Батистъ, краснѣя отъ этой любезности банкира.

— А сколько вамъ лѣтъ, Батистъ?

— Пятнадцать, милостивый государь.

— Кольберъ... Кольберъ, повторялъ Ченани, какъ будто стараясь что-то припомнить, — быть можетъ вы не родня-ли шотландскимъ Кольберамъ?

— Бароны Кастльхиль были общіе предки шотландскихъ и французскихъ Кольберовъ.

— Какъ-же это случилось, что отецъ вашъ, потсмокъ такой знаменитой фамиліи, сдѣлался торговцемъ сукна?

— Мой отецъ не торгуетъ сукномъ, но онъ очень бѣденъ, и чтобъ избавить семейство свое отъ излишней тягости, отдалъ меня въ прикащики къ моему крестному отцу, г. Сертену.

— Бѣдный мальчикъ! сколько въ немъ простоты, честности, благородства, и какъ онъ несчастливъ! какая жалость, какая жалость!

— Вашъ экипажъ готовъ! сказалъ лакей, показываясь въ дверяхъ.

Молодой банкиръ съ сожалѣніемъ выпустилъ руку Кольбера. Ченани, казалось, колебался между желаніемъ предложить ему сумму, всё еще лежащую на столѣ и боязнію снова вызвать краску негодованія на этомъ благородномъ, но еще

дѣтски-прекрасномъ лицѣ. Однако послѣднее чувство взяло верхъ надъ первымъ и онъ сказалъ только: — Мы еще увидимся съ вами, Батистъ, мы увидимся!

Едва Батистъ сбѣжалъ съ лѣстницы и выско-чилъ на улицу, какъ его кто-то схватилъ силь-ною грозящею рукою. Это была рука взбѣшеннаго хозяина, который слѣдовалъ за нимъ и дожидаль его у подъѣзда. Онъ жестоко поступилъ съ Кольберомъ за возвращенныя банкиру деньги. Всѣ увѣщанія бѣднаго Батиста были тщетны. Г. Сер-тенъ въ сущности не былъ злымъ человѣкомъ, но онъ былъ вспыльчивъ и жаденъ, и эти-то два дурныя качества довели его до минутнаго, но страшнаго забвенія своей обязанности.

— Прочь съ моихъ глазъ и отъ моей службы! сказалъ онъ Батисту, въ отвѣтъ на его объясненія; убирайся, я говорю, и послѣдуй моему совѣту, ко-торый я дамъ тебѣ, — это послѣдній мой совѣтъ: чтобъ я тебя никогда не видалъ и не слыхалъ! Прощай!

Зная заранѣе страшный гнѣвъ крестнаго отца своего и совершенно приготовясь къ нему, Ба-тистъ никакъ не думалъ, что старикъ можетъ его выгнать. Не смотря на это, онъ не раскаявался въ своемъ поведеніи, сознавая, что ни въ какомъ случаѣ онъ не поступилъ-бы иначе. Поклонясь

корыстолюбивому Сертену, Батистъ медленными шагами пошелъ по направленію къ дому своего отца.

Было семь часовъ вечера. Г. Кольберъ сѣдился за ужины съ своею женою и меньшимъ сыномъ, мальчикомъ лѣтъ шести, когда вдругъ дверь отворилась и на порогѣ показался Батистъ. Крикъ удивленія вырвался и у отца, и у матери, огорченныхъ печальнымъ и смущеннымъ видомъ сына. — Что съ тобой? Почему ты пришелъ изъ лавки въ будень? Не боленъ ли твой крестный отецъ? Или ты самъ нездоровъ? Говори, что съ тобою!

Эти вопросы были такъ быстры, что юноша не успѣвалъ отвѣчать на нихъ. Наконецъ, на послѣдній вопросъ, онъ сказалъ: Г. Сертенъ прогналъ меня.

— Вы, вѣроятно, сдѣлали какую-нибудь глупость, милостивый государь? сказалъ г. Кольберъ, забывая въ эту минуту, что онъ отецъ, а не строгій судья.

— Предоставляю вамъ, отецъ, рѣшить это, скромно отвѣчалъ Батистъ.

— Что ты хочешь сказать? спросилъ отецъ.

— Позвольте, мой добрый папаша, рассказать вамъ все, что случилось сегодня со мною, и тогда вы мнѣ скажите, виноватъ-ли я; но не думаю, чтобъ я былъ виноватъ, и не смотря на то, что мнѣ грустно придти къ вамъ, будучи выгнаннымъ,

— я еще разъ поступилъ бы такъ какъ сегодня, если бы къ этому мнѣ представился случай.

— Говори-же! сказалъ отецъ.

Мать ободряла Батиста взглядами, а маленькій братъ дѣлалъ ему ручки.

Батистъ разсказалъ всё, что случилось. Онъ передалъ это просто, наивно, не прибавляя ни одного слова. Напротивъ, онъ даже старался извинить поведеніе своего крестнаго отца, какъ отвратительно оно для него ни было.

— Крестный такъ любить деньги, — сказалъ онъ, — и къ тому-же, какъ суконникъ, онъ быть можетъ и не понялъ моего поведенія. Продать немного болѣе противъ настоящей цѣны или много — для него всё равно. Если берутъ барыша на аршинъ по два су, не заслуживая за это названія плута и не получая никакого наказанія, такъ почему не получить ста франковъ барыша, если можно? Что вы на это скажете, папаша? Объ этомъ надо жалѣть, но что дѣлать!

— Дай я тебя поцѣлую, сынъ мой! — сказалъ г. Кольберъ, обнимая Батиста, который самъ бросился къ нему еще прежде.

— Ты поступилъ прекрасно, мой милый; я вполне одобряю тебя.

— Да, ты прекрасно поступилъ, — сказала госпожа Кольберъ, тоже обнимая сына, — ты правъ.

Садись подлѣ меня; ты вѣрно голоденъ? Я обѣщаю тебѣ, что ты не возвратишься болѣе къ этому человѣку.

— Но я не могу-же оставаться у васъ; я вамъ въ тягость, — замѣтилъ Батистъ, садясь подлѣ матери.

— Подумаемъ объ этомъ завтра, — сказалъ г. Кольберъ, — а сегодня надо подумать, какъ принять милаго гостя, котораго намъ послалъ Богъ, черезъ г. Сертена.

— Баринь! сказала Жанна, единственная служанка Кольберовъ, отворяя дверь: какой-то господинъ, пріѣхавшій въ постъ-шезъ, желаетъ васъ видѣть.

— Какъ его зовутъ, Жанна?

— Онъ говоритъ, что вы его не знаете, и потому не сказалъ своего имени; но онъ очень желаетъ васъ видѣть.

— У меня нѣтъ причины отказать ему, хотя онъ мнѣ и не знакомъ; введи его въ комнату, Жанна, — сказалъ г. Кольберъ, вставая изъ-за стола, чтобы встрѣтить гостя.

При первомъ движеніи незнакомца, когда онъ вошелъ въ комнату, со всею ловкостью образованнаго Парижанина, Батистъ сильно покраснѣлъ.

— Милостивый государь, сказалъ незнакомецъ, раскланиваясь съ Кольберами: прошу тысячу извиненій, что такъ поздно пріѣхалъ къ вамъ; зав-

тра я уѣзжаю отсюда и потому немогъ отложить своего посѣщенія. Я Ченани, изъ компаніи Ченани и Мазерани, въ Парижѣ.

— Чѣмъ-же я могу вамъ служить, милостивый государь? спросилъ г. Кольберъ, предлагая гостю стулъ.

— Не правда-ли, этотъ молодой человекъ вашъ сынъ? спросилъ онъ, показывая на Батиста, который покраснѣлъ еще болѣе.

— Да, милостивый государь, благодаря Господу.

— Вамъ есть за что благодарить Господа, потому что этотъ ребенокъ поступилъ со мною сегодня утромъ дѣйствительно благородно.

— Онъ поступилъ такъ, какъ слѣдовало поступить, — сказала поспѣшно госпожа Кольберъ, боясь, чтобъ сынъ ея отъ похвалъ не началъ бы слишкомъ много думать о своемъ поступкѣ.

— Очень благородно. Я вижу, что вы знаете все происшествіе, но вѣроятно онъ, по скромности, не рассказалъ вамъ того, что болѣе всего привело меня въ восхищеніе. Я пошелъ къ г. Сертену за другимъ кускомъ сукна и узналъ тамъ всѣ подробности отъ одного изъ прикащиковъ. Вашъ сынъ отказался отъ дѣлежа лишнихъ денегъ съ своимъ хозяиномъ!

— Прекрасно, превосходно, милый, дорогой

сынъ мой — сказала госпожа Кольберъ, обнимая его, — я горжусь тобою! прибавила она, цѣлуя Батиста, который пробормоталъ:

Это было-бы безчестно.

Г. Кольберъ посмотрѣлъ на сына взглядомъ, полнымъ нѣжности.

— Вамъ, вѣроятно, извѣстно, — сказалъ онъ, обращаясь къ банкиру, — что сынъ мой за поведеніе, которое заставило радостно биться сердце отца, былъ выгнанъ г. Сертенемъ.

— Я знаю это — прикащикъ разсказалъ мнѣ все; поэтому-то я и пріѣхалъ къ вамъ, чтобы просить васъ, такъ какъ вы уже рѣшились пустить сына вашего по торговлѣ, помѣстить его при нашемъ банкѣ, гдѣ кругъ его дѣйствій будетъ гораздо обширнѣе и гдѣ онъ скорѣе можетъ составить себѣ состояніе. Я говорю вамъ, госпожа Кольберъ, что сынъ вашъ проложитъ себѣ хорошую дорогу.

— Да благословитъ васъ Господь! сказала съ чувствомъ мать Кольбера.

Батистъ, который слушалъ все до сихъ поръ молча и только что теперь понялъ намѣреніе Ченани, сказалъ: если для того, чтобъ составить себѣ состояніе, я долженъ разстаться съ отцемъ и съ матерью, я отказываюсь отъ предложенія.

— Но для себя ты не долженъ отказываться, Батистъ, — сказалъ г. Кольберъ съ нѣжностью, но серьезно; мы очень бѣдны, сынъ мой, и я всегда

бы обвинялъ себя, если бы заставилъ тебя идти по такой-же тѣсной и узкой дорогѣ, какъ иду я самъ. Но если г. Ченани такъ много цѣнить тебя, что даже самъ пріѣхалъ за тобою, я долженъ ему вполне довѣрить тебя. Отдаю вамъ его, милостивый государь. Въ этомъ огромномъ городѣ, куда вы его увезете, наблюдайте за нимъ, не говорю, какъ отецъ, — вы слишкомъ молоды для этого, — но какъ братъ. А ты, Батистъ, поѣзжай съ г. Ченани, и во всемъ, что будетъ касаться исполненія твоей обязанности, слушай его совѣтовъ и слѣдуй имъ; въ правилахъ-же честности, чести и добродѣтели дѣйствуй по внушенію твоего сердца.

Батистъ плакалъ, слушая, что говорилъ отецъ, но не сдѣлалъ никакого возраженія; желаніе облегчить своихъ родителей и быть полезнымъ своему семейству осушило его слезы. Не смотря однако на все это, прощаніе было трогательно. Молодое сердце Батиста раздиралось при мысли, что онъ долженъ оставить тотъ домъ, гдѣ каждый уголокъ напоминалъ ему о счастливомъ дѣтствѣ, о ласкахъ родителей; гдѣ съ каждою вещью было связано какое-нибудь дорогое, сладкое воспоминаніе. Даже старую Жанну — и ту оставлялъ онъ съ сожалѣніемъ. Впрочемъ, благодаря молодости своихъ лѣтъ и перемѣнѣ въ своемъ существованіи, Батистъ чувствовалъ, какъ въ немъ воскресала новая жизнь, когда онъ несся по ули-

цамъ въ красивомъ экипажѣ, съ своимъ любезнымъ и веселымъ товарищемъ.

Послѣдуемъ за нимъ въ Парижъ, и посмотримъ, какъ молодой продавецъ сукна мало-по-малу достигъ славы.

По приѣздѣ въ Парижъ, молодой Кольберъ находился въ совершенно-новомъ мірѣ. Все было блескъ и восхищеніе. Но въ высшей степени интересуясь всею, что онъ видѣлъ, онъ не забывалъ, что наслаждаясь окружающимъ его, онъ долженъ въ точности исполнять обязанности, назначенныя ему его благодѣтелемъ. Онъ сильно привязался къ своимъ занятіямъ по дѣламъ банка г. Ченани и Мазерани. Прилежаніемъ и ловкостью онъ вскорѣ достигъ уваженія. Хотя ему поручались дѣла еще какъ молодому человѣку, но, по достиженіи совершеннолѣтія, онъ былъ сдѣланъ полнымъ распорядителемъ всѣхъ финансовъ кампаніи. Еще нѣсколько времени спустя, ему поручено было предпринять путешествіе по дѣламъ кампаніи.

Любовь къ искусствамъ и наукамъ, которую онъ имѣлъ и прежде, еще болѣе развилась въ немъ во время путешествій. Онъ объѣхалъ всѣ провинціи Франціи, и такъ какъ торговля была главнымъ его занятіемъ, то онъ болѣе и болѣе старался объ ея процвѣтаніи. Въ эти-то дни онъ и составлялъ тѣ великіе проекты, которые въ послѣд-

ствіи украсили его правленіе, какъ министра. Въ 1648 году, когда ему было около 30 лѣтъ, Сен-Пуажъ, одинъ изъ его родственниковъ, помѣстилъ его къ своему зятю, Летелье, государственному секретарю, который представилъ его кардиналу Мазарини, первому министру Королевы Анны Австрійской, бывшей тогда регентшею Франціи, за малолѣтствомъ сына своего Лудовика XIV. Въ этотъ періодъ начались тѣ мятежи, которые ознаменовали собою регентство Анны. Мазарини, проныцательнѣйшій человѣкъ своего времени, понялъ и оцѣнилъ молодаго ученаго Кольбера. Онъ просилъ Летелье передать ему Батиста, и тотъ согласился на это; Мазарини назначилъ его государственнымъ канцлеромъ и раздѣлилъ съ нимъ всѣ свои занятія. Наконецъ, за его услуги во время Фронды, въ 1649 и 1650 годахъ, онъ сдѣлалъ его своимъ полнымъ повѣреннымъ. Въ эту эпоху, кардиналъ, преслѣдуемый ненавистью народа и аристократіи, долженъ былъ удалиться въ Кельнъ. Кольберъ собирался въ это время жениться на Маріи, догери Іакова Шарона, барона де Менаръ. Онъ остался въ Парижѣ, какъ домашній контролеръ кардинала и тайный агентъ по сношеніямъ съ королевою. Онъ передавалъ всѣ депеши кардинала Аннѣ Австрійской и на оборотъ; его усердіе и осторожность въ этихъ дѣлахъ дѣлають честь

его уму и сердцу, и когда Мазарини возвратился во Францію, то, въ награду Кольберу, оказалъ нѣсколько услугъ его семейству.

Отецъ Кольбера не былъ забытъ своимъ сыномъ: онъ былъ сдѣланъ барономъ и получилъ должность, достойную его званія и способностей. Дѣдъ Батиста, отецъ его матери, Гейнрихъ Пассоръ, былъ назначенъ государственнымъ канцлеромъ. Этотъ послѣдній составилъ въ послѣдствіи тотъ знаменитый сводъ гражданскихъ законовъ, который былъ извѣстенъ подъ названіемъ кодекса 1667 года. Одному изъ своихъ братьевъ Кольберъ давалъ различныя должности, другому доставилъ патентъ на чинъ лейтенанта въ Наваррскомъ полку, третьему мѣсто директора при комиссіи морскихъ призовъ, а четвертому, который былъ аббатомъ, доставилъ доходъ въ 6,000 ливровъ. Съ другой стороны и Кольберъ не забывалъ также милостей кардинала.

Возведенный въ санъ маркиза де Круасси, онъ не переставалъ отличать свои рѣдкими заслугами и правосудіемъ въ дѣлахъ, поручаемыхъ ему кардиналомъ, такъ что послѣдній, умирая, сказалъ Лудовику XIV: «Государь, я обязанъ вамъ всемъ, но надѣюсь заплатить за все, оставляя вамъ послѣ себя Кольбера.» Лудовикъ XIV такъ высоко цѣнилъ заслуги Кольбера, что сдѣлалъ его въ 1661 году генераль-контролеромъ финансовъ.

Въ это время во Франціи торговля производилась только между нѣсколькими провинціями со столицею и ограничивалась произведеніями родной почвы. Франція еще не знала, какой обильный источникъ богатства заключается въ торговлѣ одного народа съ другими. Главныя дороги были непроходимы; Кольберъ исправилъ ихъ и открылъ вновь другія. Это облегчило подвозъ товаровъ. Соединеніе двухъ морей, которыя омываютъ Францію, предположенное при Лудовикѣ XIII, Кольберъ осуществилъ черезъ посредство Рике. Онъ сдѣлалъ проектъ Бургундскаго канала и учредилъ главное страховое общество для приморскихъ городовъ. Онъ основалъ торговый комитетъ, куда приглашались извѣстнѣйшіе купцы для разсмотрѣнія источниковъ народнаго благосостоянія. Не довѣряя собственному сужденію, онъ обращался ко всѣмъ европейскимъ дворамъ для изслѣдованія не только всѣхъ отраслей торговли, но и для узнанія способовъ къ процвѣтанію ея. Своею искусною политикою онъ доказалъ дворянству, что можно вести торговлю не разоряя своихъ капиталовъ. Нантъ, Сентъ-Мало и Бордо наполнились купцами, принадлежащими къ благороднѣйшимъ фамиліямъ. Въ это время Англичане и Голландцы раздѣляли между собою владычество на морѣ. Кольберъ, понимавшій, какое могущество составляетъ торговля между новымъ и старымъ свѣ-

томъ, оспаривалъ у нихъ это владычество. Дюнкирхенъ былъ во владѣнїи Англичанъ; онъ выкупилъ его въ 1662 г. у Карла II за 5 милліоновъ. Были утверждены двѣ компанїи въ Индію; цѣлая колонія была выслана изъ Рошели для населенія Каэнны; другая завладѣла Канадою и положила основаніе Квебеку; третья поселилась на Мадагаскарѣ. Моря были наполнены алжирскими, тунискими и трипольскими корсарамн, — французскіе корабли преслѣдовали пиратовъ до того, что тѣ не могли безъ ужаса смотрѣть на французскій флагъ. Гавани Бреста, Тулона и Рошфора были открыты, а порты Гавра и Дюнкирхена укрѣплены. Учреждены морскія школы; болѣе чѣмъ сто линейныхъ кораблей, съ 60,000 матросовъ, подъ начальствомъ Д'Эстре, Турвилля, Жанъ-Барта и Форбена, доставили французскому флагу, до тѣхъ поръ неизвѣстному на моряхъ, блестящую славу.

Этотъ же искусный министръ возстановилъ стеклянные заводы въ Сен-Антуанскомъ предмѣстьѣ Парижа, тогда какъ до него произведенія изъ стекла покупались въ Венеціи, за самыя дорогія цѣны. Въ 1667 г. онъ основалъ, въ другой части Парижа, знаменитую мануфактуру Гобелена, — заведеніе, въ которомъ дѣлались отличные ковры и обои.

Однимъ словомъ, вы не пройдете въ Парижѣ

нѣсколькихъ шаговъ, чтобъ не найти слѣдовъ великаго Кольбера. Обсерваторія, великолѣпный Тюльерійскій садъ, распланированный Ле-Нотромъ, триумфальная арка Сен-Мартенскихъ воротъ, такая-же арка въ улицѣ Сен-Дени, благодѣтельное учрежденіе Дома Инвалидовъ, множество набережныхъ и бульваровъ, и многое другое, что я, быть можетъ, забылъ, свидѣтельствуешь о геніи, который разлилъ столько блеску и славы на царствованіе Людовика XIV. Жаль только, что этотъ монархъ, желавшій побѣдъ, не осуществилъ для Франціи всѣхъ полезныхъ выгодъ мирной политики Кольбера. Даже земледѣліе не осталось безъ его вниманія. Помня истину, которую говорилъ Сюлли, другъ Генриха IV (*): «Скотоводство и хлѣбопашество — два питателя государства», онъ поощрялъ воспитаніе скота и доставлялъ разныя выгоды хлѣбопашеству.

Посреди столькихъ занятій, не были забыты и изящныя искусства, и сладкія мечты первой молодости. Въ 1664 году, онъ основалъ Академію художествъ, Архитектуры и Скульптуры, и французскую Академію въ Римѣ. Онъ также былъ

(*) Во Франціи былъ еще Сюлли, имя котораго останется навсегда памятно въ Исторіи: *Морисъ Сюлли*, епископъ Парижскій, первый изъ основателей собора Notre Dame de Paris. Этотъ Сюлли жилъ за 400 лѣтъ до Сюлли, министра *Генриха IV*, котораго имя было тоже *Вильгельмъ Морисъ*.

великимъ двигателемъ въ учрежденіи Академіи Наукъ; а Академія Надписей получила свое начало отъ собранія, бывшаго въ домѣ Кольбера, во время котораго дѣлались предположенія о рисункахъ и девизахъ королевскихъ медалей.

Шестаго сентября 1683 г., Кольберъ, который могъ сказать вмѣстѣ съ Корнелемъ: «Я обязанъ своей славою самому себѣ!» окончилъ свое блестящее и полезное поприще, на 60-мъ году своей жизни. Франція хорошо помнитъ этаго знаменитаго человѣка, нѣкогда прикащика въ лавкѣ суконныхъ издѣлій, котораго первый шагъ къ отличію — *былъ подвигъ чести и честности.*

Журналъ «ПОДСНѢЖНИКЪ» выходитъ перваго числа каждаго мѣсяца, книжками отъ 6 до 8 печатныхъ листовъ. Смотри по содержанию статей, въ журналѣ будутъ помѣщаться картинки, чертежи, географическія карты, планы и проч.

Цѣна за **12** книжекъ въ годъ **ШЕСТЬ** рублей, съ доставкою на домъ — **СЕМЬ** руб., съ пересылкою въ города **СЕМЬ** руб. **ПЯТЬДЕСЯТЬ** коп. сер.

Казенныя учебныя заведенія могутъ доставлять деньги въ теченіи 1859 года.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С. Петербургѣ — въ конторѣ журнала «ПОДСНѢЖНИКЪ», при книжномъ магазинѣ *Василья Алексѣевича Исакова*, на Невскомъ проспектѣ, противъ Католической церкви.

Въ Москвѣ — въ конторѣ журнала «ПОДСНѢЖНИКЪ», при книжномъ магазинѣ *Н. Щепкина и К^о*, на Лубянкѣ, въ домѣ Сисалина.

Гг. иногородные подписчики благоволятъ адресовать свои требованія *исключительно въ петербургскую контору журнала.*

Каждый № журнала «ПОДСНѢЖНИКЪ», по выходѣ, сдается въ наглухо заклеенномъ пакетѣ въ Газетную Экспедицію С. Петербургскаго Почтамта и дальнѣйшее отправленіе журнала зависитъ уже отъ Экспедиціи. Поэтому, не получившіе какого-либо № журнала «ПОДСНѢЖНИКЪ», благоволятъ адресоваться съ просьбами о высылкѣ книжки къ господину С. Петербургскому Почтъ-Директору.

